МЕЖВУЗОВСКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНГРЕСС

ВЫСШАЯ ШКОЛА:
НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Москва, 2026

Коллектив авторов

Сборник научных статей по итогам работы

Межвузовский международный конгресс

ВЫСШАЯ ШКОЛА: НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Москва, 2026

ББК 65

В42

Высшая школа: научные исследования. Материалы Межвузовского международного конгресса (г. Москва, 30 апреля 2026 г.). / Отв. ред. Д. Р. Хисматуллин. — Москва: Издательство Инфинити, 2026. — 167 с.

В42

DOI 10.34660/INF.2026.18.80.110

Сборник составлен по итогам работы Межвузовского научного конгресса. Включает в себя доклады российских и зарубежных представителей высшей научной школы, в которых рассматриваются современные научные тенденции, новые научные и прикладные решения в различных областях науки, практика применения результатов научных разработок. Служит инструментом обмена опыта научных работников, апробации исследований путем их публичного обсуждения.

Предназначено для научных работников, профессорско-преподавательского состава, соискателей ученой степени и студентов вузов.

Все статьи, представленные в сборнике, проходят процедуру рецензирования. Рецензирование осуществляется членами редакционной коллегии и приглашенными экспертами по соответствующим научным направлениям.

ББК 65

© Издательство Инфинити, 2026
© Коллектив авторов, 2026

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЗИКО-МАТЕМАТИЧЕСКИЕ НАУКИ

Рекомендации по калибровке различных типов расходомеров в условиях крайнего севера
Буянова Екатерина Дмитриевна 8

ХИМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Контакты олигомеров кислорода и молекул воды в оценке расчетной молекулярной динамики
Бобыренко Юрий Яковлевич 12

МЕДИЦИНСКИЕ НАУКИ

Возрастные особенности системной воспалительной реакции в период заместительной почечной терапии при почечной недостаточности у детей
Мухитдинова Хура Нуритдиновна, Рахимова Сурае Рузметовна, Холбаева Дильфуза Сабировна 17

Биоресурсы и медицинские значение некоторых эндемичных лекарственных полыней Копетдага
Акмурадов Алламурад, Атагараев Мухамметгулы Ашырович, Дурдыева Огулсадап Ходжагелдиевна 25

От истоков к современности: профессиональное выгорание стоматолога в контексте истории и медицинской этики
Бородина Диана Яновна, Саранчук Полина Сергеевна, Аленицкая Марина Владимировна 33

ТЕХНИЧЕСКИЕ НАУКИ

Федеративное обучение моделей детекции дипфейков для распределенных систем цифровой криминалистики
Погуляй Геннадий Сергеевич 39

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Особенности перевозки негабаритных грузов из Китая в Россию
Лобанова Елена, Кархова Ирина 47

Анализ действующих проектов и механизмов взаимодействия государства и бизнеса в сфере туризма
Аврах Иван Юрьевич. 55

Влияние санкций на бюджетную систему России
Вишневецкая Виктория Вячеславовна 62

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

Трансформация международного терроризма в современных условиях: угрозы и вызовы национальной безопасности
Шалов Даулет Асылбекович 69

Духовно-нравственные ценности в геополитике стран Центральной Азии: сравнительный анализ
Сизых Роман Александрович 77

Факторы предупреждения международного терроризма и религиозного экстремизма
Байтуганов Серик Маликович 84

Платформенная власть и трансформация механизмов государственного контроля в цифровую эпоху
Яо Линдун 92

Сравнительный анализ зарубежного опыта унификации терминологии в сфере безопасности
Иманалиева Жулдыз 97

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Пробелы уголовного законодательства Республики Казахстан в сфере противодействия экстремизму
Оспанова Жанар Калиевна. 104

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Роль Русской Православной Церкви в поддержании моральной готовности и психологической способности личного состава к боевым действиям
Ерополов Евгений Петрович, Дмитриев Прохор Игоревич, Таймазов Абдуллабек Умалатович 111

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Соответствие уровня квалификации профессиональным требованиям к должностям в сфере физической культуры и спорта
Николаева Наталия Игоревна *116*

Реформа российского транспортного образования: проблемы, перспективы
Михайлова Мария Юрьевна *126*

Современные текстовые ресурсы в образовательном пространстве среднего профессионального образования: особенности применения и перспективы развития
Сидорова Мария Прокопьевна *130*

Профессиональные деструкции педагогов в системе управления качеством образования
Сергиенко Наталья Николаевна, Мирза Наталья Викторовна *135*

Methodological and pedagogical aspects of patriotic education of students in universities
He Xin *142*

Актуальные подходы к повышению квалификации педагогов в рамках естественнонаучного образования: поиски новаторских идей и решений
Зияева Гульмира Акмаловна, Исланова Нина Николаевна, Шевченко Наталья Анатольевна *146*

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Язык музыки как цивилизационная ценность
Самраилова Екатерина Константиновна *156*

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

К вопросу о русской интерпретации стихотворной драматургии Альфреда Теннисона поэтом и переводчиком В. П. Бурениным
Чернин Владимир Константинович *162*

DOI 10.34660/INF.2026.97.90.092

РЕКОМЕНДАЦИИ ПО КАЛИБРОВКЕ РАЗЛИЧНЫХ ТИПОВ РАСХОДОМЕРОВ В УСЛОВИЯХ КРАЙНЕГО СЕВЕРА

Буянова Екатерина Дмитриевна
магистр
Сибирский федеральный университет

Аннотация: *В статье представлен системный анализ нормативно-правовой базы, регламентирующей калибровку расходомеров в Российской Федерации. Рассмотрены законодательный, технико-методический и локальный уровни нормативного регулирования. Выявлены основные недостатки существующей базы: разрозненность методик, неполный учет региональной специфики, отсутствие унифицированных процедур верификации. Обоснована необходимость разработки корпоративных стандартов для предприятий, эксплуатируемых в особых климатических условиях.*

Ключевые слова: *нормативно-правовая база, единство измерений, калибровка расходомеров, поверочные схемы, методики поверки, защита программного обеспечения.*

Обеспечение единства измерений является одной из важнейших задач в сфере промышленного производства, особенно в нефтегазовой отрасли, где результаты измерений расхода служат основанием для финансовых расчетов между контрагентами. Нормативно-правовая база в этой области формируется на нескольких уровнях: законодательном, технико-методическом, международном и локальном, каждый из которых вносит свой вклад в формирование единой системы требований к измерениям расхода.

На законодательном уровне основополагающим документом является Федеральный закон от 26 июня 2008 г. № 102-ФЗ «Об обеспечении единства измерений», который устанавливает правовые основы обеспечения единства измерений в Российской Федерации. В соответствии с данным законом, расходомеры, используемые для коммерческого учета нефти и газа, относятся к сфере государственного регулирования. Это накладывает обязательные требования: применение средств измерений утвержденного типа, зарегистрированных в Государственном реестре средств измерений; проведение периодической поверки аккредитованными юридическими лицами; соблюдение

установленных межповерочных интервалов; а также обеспечение защиты программного обеспечения от несанкционированных настроек и вмешательства.

На технико-методическом уровне ключевым документом, устанавливающим порядок передачи единиц измерений от эталонов к рабочим средствам измерений, является ГОСТ 8.510-2002 «Государственная поверочная схема для средств измерений объема и массы жидкости». Данный стандарт определяет назначение установки высшей точности, основные метрологические характеристики рабочих эталонов, а также порядок передачи размеров единиц объема и массы от установки высшей точности при помощи рабочих эталонов 1-го и 2-го разрядов рабочим средствам измерений.

Для измерения расхода жидкостей и газов с помощью стандартных сужающих устройств применяется комплекс межгосударственных стандартов ГОСТ 8.586.1-8.586.5-2005 «Измерение расхода и количества жидкостей и газов с помощью стандартных сужающих устройств». Данный комплекс охватывает все аспекты применения сужающих устройств: от принципа метода измерений и общих требований до технических требований к диафрагмам, соплам, соплам Вентури и трубам Вентури, а также методики выполнения измерений. Важной особенностью этого комплекса является его гармонизация с международными стандартами ISO 5167, что обеспечивает сопоставимость результатов измерений с международной практикой.

Важным методическим документом является МИ 3532–2015 «Рекомендации по определению массы нефти при учетных операциях с применением систем измерений количества и показателей качества нефти», Данные рекомендации определяют требования к системам измерений количества и показателей качества нефти и порядок определения при учетных операциях массы нефти прямым и косвенным методами динамических измерений. Документ устанавливает ключевые понятия, такие как контроль метрологических характеристик, под которым понимается определение отклонения метрологических характеристик средств измерений в межповерочном интервале от действительных значений, определенных при последней поверке, а также межконтрольный интервал – промежуток времени между двумя очередными актами контроля.

В соответствии с Федеральным законом № 102-ФЗ, средства измерений, используемые в сфере государственного регулирования, должны обеспечивать защиту программного обеспечения от несанкционированных настроек и вмешательства. Для реализации этого требования разработаны Р 50.2.077–2014 «Испытания средств измерений в целях утверждения типа. Проверка защиты программного обеспечения», а также МИ 3286–2010 «Проверка защиты программного обеспечения и определение ее уровня при испытаниях средств измерений в целях утверждения типа». Данные документы устанавливают последовательность действий при проведении испытаний средств измерений

в части проверки защиты программного обеспечения, а также определяют уровни защиты. В соответствии с МИ 3286–2010, уровень защиты программного обеспечения определяется как комплексная характеристика, включающая защиту метрологически значимой части программного обеспечения и измеренных данных от случайных или непреднамеренных изменений, защиту от преднамеренных изменений, наличие идентификационных признаков, а также степень влияния программного обеспечения на метрологические характеристики средства измерений.

На локальном уровне в рамках системы менеджмента качества и системы обеспечения единства измерений предприятий нефтегазового комплекса разрабатываются и действуют внутренние нормативные документы. К ним относятся стандарты организации по организации и порядку проведения поверки и калибровки средств измерений, регламенты взаимодействия с аккредитованными поверочными организациями, графики поверки средств измерений по объектам, а также инструкции по эксплуатации и обслуживанию расходомеров, разрабатываемые с учетом климатических и технологических особенностей конкретного месторождения.

Проведенный анализ нормативно-правовой базы позволяет выявить ряд недостатков, которые затрудняют организацию эффективного метрологического обеспечения расходомеров на удаленных месторождениях в условиях Крайнего Севера:

– разрозненность методик: для различных типов расходомеров применяются разные методики поверки, не интегрированные в единую систему, что создает сложности при планировании и проведении калибровочных работ;

– существующие методики не учитывают в полной мере климатические особенности Крайнего Севера – низкие температуры, значительные суточные перепады, вечную мерзлоту, а также технологические особенности месторождений с высоким содержанием парафина и высокой обводненностью продукции;

– нормативная база не регламентирует порядок проведения промежуточных контрольных процедур в межповерочный период, что снижает оперативность выявления изменений метрологических характеристик расходомеров;

для удаленных объектов не разработаны четкие алгоритмы проведения калибровки без демонтажа расходомеров с использованием передвижных поверочных лабораторий.

Таким образом, нормативно-правовая база в области обеспечения единства измерений расхода представляет собой многоуровневую систему, включающую законодательные акты, государственные поверочные схемы, стандарты на методы измерений, методики поверки конкретных систем и требования к защите программного обеспечения. Однако выявленные недостатки – разрозненность методик, неполный учет региональной специфики, отсутствие

унифицированных процедур верификации и недостаточная регламентация калибровки по месту эксплуатации – обосновывают необходимость разработки корпоративных стандартов, адаптированных к условиям конкретных предприятий и регионов их деятельности, особенно для месторождений, расположенных в зоне Крайнего Севера.

DOI 10.34660/INF.2026.98.20.111

КОНТАКТЫ ОЛИГОМЕРОВ КИСЛОРОДА И МОЛЕКУЛ ВОДЫ В ОЦЕНКЕ РАСЧЕТНОЙ МОЛЕКУЛЯРНОЙ ДИНАМИКИ

Бобыренко Юрий Яковлевич
кандидат химических наук, старший научный сотрудник, доцент
Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический, университет,
г. Челябинск, Россия

Аннотация: *Методом молекулярной динамики рассмотрено взаимодействие 11 и 12-ти атомных олигомеров кислорода с 20-ю молекулами воды при 333К в периодическом боксе. Распад олигомеров на отдельные атомы за время расчета не обнаружен. С ростом координационных чисел атомов кислорода олигомер увеличивает свою гидрофобность. Макромолекула при этом оттесняется к границам бокса. Обсуждена возможная природа явления.*

Ключевые слова: *Олигомеры кислорода в периодическом боксе. Гидрофобность. Компьютерные расчеты,*

В работе[1] компьютерным способом сочинен низкомолекулярный диоксид титана, обладающей энергией образования большей, чем энергии предыдущих аналогов за счет возникновения в центре оксида плотного блока из атомов кислорода. Атомы титана при этом находятся снаружи блока. В работе[2] в попытках принудительной «ароматизации» циклических шестичленных моно соединений из атомов B, C, N, O, Al, Si, P и S, обнаружено, что различные сочетания атомов кислорода друг с другом по разному реагируют на присутствие молекул воды, меняя свою гидрофобность.

В данной работе исследование продолжено. Предположено, что вариации гидрофобности моно поверхности кислорода могут быть связаны с числом координационных связей кислородных атомов друг с другом. Метод исследования – компьютерные расчеты на базе молекулярной динамики. Для этого были сочинены один 11-ти атомный образец олигомера кислорода, содержащий в основных своих частях двух координационные атомы кислорода при центральном пяти координационном атоме, и три 12-ти атомных кислородных олигомера, где атомы кислорода связаны друг с другом тремя, четырьмя

или шестью связями. Перед расчетом молекулы олигомеров геометрически оптимизировались (ММ+).

Каждая молекула помещались в центр периодического бокса размером 9x9x9 А, содержащего 20 молекул воды. Молекулярная динамика выполнялась с помощью полуэмпирической базы ZINDO/1 в течение 10 пикосекунд при температуре 333К. В ходе расчета фиксировались состояния олигомера, молекул воды и их взаимное расположение. Снимки боксов представлены на рис. 1–4. Слева – начальные, справа – конечные.

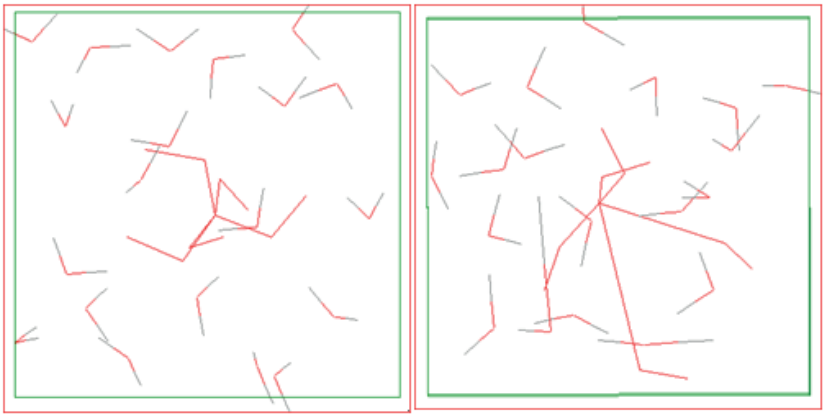

Рис. 1 Олигомер с преимущественно двойными координационными числами.

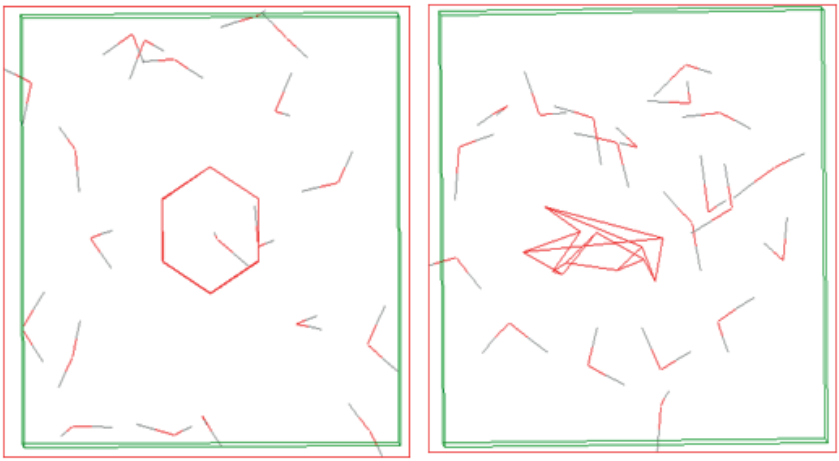

Рис. 2. Олигомер с тройными координационными числами.

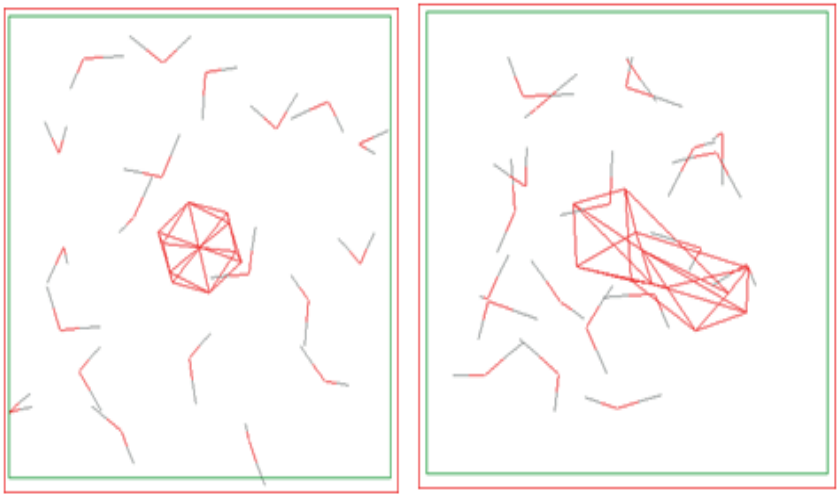

Рис. 3. Олигомер с четверными координационными числами.

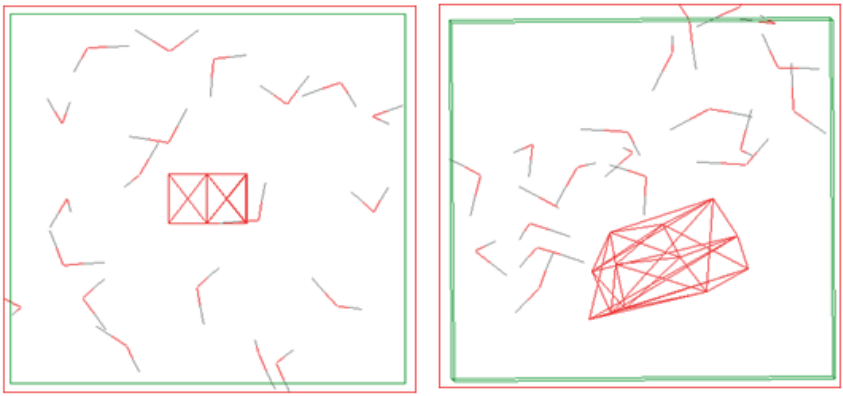

Рис. 4. Олигомер с шестерными координационными числами.

Первый вывод, который следует из сделанных наблюдений, заключается в том, что при весьма существенных деформациях всех олигомеров в условной водной среде в течении 10 пс возможный распад их на отдельные атомы или молекулы и рассеяние по всему боксу не наблюдается. Может быть это частично имеет место в случае двойных связей (рис. 1). В других случаях удлинение некоторых связей обнаруживается, но существенного распада нет. Это указывает на то, что связи между атомами кислорода в воде при 333К

могут быть довольно прочными, как при малых координационных числах, так и при больших. Не исключено, что такие олигомерные сочетания атомов кислорода могут иметь место и в природных условиях. Они вызывают некоторое удивление, как например, и спонтанная кристаллизация диоксида титана в водных растворов титана в опытах В. А. Каргина[3,4], вызывающая в свою очередь такое явление как сверхбыстрая коагуляция, называемая поэтому в настоящее время самопроизвольной конвективной коагуляцией[5].

Второй вывод состоит в том, что только олигомер с преимущественно двумя координационными числами сравнительно слабо отторгается молекулами воды. Повышение координационных чисел приводит к тому, что олигомер, деформируясь, заметно выталкивается в ту или иную стороны бокса, располагаясь ближе к окраине водного пространства. Мы полагаем, что это обусловлено тем, что повышение координационных чисел атомов кислорода в олигомере, включая не поделенные пары электронов кислорода в связи между собой, затрудняет их контакты с не поделенными парами электронов атомов кислорода молекул воды. Вероятно, с подобной особенностью состояния молекул кислорода связано то, что кристаллы диоксида кремния на границе с водой имеют краевой угол смачивания, равный 0^0, кристаллы диоксида титана 45–46^0, а кристаллы диоксида циркония более 90^0. Координационные числа атомов кислорода в кристаллических диоксидах кремния равны 2, в диоксидах титана 3, в диоксидах циркония 4 соответственно. В связи с таким детским объяснением интересно было бы узнать величину краевого угла смачивания водою поверхности кристаллов оксида кремния стишовитной модификации, где координационное число атомов кислорода равно 3.

Из реальных координационных чисел молекул кислорода мы, по-видимому, можем предполагать в основном такие величины, как 2, 3 и 4, тогда как более высокие значения, если встречаются в химической практике, то реже. Конечно, наши валентные черточки в сочиненных нами моделях являются существенно искусственными. Тем не менее определенную тенденцию они поддерживают.

Еще одно наблюдение касается молекул воды в присутствии молекул кислорода. Не часто, но все-таки иногда возникают такие ситуации, когда редкие молекулы воды сами деформируются, отодвигая далеко от себя один атом водорода. Такое же явление в более заметных количествах наблюдалось ранее при повышенных температурах в расчетных контактах молекул воды и гидроксидов или оксидов соединений титана[6].

Библиографический список

1. Бобыренко Ю. Я. Новые расчетные структуры низкомолекулярных диоксидов титана. «Высшая школа: научные исследования». Материалы межвузовского международного конгресса. (Москва. 21 марта 2024 г.) – Москва. Изд. Инфинити. 2024. С. 127–131.

2. Бобыренко Ю.Я Неорганические атомы в ароматических компьютерных фантазиях. «Высшая школа: научные исследования». Материалы межвузовского международного конгресса. (Москва. 5 марта 2026 г.). Отв. ред. Д. Р. Хисматуллин.– Москва. Изд. Инфинити. 2026. С. 15–20.

3. Берестнева З. Я. Корецкая Г. А., Каргин В. А. Электронно-микроскопическое исследование TiO2-золей и механизм образования коллоидных частиц. Коллоидный журнал. 1950. Т. 12. № 5. С. 338–341.

4. Берестнева З. Я., Каргин В. А. О механизме образования коллоидных частиц. Успехи химии. 1955. Т. 24. № 3. С. 249–259.

5. Бобыренко Ю. Я. Гидролиз и флокуляция ионов титана(IV) как стимуляторы конвективной (сверхбыстрой) коагуляции коллоидов. «Высшая школа: научные исследования». Материалы Межвузовского международного конгресса. (Москва, 18 августа 2023 г.) Москва. Изд. Инфинити. 2023. Т. 1. С. 72–75.

6. Бобыренко Ю. Я. Исследование некоторых изомеров гидроокисных соединений титана(IV). «Высшая школа: научные исследования». Материалы межвузовского международного конгресса. (г. Москва, 11 декабря 2025 г.) Том 1. Отв. ред. Д. Р. Хисматуллин.– Москва. Изд. Инфинити. 2025. С. 10–15.

DOI 10.34660/INF.2026.98.43.034

ВОЗРАСТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ СИСТЕМНОЙ ВОСПАЛИТЕЛЬНОЙ РЕАКЦИИ В ПЕРИОД ЗАМЕСТИТЕЛЬНОЙ ПОЧЕЧНОЙ ТЕРАПИИ ПРИ ПОЧЕЧНОЙ НЕДОСТАТОЧНОСТИ У ДЕТЕЙ

Мухитдинова Хура Нуритдиновна
доктор медицинских наук, профессор
Центр повышения профессиональной квалификации медицинских работников
Рахимова Сурае Рузметовна
заместитель главного врача по детству
Республиканский научный центр экстренной медицинской помощи
Холбаева Дильфуза Сабировна
анестезиолог-реаниматолог
Республиканский научный центр экстренной медицинской помощи

Аннотация. *Более выраженная нестабильность функциональной активности центров терморегуляции (тенденция к повышению мезора ЦР, увеличение амплитуды, суточных колебаний температуры тела) обусловлена прежде всего более низким порогом чувствительности рецепторов симпатической нервной системы в раннем возрасте. Выявлена более выраженная эффективность интенсивной комплексной терапии у детей старше 7 лет, что мы склонны связывать в большей степени с анатомофизиологической зрелостью, обусловившей более успешное восстановление функции мочевыделительной системы у детей старшей группы. Метод оценки Cys C является показателем выраженности воспалительной реакции. Метод более чувствительный, чем температурная реакция, а также прямо коррелирует со степенью почечной и печеночной недостаточности преимущественно у детей раннего возраста.*

Ключевые слова: *системная воспалительная реакция, гемодиализный период, почечная недостаточность, дети*

Актуальность. Прогресс реанимации, улучшение оснащения реанимационных отделений, внедрение в клиническую практику все более эффективных антибактериальных препаратов, новых подходов к гемодинамической,

реокорригирующей, антиоксидантной терапии и респираторной поддержки привели к увеличению количества пациентов, переживших ОПН. В связи с этим перспективы временного замещения утраченных почечных функций весьма заманчивы. Начавшись с примитивных способов удаления экзо- и эндотоксинов из организма (кровопускание, применение слабительных и мочегонных средств), эфферентная медицина становится наиболее эффективным методом в рамках комплексного лечения синдрома экзо- и эндогенной интоксикации. Ренальная олигурия характеризуется паренхиматозной почечной недостаточностью и может возникнуть вследствие поражения паренхимы почки различными повреждающими факторами. Однако в большинстве случаев ОПН с олигоанурией вызывают два заболевания: острый некроз канальцев и острый интерстициальный нефрит. Острый некроз канальцев (ОНК) вызывается самыми разнообразными причинами, в том числе ишемией, сепсисом, хирургическими вмешательствами, лекарственными средствами, ядами растительного и животного происхождения, пигментами (например, миоглобином). Острый интерстициальный нефрит (ОИН) обусловлен реакцией гиперчувствительности, развивающейся в почках вследствие воздействия лекарственных средств. ОПН с олигурией у пациентов, находящихся в отделениях интенсивной терапии, обычно указывает на системные поражения организма (сепсис, полиорганная недостаточность, токсическое действие лекарственных средств, красителей). Заместительная почечная терапия (ЗПТ) – это комплекс разнородных по своей структуре и основополагающим принципам процедур, проводимых для поддержания жизни пациента с утраченными функциями собственных почек. Каждая их этих функций может быть частично заменена применением диализных методов. Кроме этого, почка выделяет гормоны, стимулирующие кроветворение, активизирует витамин Б и регулирует кровяное давление: эти функции могут быть заменены частично или полностью применением дополнительной медикаментозной терапии, а такая функция, как инактивация излишних гормонов, может быть обеспечена только нормально функционирующей почкой. Гемодинамические перегрузки, венозный застой, активация нейрогуморальных систем, натрийуретические пептиды, воспаление, эндотелиальная дисфункция, окислительный стресс и его влияние на ремоделирование сердца и сосудов, а также механизмы клеточной дезадаптации в настоящее время считаются основными причинами патогенеза ОСН. Симпатическая стимуляция приводит к увеличению сократительной способности через активацию бета-адренергических рецепторов сердца и увеличению сопротивления периферических сосудов через активацию альфа-адренергических рецепторов сосудов. Дополнительные эффекты вазоконстрикции также могут быть опосредованы нейрогормональной активацией ренин-ангиотензин-альдостероновой

системы, где ангиотензин II и вазопрессин вызывают непосредственное сужение кровеносных сосудов. Непосредственная дисфункция эндотелия может также резко изменить сосудистую восприимчивость за счет активации эндотелиального окислительного стресса, при этом высвобождение цитокинов генерирует активные формы кислорода, которые непосредственно способствуют удалению оксида азота (NO), ограничивая, тем самым, возможность вазодилатации. Эти эффекты имеют системный характер, включая как артериальные, так и венозные сосуды, способствуют повышению мобилизации центрального объема крови. Этот механизм сочетается с современным патофизиологическим пониманием гемодинамических нарушений, где увеличение давления в легочной артерии может наблюдаться за несколько дней-недель до эпизода ОСН. Ц**истатин С (Cys C)** – надежный лабораторный маркер для ранней диагностики нарушений функции почек и оценки скорости клубочковой фильтрации (СКФ). В отличие от креатинина, уровень цистатина С в крови меньше зависит от возраста, пола, мышечной массы и диеты, что делает его более чувствительным показателем ранней почечной недостаточности [1–7]. В связи с недостаточностью информации нами предпринята попытка изучить и дать оценку возрастным особенностям системной воспалительной реакции в период заместительной почечной терапии при почечной недостаточности у детей.

Цель работы. Изучить и дать оценку возрастным особенностям системной воспалительной реакции в период заместительной почечной терапии при почечной недостаточности у детей.

Материал и методы исследования. Изучены данные мониторирования температуры тела, гемодинамики, системы дыхания у 14 детей с заболеваниями, осложнившимися почечной недостаточностью в фазу олиго и анурии. Комплексная интенсивная терапия включада наряду с этиопатогенетической терапией протезирование функции дыхательной и мочевыделительной систем.

Таблица 1. Характеристика больных.

Группы	Возраст, годы	Сеансы ГД, колич.	Лечение в ОРИТ, сут.
1 (4 мес.– 2 года 6 мес)	0,8±0,4	11,0±7,0	14,2±12,2
2 (7–18лет)	13,9±3,2	6,0±1,7	9,0±2,8

Непрерывное почасовое мониторирование осуществляли в двух возрастных группах. В 1 включили детей в возрасте 0,8±0,4 лет, мальчиков оказалось 3, девочек 3. Во 2 группе изучали данные обследования пациентов в возрасте 13,9±3,2 лет, из них 1 мальчик, 7 девочек. В 1 группе у всех детей были выявлены: пневмония, очаговая-2, полисегментарная-1,

двусторонняя, осложненная у 2 Сепсисом, СПОН, острым повреждением почек в стадии олиго-анурии –3, ГУС-1, токсико-метаболической энцефалопатией –3, ОДН- 2–3 степени –5. Фон у 4 детей: поликистоз почек, врожденный нефротический синдром, нефромегалия, ОКИ в стадии реконвалесценции. Во 2 группе – системная красная волчанка – 3, пневмония- 6, сепсис- 3, рабдомиолиз, осложненный ОПН – 1, острый нефрит – 1, ХПН в стадии обострения-6, СПОН-2, ВПР- единственная почка –1. Все пациенты прошли через Экстракорпоральное очищение крови (ЭКОК). Возрастное различие заключалось в продолжительности комплексной интенсивной терапии, когда пациенты 1 группы находились в ОРИТ в среднем 14,2±12,2 суток, 2 группы на 43 % меньше (таб.1). Пациентам 1 группы проведено 11±7 сеансов, во 2–6±1,7 сеансов, то есть на 45 % меньше. У всех пациентов в первые 2 суток изучен показатель CYS C.

Результаты и их обсуждение. Выявленные различия длительности интенсивной терапии, динамика тяжести состояния, данных клинико-функционального обследования свидетельствовали о сравнительно более эффективной интенсивной комплексной терапии во 2 группе, что мы склонны связывать в большей степени с анатомофизиологической зрелостью, обусловившей более успешное восстановление функции мочевыделительной системы у детей старшей группы.

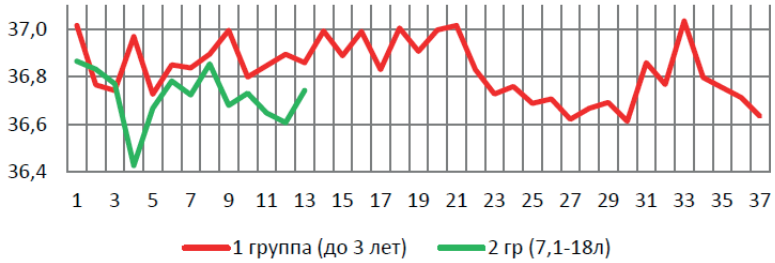

Рис. 1. Динамика мезора ЦР температуры тела в градусах по Цельсию.

Изменения мезора ЦР температуры тела носили колебательный характер, причем в 1 группе на протяжении 20 суток уровень колебаний был на 0,15–0,3° выше, чем во 2 группе. Обнаруженное субфебрильное колебание температурной реакции характеризует недостаточную эффективность противовоспалительной терапии в 1 группе (рис. 1).

Выявлено достоверное отличие температуры тела в акрофазе в первые 10 суток и на протяжении 37 суток у детей 1 группы на 0,4 °С ($p<0,05$). В то время как у старших пациентов отличие показателя в акрофазе носила характер

тенденции к повышению на 0,2 °С (p>0,05) (таб,2). Амплитуда суточных колебаний оказалась наиболее значимой в первые 10 суток в 1 группе, составив 0,4±0,1 °С.

Таблица 2. Средние значения амплитудно- фазовой структуры ЦР температуры тела.

	Мезор	В акрофазе	В батифазе	Амплитуда	Суточные колебания
1 гр 10 дн	36,9±0,1	37,3±0,2*	36,7±0,1	0,4±0,1	0,6±0,2
2 гр 10 дн	36,8±0,1	37,0±0,1	36,6±0,1	0,2±0,1	0,4±0,2
1 гр (11–37 сут)	36,8±0,1	37,2±0,2*	36,6±0,1	0,3±0,1	0,6±0,2
2 гр (11–13 сут)	36,7±0,1	37,0±0,2	36,5±0,03	0,3±0,1	0,5±0,2

*- отличие достоверно относительно показателя мезора

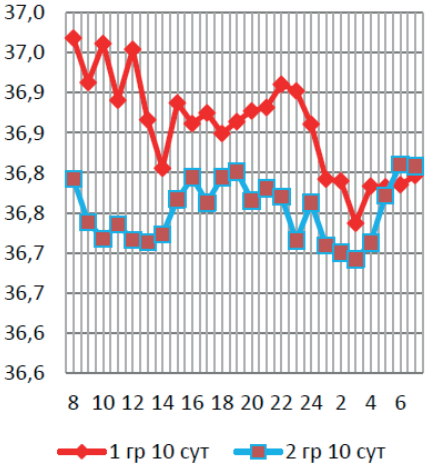

Рис. 2. СЦР температуры (10суток).

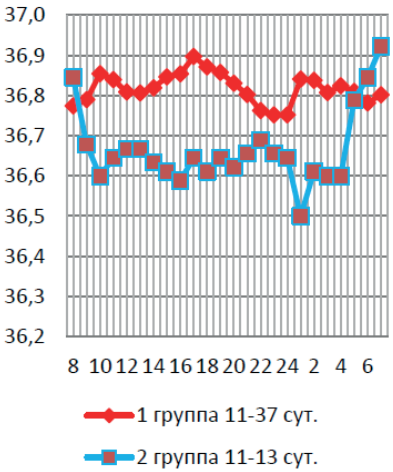

Рис. 3. СЦР температуры (11–37 сутки).

Средние значения суточных колебаний температуры происходил в первые 10 суток в 1 группе на уровне 36,9±0,1 °С, во 2 группе 36,8±0,03 °С (рис. 2), в последующие 11–37 сутки на уровне 1 группа 36,8±0,03 °С, во 2 группе 36,7±0,1 °С (рис. 3). Проекция акрофазы оказалась смещенной в 1 группе на 10 часов против часовой стрелки, во 2 группе отмечена акрофаза в 19 часов в первые 10 суток.

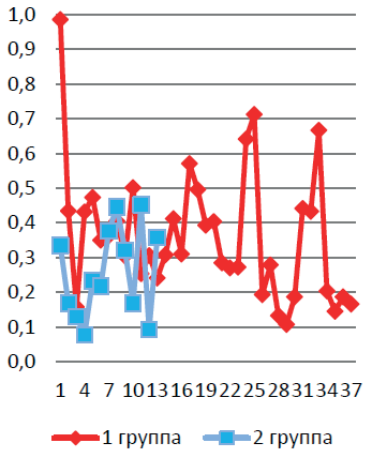

Рис. 4. Амплитуды ЦР температуры тела.

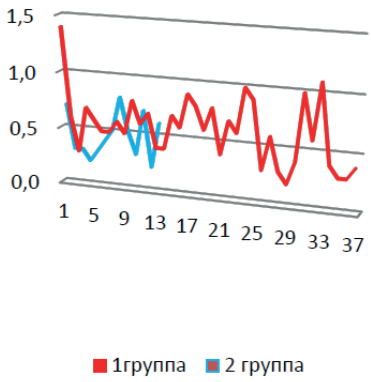

Рис. 5. Суточный размах колебаний температуры

Сравнительно более значительная тенденция к росту амплитуды ЦР температуры тела в 1 группе характеризует более выраженную нестабильность функциональной активности центров терморегуляции, обусловленной прежде всего более низким порогом чувствительности в раннем возрасте (рис. 4). Суточные перепады температуры тела также оказались более выраженными в 1 группе (рис. 5.). По-видимому, наряду с подбором более эффективной этиотропной антибактериальной терапии следует принимать во внимание повышенную чувствительность, лабильность, истощаемость, ранимость у детей раннего возраста. Наряду с комплексной противовоспалительной терапией выявляется целесообразность седативной стресспротективной коррекции, вплоть до перевода на ИВЛ или ВИВЛ. Ведение исследуемой категории больных осложняет то, что у большинства детей имела место хроническая инфекция, системная воспалительная реакция, по поводу которых дети неоднократно и длительно ранее получали антибактериальную, противовоспалительнгую терапию, которая в связи с недостаточной эффективностью обусловила хронизацию некупированного острого заболевания.

Выявлены достоверно значимые возрастные различия корреляционных связей Cys C в 1 и 2 группах. Так в 1 группе обнаружена прямая зависимость показателя Cys C от количества лейкоцитов (0,82), палочкоядерных (0,9), сегментоядерных (0,74), показателя СОЭ (0,82), и обратная от количества лимфоцитов (–0,79) в периферической крови. Примечательно, что в старшей группе сохранилась только положительная прямая корреляция с количеством сегментоядерных (0,81) (рис. 6). Также в 1 группе обнаружена прямая

связь динамики Cys C с показателем креатинина (0,82), АЛТ (0,87) (рис. 7). Таким образом показатель Cys C является отражением выраженности воспалительной реакции, более чувствительной, чем температурная реакция, а также прямо коррелирует со степенью почечной и печеночной недостаточности преимущественно у детей раннего возраста.

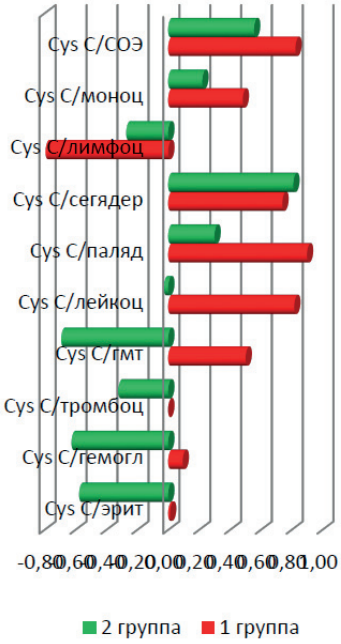

Рис. 6. Коррел св Cys C с элементами крови.

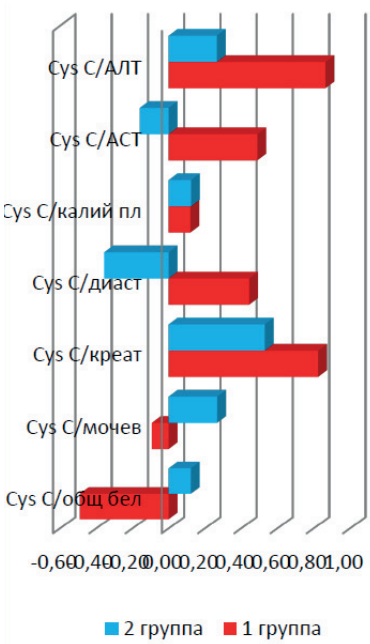

Рис. 7.Кор. св. Cys C с биохим. показат. плазмы

Вывод. Более выраженная нестабильность функциональной активности центров терморегуляции (тенденция к повышению мезора ЦР, увеличение амплитуды, суточных колебаний температуры тела) обусловлена прежде всего более низким порогом чувствительности рецепторов симпатической нервной системы в раннем возрасте. Выявлена более эффективная интенсивная комплексная терапия у детей старше 7 лет, что мы склонны связывать в большей степени с анатомофизиологической зрелостью, обусловившей более успешное восстановление функции мочевыделительной системы у детей старшей группы. Показатель Cys C является отражением выраженности воспалительной реакции, метод более чувствительный, чем температурная

реакция, а также прямо коррелирует с степенью почечной и печеночной недостаточности преимущественно у детей раннего возраста.

Источники.

1. https://cyberleninka.ru/article/n/ishemicheskie-izmeneniya-miokarda-u-bolnyh-s-hronicheskoy-pochechnoy-nedostatochnostyu-poluchayuschih-terapiyu-gemodializom

2. https://med.wikireading.ru/20440

3. https://www.lvrach.ru/2004/06/4531433

4. https://www.krasotaimedicina.ru/diseases/children/renal-failure

5. https://www.bsmu.by/downloads/kafedri/k_2_child/lohpn.pdf

6. https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9E%

7. https://meduniver.com/Medical/nefrologia/lechenie_opn_u_detei.html

DOI 10.34660/INF.2026.98.55.057

БИОРЕСУРСЫ И МЕДИЦИНСКИЕ ЗНАЧЕНИЕ НЕКОТОРЫХ ЭНДЕМИЧНЫХ ЛЕКАРСТВЕННЫХ ПОЛЫНЕЙ КОПЕТДАГА

Акмурадов Алламурад
кандидат биологических наук, преподаватель
Государственный медицинский университет Туркменистана имени Мырата Гаррыева
Атагараев Мухамметгулы Ашырович
кандидат медицинский наук, заведующий кафедрой
Государственный медицинский университет Туркменистана имени Мырата Гаррыева
Дурдыева Огулсадап Ходжагелдиевна
преподаватель
Государственный медицинский университет Туркменистана имени Мырата Гаррыева

Аннотация. *Приводятся данные о ресурсном потенциале и медицинские значение некоторых эндемичных лекарственных полыней Копетдага. Показана возможность их широкого использования в фармацевтике и пищевой промышленности, в частности, в рецептуре различных безалкогольных напитков. Особо отмечается, что, несмотря на значительный объём ресурсов этих растений, необходима разработка специальной инструкции по технике заготовки сырья с учётом прогноза урожайности и климатических особенностей года.*

Ключевые слова: *сырьевые ресурсы, эфирное масла, полынь, эксплуатационный запас, Копетдаг.*

Введение. Лечебные свойства полыни, его широкое распространение определили стойкий интерес к его изучению [1; 4–6].

Исследование особенностей природных ресурсов и химического состава полыни, доминирующей в растительном покрове территории Копетдага необходимое условие их рационального использования [5; 6]. Благодаря оригинальному составу биологически активных веществ, эфирным маслам и широкому спектру фармакологических действий, некоторые эндемичные и субэндемичные виды полыней требуют их тщательного изучения, в целях

широкого применения в медицинской практике, а также в других отраслях народного хозяйства.

Ресурсы дикорастущих лекарственных растений Центрального Копетдага представляют огромный интерес для медицинской, пищевой и других отраслей промышленности Туркменистана. На их основе уже получены новые эффективные лекарственные препараты, они используются в приготовлении безалкогольных напитков и др.

К экосистемам Центрального Копетдага приурочены важнейшие промышленно ценные виды полыней, сырьевые ресурсы которых практически не ограничены. Всего здесь произрастает 11 видов полыней, 4 из которых представляют наибольший хозяйственный интерес (по занимаемой площади и запасам сырья). Среди которых наибольший экономический интерес по площади и сырьевым ресурсам представляют 4 эндемичных вида: копетдагская, туркменская, цитваровидная и бадхызская полыни [2; 8; 10].

Широкий спектр фармакологического действия биологически активных веществ и оригинальный состав эфирных масел полыней Туркменистана делают их исключительно перспективными для глубокого исследования и широкого использования в различных отраслях промышленности Туркменистана.

Изучение видов полыни, произрастающих на территории Центрального Копетдага, даёт основание с уверенностью утверждать, что они могут быть выгодными с экономической точки зрения лекарственными растениями. В этой связи актуальным является изучение ресурсы и химического состава эндемичных и субэндемичных видов полыни.

По общепринятой методике [12] были определены сырьевые ресурсы некоторых полыней Копетдага.

Во время экспедиционных выездов 2024–2025 гг. собран фактический материал и данные устного опроса местного населения о применении эндемичных и субндемичных лекарственных полыней в туркменской народной медицине («Этноботанический» и «Этномедицинский опросник»).

Учитывая своеобразие ландшафта, литологические и природные условия Копетдага, сырьевые ресурсы полыней изучались из разных ущелий. Для нанесения их на карту использовалась система условных знаков и топографическая основа в масштабе 1:50 000.

Цель настоящей работы состоит в предварительной оценке ресурсного потенциала полезных и перспективных для практического использования дикорастущих полыней горного Туркменистана на примере Копетдага.

Полынь копетдагская (*Artemisia kopetdagensis* Krasch. ex Poljak.) из сем. Астровые (*Asteraceae* Dumort.) представляет собой эндемичный полукустарник высотой 35 40 см [2; 7; 8; 10]. В начале вегетации беловато шерстистое растение, позднее серовато-зелёное. Корень вертикальный,

деревянистый. Плодоносящие стебли многочисленные, в верхней трети ветвистые. Длина листьев – 1,5–2 см. Метёлка продолговатая. Корзинки сидячие. Цветёт в августе, плодоносит в ноябре [10]. Ключевой участок массива находится в низкогорьях, где, по сравнению с подгорной равниной, развитие растений и их продуктивность в 3–5 раз выше (табл. 1). Растёт на глинистых и щебнистых склонах предгорий и нижнего пояса гор, образуя обширные заросли, и характеризуется как растение, образующее самостоятельную формацию.

Территория произрастания – от Гиндывара до Арчмана общей площадью не менее 300 тыс. га [1; 5; 10]. Для лекарственных целей заготавливают цветущие веточки.

Надземная масса содержит до 1,85% эфирного масла, в котором присутствуют пинен, лимонен, цинеол (20), камфора (35), борнеол, терпинеол (15%), а также инулин, слизи [6; 9]. Большое содержание камфоры позволяет использовать это растение как источник получения сырья в промышленных масштабах.

В туркменской народной медицине широко используется в виде настоев, отваров, мазей при заболеваниях сердца, ревматизме, ангине, а также как рвотное и глистогонное средство [6].

Один из промысловых массивов занимает обширную территорию подгорной равнины и низкие предгорья в створе посёлков Бахерден – Бами в западной части Центрального Копетдага.

Ключевой участок массива находится в низкогорьях, где, по сравнению с подгорной равниной, развитие растений и их продуктивность в 3–5 раз выше (табл. 1). Здесь растения под разделены (по габитусу куста) на следующие классы: I – крупные (высота – 48–50, диаметр – 60х65 см); II – средние (35–40 и 35х30); III – мелкие (соответственно 25–30 и 20х25 см).

Таблица 1. Урожайность сырьевой массы полыни копетдагской на Арчманском массиве

Класс	Количество растений на 100 м^2	Вес сырья с модельного растения, г		Урожайность сырья, ц/га		Запас сырья, т/100 га
		1	2	1	2	
I	14	164	61	2.3	0.9	9
II	22	112	41	2.5	1.0	10
III	20	4	27	1.5	0.6	6
Всего	56			6.3	2.5	25

Примечание. 1 – в сыром весе; 2 – в сухом.

Таким образом, эксплуатационный запас сырья здесь составляет 25 т/100 га, а объём возможной ежегодной заготовки (90 % от него) – 22,5 т.

Полынь туркменская (*A. turcomanica* Gand.) из сем. Астровые – эндемичный полукустарник высотой 30 50 см [8; 10]. Эндемик Туркменистана [2; 7; 10]. Корень стержневой, деревянистый. Бесплодные побеги буровато-серые, плодоносящие стебли многочисленные, высотой до 50 см, прямые, жёсткие, прутьевидные, в начале вегетации серовато-войлочные, затем серовато-зелёные. Цвет листьев – от беловато-войлочного до серовато-зелёного, а длина – 1,2–1,5 см. Цветёт в августе, плодоносит в ноябре [10].

Доминант эфемероидно-полынных группировок с участием галофитных элементов нижнего и среднего пояса гор, занимает территорию от западной границы Центрального Копетдага (ст. Бами) до Куртусув площадью более 500 тыс. га [5]. Иногда растёт совместно с полынью цитваровидной.

Нами исследованы сырьевые запасы на двух массивах – Сайванском и Гермабском (табл. 2).

Таблица 2. Урожайность сырьевой массы полыни туркменской в Центральном Копетдаге

Класс	Количество растений на 100 м²	Вес сырья с модельного растения, г		Урожайность сырья, ц/га		Запас сырья, т/100 га
		1	2	1	2	
Сайванский массив						
I	7	180	67	1.3	0.5	5
II	15	155	57	2.3	0.9	9
III	8	86	32	0.7	0.3	3
Всего	30			4.3	1.7	3
Гермабский						
I	20	112	41	2.2	0.8	8
II	26	83	31	2.2	0.8	8
III	15	50	19	0.8	0.3	3
Всего	61			5.2	1.9	19

Примечание. 1 – в сыром весе; 2 – в сухом.

Содержание эфирного масла составляет 1,95 %, а в нём, в свою очередь, присутствуют пинен (20 %), камфен, лимонен, цинеол, феланрен (35), линаоол (15), камфора (10), трепинеол (10 %) и др. [9].

Мы классифицировали эти растения по их габитусу: I – крупные (высота – 45–50, диаметр – 60х65 см); II – средние (35–40 и 35х35); III – мелкие (соответственно 25–30 и 20х20 см).

Эксплуатационный запас сырья на Сайванском массиве составляет 17, на Гермабском – 19 т. За объём возможной его ежегодной заготовки нами принята величина, равная 90% от эксплуатационного запаса и, таким образом, в год здесь можно заготовить 15,3 т сырьевой массы, а на Гермабском массиве – 17,1 т.

Полынь цитваровидная (*A. ciniformis* Krasch. et M. Pop. ex Poljak.) из сем. Астровые – почти голый полукустарник высотой 30–45 см. Эндемик Туркменистана [2; 10]. Корень стержневой, утолщённый, деревянистый. Многолетние побеги укороченные, деревянистые, восходящие, в серовато-бурой шелушащейся коре. Число плодоносящих ветвей – 10–20, они более-менее прямые или у основания дуговидно-изогнутые, сначала опушенные, а со временем голые. Длина листьев – 1,5 3 см, в очертании овальные, дважды-трижды перисторассечённые. Метёлка много цветковая, узкая. Цветёт в сентябре, плодоносит в ноябре [10]. Занимает площадь более 800 тыс. га

Растёт на глинистой и щебнистой почве до высоты 2500 м над ур. м., часто совместно с полынью туркменской, но в отличие от неё больших массивов не образует. Для лекарственных целей заготавливают надземную часть и соцветия.

Содержание эфирного масла в надземной массе составляет 0,4–0,5%, а в нём присутствует до 15% альдегидов и незначительное количество сантонина [9]. Биометрическая характеристика растений аналогична полыни туркменской.

В туркменской народной медицине используют соцветия для приготовления полынного чая, обладающего противоглистным эффектом. Кроме того, изготавливают полынное масло, применяемое при лихорадке, водянке, укусах скорпиона или каракурта [3; 6]. Сырьё используется в пищевой и парфюмерной промышленности.

Продуктивность сырьевой массы определялась нами в районе горного массива Душакэрекдаг (табл. 3).

Таблица 3. Урожайность сырьевой массы полыни цитваровидной н а массиве Душакэрекдаг

Класс	Количество растений на 100 м^2	Вес сырья с модельного растения, г		Урожайность сырья, ц/га		Запас сырья, т/100 га
		1	2	1	2	
I	4	131	48	0.5	0.2	2
II	11	104	39	1.1	0.4	4
III	13	68	25	0.9	0.3	3
Всего	28			2.5	0.9	9

Примечание. 1 – в сыром весе; 2 – в сухом.

Эксплуатационный запас сырья – 9 т/100 га, а объём возможной ежегодной за готовки (90 % от него) – 8,1 т.

Полынь бадхызская (*A. badhys* Krasch. et Lincz. ex Poljak.) из сем. Астровые – полукустарник высотой 30–45 см. Субэндемик Туркменистана [2; 7]. Корень стержневой, деревянистый. Бесплодные побеги укороченные, деревянистые в серой коре. Плодоносящие побеги многочисленные, беловойлочные, жёсткие, прутьевидные. Листья густо паутинисто- опушенные длиной 1–2 см. Метёлка узко пирамидальная. Цветёт в августе, плодоносит в ноябре [10]. Общая площадь, занятая полынью, оценивается не менее 300 тыс. га

Обильно растёт в песчаной и глинистой пустыне, на подгорной равнине и горах. В Центральном Копетдаге отмечено в его крайней юго-восточной части, тогда как в Восточном доминирует повсеместно, занимая площадь более 200 тыс. га.

Химический состав практически не изучен. Надземная масса растения используется в производстве безалкогольных напитков. В туркменской народной медицине зелёную часть используют при анемии и других заболеваниях [6; 11].

Продуктивность сырьевой массы в районе Маныша, где растение образует практически чистые заросли на фоне эфемеретума, составляет 8 т/100 га, а объём возможной ежегодной заготовки – 8,2 т.

Таким образом, эти эндемичные и субэндемичные виды полыней в своём химическом составе содержат макро- и микроэлементы, необходимые для организма человека, с наименьшим содержанием вредных веществ. Вышеназванные виды полыни экологически чистые, высокоэффективные и могут быть применены в медицине, а также использованы в промышленном производстве в качестве ценного продукта.

Лекарственно-техническим сырьём у описанных видов полыней являются верхние части надземных побегов с листьями и цветочными корзинками.

Заготовку проводят в фазу бутонизации: в августе – сентябре. В одновидовых, «чистых» полынниках сбор сырья можно проводить механизировано, а на сильно заросших другой растительностью участках – вручную. Стебли срезаются на высоте 5–10 см от почвы, что бы длина срезанных побегов не превышала 25 см. Собранное сырьё сначала подсушивают (1–2 дня) в небольших валках, а затем досушивают в тени при хорошей вентиляции.

Выход сухого сырья составляет 34 40 % от заготовленной массы. Содержание влаги в нём не должно превышать 13 %, а органических и минеральных примесей – не более 2 %. Сырьё имеет горький вкус и характерный запах. Запасы сырья многих видов полыней (при условии их рациональной эксплуатации) практически неисчерпаемы.

Однако следует помнить, что по своей природе и биоэкологическим признакам полыни являются преимущественно мезотермами с ясно выраженной

стадией летнего покоя и существующими только за счёт атмосферной влаги. Поэтому состояние полынников (годичная продукция, биологический запас сырьевой массы) зависит от метеорологических условий года.

Продуктивность над земной фитомассы многих видов во влажные годы может быть в 10 и более раз выше по сравнению с маловодными и сухими. В этой связи исключительно важно прогнозировать урожайность полынных сообществ и стратегию их использования в разные годы, правильно проводить заготовку сырья, регулировать на территории произрастания выпас животных и др.

Полученные результаты расширяют и дополняют сведения о химическом составе полыни, произрастающей на территории Копетдага и дают возможность расширить сырьевую базу растений, содержаших эфирные масла.

Таким образом, краткий научный этноботанический и этномедицинский обзор и результаты биоэколого-терапевтических исследований ряда эндемичных и субэндемичных лекарственных полыней региона, могут послужить ценным природным сырьем для получения новых экологически чистых лекарственных препаратов в фармацевтической промышленности Туркменистана. Которые могут быть использованы в дальнейшем в гастроэнтерологии, онкологии, иммунологии, урологии, кардиологии, паразитологии, эпидемиологии, дерматологии и других областях традиционной медицины.

Комплексное изучение ресурсов лекарственных растений Копетдага – надёжная предпосылка к осуществлению этого принципа.

Библиографический список

1. Акмурадов А., Бердыев Б. Природные ресурсы некоторых видов полыни Центрального Копетдага // Экологическая культура и охрана окружающей среды. 2022. № 2 (38).– С. 51–54.

2. Акмурадов А., Рахманов О. Х., Шайымов Б. К. Конспект эндемиков флоры Туркменистана: итоги работы 2007–2017 гг.– Казан: Бук, 2018.– 142 с.

3. Акмурадов А., Шайымов Б. К., Гельдимурадов А. Б. и др. Эндемичные лекарственные растения Юго-Западного Копетдага, применяемые в туркменской народной медицине // Сиб. мед. журн. 2016. Т. 140. № 1.– С. 56–61.

4. Амельченко В. П. Биосистематика полыней Сибири. Монография.– Кемерово: Издательство КРЭОО «Ирбис», 2006.– 238 с.

5. Бердыев Б., Акмурадов А., Гадамов Г. Химический состав эфирного масла эндемичных видов полыни Центрального Копетдага // Химия и химическая технология, 2023. № 2.– С. 62–72.

6. Бердымухамедов Г. Лекарственные растения Туркменистана. Т. I.– Ашхабад: Туркменская государственная издательская служба, 2010.– 385 с.

7. Камахина Г. Л. Полыни (Artemisia L., Asteracea) Копетдагского государственного заповедника и сопредельных участков // Изв. АН ТССР. Сер. биол. наук. 1989. № 1.– С. 44–45.

8. Камахина Г. Л. Флора и растительность Центрального Копетдага (настоящее, прошлое и будущее). Ашхабад, 2005.– 245 с.

9. Каррыев М. О., Артемьева М. В., Баева Р. Т. и др. Фармакохимия лекарственных растений Туркменистана. Ашхабад: Ылым, 1991.– 203 с.

10. Никитин В. В., Гельдиханов А. М. Определитель растений Туркменистана. Л.: Наука, 1988.– 680 с.

11. Шайымов Б. К., Муратназарова Н. А., Акмрадов А. и др. Эндемичные лекарственные растения Туркменистана, применяемые при анемии во время беременности // Молодой учёный. 2020. № 13 (303).– С. 98–102.

12. Шретер А. И., Крылова И. Л., Борисова Н. А. и др. Методика определения запасов лекарственных растений.– М., 1986.– 51 с

DOI 10.34660/INF.2026.98.96.015

ОТ ИСТОКОВ К СОВРЕМЕННОСТИ: ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ВЫГОРАНИЕ СТОМАТОЛОГА В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИИ И МЕДИЦИНСКОЙ ЭТИКИ

Бородина Диана Яновна
студент
Дальневосточный федеральный университет
Саранчук Полина Сергеевна
студент
Дальневосточный федеральный университет
Аленицкая Марина Владимировна
доктор медицинских наук, профессор, директор
Департамент общественного здоровья и профилактической медицины Школы медицины и наук о жизни ДВФУ

Аннотация. *В статье рассматривается историческое развитие стоматологии как профессии, анализируются факторы, приводящие к синдрому профессионального выгорания у стоматологов. Особое внимание уделяется этическим дилеммам, возникающим в условиях коммерциализации медицинских услуг, а также предлагаются меры профилактики на индивидуальном, организационном и образовательном уровнях. На основе анализа исторических и современных исследований делается вывод о необходимости комплексного подхода к решению проблемы выгорания для обеспечения качественной стоматологической помощи.*

Ключевые слова: *стоматология, профессиональное выгорание, синдром эмоционального выгорания, история медицины, медицинская этика, профилактика, эргономика.*

Профессиональное выгорание стоматологов представляет собой серьезную проблему современного здравоохранения, имеющую глубокие исторические корни.

Данная статья посвящена анализу эволюции стоматологии как профессии, выявлению факторов риска развития синдрома эмоционального выгорания, а также рассмотрению этических дилемм и методов профилактики.

Стоматология прошла путь от ремесленных манипуляций до высокотехнологичной специальности [1]. В Древнем Египте (III–II тыс. до н.э.) уже были специализированные зубные врачи – наиболее ранний из известных по имени Хеси- Ре (ок. 2600 г. до н.э.) [10]. Они работали над пациентом, сидя на земле, используя лучковые дрели и примитивные щипцы. Вправление вывиха челюсти, описанное в папирусе Смита (ок. 1550 г. до н.э.), требовало большой физической силы и часто травмировало руки врача [1]. Инструменты прокаливали в огне, применяли природные антисептики (мёд, смолы), но о микробах не знали, поэтому контакт с кровью и гноем был постоянным. Психоэмоциональное давление усиливалось тем, что врач одновременно был жрецом – неудачу приписывали гневу богов [1].

В античности (Греция, Рим) зубоврачевание вошло в научную систему. Гиппократ описал прорезывание зубов, Гален классифицировал зубы [1]. Врачи пользовались щипцами «одонтагра», но из- за их несовершенства инструмент часто соскальзывал и ранил пальцы оператора. Правовая ответственность была суровой: Законы Хаммурапи грозили принципом «око за око, зуб за зуб» – при неудачном лечении врач рисковал получить такое же увечье [2]. Учение Галена о «благотворном гное» тормозило развитие антисептики [1]. В Средние века (V–XV вв.) стоматология превратилась в уличное ремесло. Зубы удаляли цирюльники и палачи грубыми рычагами («пеликан», «козья ножка»). Отсутствие анестезии, фиксации и гигиены вело к травмам рук врача и заражению сифилисом, туберкулёзом; неудачная операция грозила избиением или смертью [1].

В XVIII веке Пьер Фошар создал научную стоматологию: ввёл удобное кресло, усовершенствовал щипцы, предложил пломбирование золотом и протезирование [3].

Но работа оставалась стоя в наклоне. Контакт с мышьяком, кислотами и ртутью вызывал хронические дерматиты [6]. В Российской империи (XIX в.) зубные лекари работали с перегрузкой (до 12 часов) [1]. Появились педальные бормашины, требующие координации ног и рук, что создавало асимметричную нагрузку на позвоночник [1]. Отсутствие перчаток и масок вело к попаданию слюны и дентинной пыли в глаза и на кожу [1]. До судебной реформы 1864 года врачебная ошибка могла быть приравнена к уголовному преступлению [1].

В XX веке технический прогресс принёс новые риски: высокоскоростные бормашины создавали инфекционные аэрозоли; первые рентгеновские аппараты – облучение без защиты [1]. Синтетические пластмассы и анестетики вызвали аллергические дерматиты у значительной части врачей [6]. В 1974 году Х. Дж. Фрейденбергер описал синдром эмоционального выгорания, который у стоматологов проявляется особенно остро [10].

Синдром профессионального выгорания (СПВ) в первый раз был описан Г. Д. Фрейденбергером в 1974 году. Позднее К. Маслач разработала теоретическую основу для этого понятия, благодаря чему в современной психологии СПВ воспринимается как сложный психоэмоциональный феномен, включающий эмоциональное истощение, деперсонализацию и редукцию профессиональных достижений [10]. Указанная модель, состоящая из трех компонентов, получила широкое распространение и легла в основу современных подходов к изучению выгорания. Для диагностики синдрома профессионального выгорания (СПВ) в подавляющем большинстве исследований применяют опросник Maslach Burnout Inventory (MBI), прошедший процедуру валидации. Его ключевое преимущество – высокая надёжность и воспроизводимость получаемых данных.

При анализе современных научных сведений можно сделать вывод о значительной распространенности признаков профессионального выгорания среди врачей-стоматологов. Развитие синдрома профессионального выгорания (СПВ) тесно связано с прогрессирующим накоплением профессионального стресса. Наиболее выражено это проявляется в профессиях с интенсивной рабочей нагрузкой и необходимостью постоянной эмоциональной вовлечённости. В рамках структуры СПВ особое значение придаётся эмоциональному истощению – оно рассматривается как первичный маркер, способный возникнуть задолго до становления клинически очерченного синдрома.

В стоматологической практике проблема профессионального выгорания встречается достаточно часто и требует пристального внимания. Анализ данных анкетного опроса среди практикующих врачей-стоматологов свидетельствует о высокой распространённости признаков эмоционального истощения: они регистрируются у 54 % респондентов. При стаже профессиональной деятельности от 10 до 30 лет данный показатель достигает максимального значения – 100 % [7].

Наибольшая подверженность синдрому эмоционального выгорания отмечена среди специалистов детской стоматологии. Согласно результатам тестирования с применением опросника Маслач, синдром выгорания той или иной степени тяжести выявлен у всех обследованных детских стоматологов. Это обусловлено спецификой профессиональной деятельности, включающей интенсивное психоэмоциональное взаимодействие с несовершеннолетними пациентами и повышенную ответственность за результаты лечения [8].

Синдром профессионального выгорания (СПВ) не ограничивается влиянием на психоэмоциональное состояние специалиста – он прямо воздействует на качество медицинской помощи. Снижение эмпатии и нарастание эмоциональной отстранённости способны искажать клинические суждения и ухудшать коммуникацию с пациентами. Таким образом, проблема выгорания

трансформируется из индивидуально-психологического феномена в значимый фактор медицинской этики и безопасности пациентов.

Учитывая многогранность проблемы, требуются комплексный подход. На индивидуальном уровне необходимо соблюдать эргономические нормы (регулировка высоты кресла и освещения, использование увеличительной оптики), грамотно планировать рабочий день (с обязательными 10–15-минутными перерывами каждые 2 часа) и своевременно обращаться за психологической помощью [8]. Для детских стоматологов критически важно дополнительно применять специализированные приёмы снижения тревожности у маленьких пациентов, включая техники отвлечения внимания и методы поведенческой адаптации.

В рамках организационного подхода к оптимизации условий труда целесообразно реализовать следующие меры: пересмотр нормативов рабочей нагрузки с установлением лимита в 15–18 условных единиц трудоёмкости в день, модернизацию материально-технической инфраструктуры, а также систематическое внедрение программ психологической поддержки персонала. К последним относятся ежеквартальные сессии супервизии и организация доступа к консультациям корпоративного психолога, что способствует снижению профессионального выгорания и повышению общей продуктивности [8].

Наконец, необходима корректировка образовательных программ в сфере здравоохранения: помимо освоения клинических навыков, студенты должны получать систематизированные знания и практические навыки в области управления стрессом (включая техники релаксации и когнитивно-поведенческие стратегии), профилактики профессионального выгорания, а также соблюдения этических норм в условиях ограниченного времени и дефицита ресурсов [4, 8].

Эффективность реализуемых профилактических мер может быть объективно оценена посредством следующих ключевых измеримых показателей: снижения среднего балла по шкале эмоционального истощения MBI, сокращения текучести кадров среди стоматологов, а также повышения уровня удовлетворённости пациентов.

Профессиональное выгорание среди стоматологов представляет собой не случайный феномен, а закономерный результат длительной эволюции стоматологической специальности. На каждом историческом этапе развития профессии возникали новые стресс-факторы: если в древности основными вызовами являлись физическое перенапряжение и риск инфекционных заболеваний, то в индустриальную эпоху к ним добавились химические, эргономические и психоэмоциональные риски [1, 6, 10].

Согласно результатам современных исследований, признаки профессионального выгорания выявляются у значительной доли стоматологов. При этом наиболее высокая распространённость данного феномена отмечается

среди двух категорий специалистов: с большим профессиональным стажем и практикующих в сфере детской стоматологии [7,8]. Решение проблемы профессионального выгорания требует комплексного подхода с объединением усилий на трёх уровнях – личностном, организационном и образовательном. Такой подход обоснован тем, что забота о психоэмоциональном благополучии стоматолога выступает не только как личная ответственность специалиста, но и как необходимое условие оказания качественной и этически безупречной медицинской помощи пациентам [4].

Литературный список

1. Пашков К. А. История стоматологии: от истоков до XX века: монография – Москва: Магистраль, 2018–368 с.

2. Законы вавилонского царя Хаммурапи / пер. В. А. Якобсона // Хрестоматия по истории древнего Востока.– М.: Высшая школа, 1980.– Ч. 1.– С. 152–177.

3. Фошар П. Хирург-дантист, или Трактат о зубах / пер. с фр. В. Б. Кракович; под общ. ред. проф. К. А. Пашкова.– М.: Хеленпро, 2018.– 477 с.– URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_009858821/ (дата обращения: 22.04.2026).

4. Медицинская этика и деонтология: учебное пособие / под ред. Л. Б. Наумова.– СПб.: СпецЛит, 2022.– 160 с.

5. Уланова Н. Н. Психология профессионального здоровья врача -новое направление психологических исследований // Личность в меняющемся мире: здоровье, адаптация, развитие. 2016. № 1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/psihologiya-professionalnogo-zdorovya-vracha-novoe-napravlenie-psihologicheskih-issledovaniy (дата обращения: 21.04.2026).

6. Чижов Ю. В., Ушницкий И. Д., Казанцева Т. В., Михасько В. М., Непомнящий А. В., Хрушков И. Н., Карелова А. В., Чернявская С. А., Юркевич А. В., Хасанова К. В. Клиническая характеристика вредных профессиональных факторов, влияющих на здоровье врача-стоматолога (системный обзор) // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. Серия: Медицинские науки.– 2024. –№ 4 (37).– URL: https://cyberleninka.ru/article/n/klinicheskaya-harakteristika-vrednyh-professionalnyh-faktorov-vliyayuschih-na-zdorovie-vracha-stomatologa-sistemnyy-obzor (дата обращения: 21.04.2026).

7. Добрина Ю. Г. Профессиональное выгорание врачей стоматологов // Прикладные информационные аспекты медицины. – 2022. – Т. 11. – С. 432–435. URL: https://new.vestnik-surgery.com/index.php/2415–7805/article/view/7213 (дата обращения: 22.04.2026).

8. Ионов П. Б., Карелин А. О. Изучение факторов риска развития синдрома профессионального выгорания у врачей-стоматологов, работающих в государственных детских стоматологических поликлиниках // Анализ риска здоровью. 2022. № 2. С. 166–173. URL: https://journal.fcrisk.ru/2022/2/15 (дата обращения: 22.04.2026).

9. Forshaw R. J. The practice of dentistry in ancient Egypt // British Dental Journal. 2009. Vol. 206, No. 9. P. 481–486. URL: https://www.nature.com/articles/sj.bdj.2009.355 (дата обращения: 22.04.2026).

10. Freudenberger H. J. Staff burn-out // Journal of Social Issues. 1974. Vol. 30, No.1. P. 159–165. URL: https://doi.org/10.1111/j.1540–4560.1974.tb00706.x (дата обращения: 22.04.2026).

DOI 10.34660/INF.2026.99.57.155

ФЕДЕРАТИВНОЕ ОБУЧЕНИЕ МОДЕЛЕЙ ДЕТЕКЦИИ ДИПФЕЙКОВ ДЛЯ РАСПРЕДЕЛЕННЫХ СИСТЕМ ЦИФРОВОЙ КРИМИНАЛИСТИКИ

Погуляй Геннадий Сергеевич
аспирант
Ростовский государственный экономический университет

Аннотация. *В статье рассматривается подход к построению распределенной системы цифровой криминалистики для выявления дипфейков с применением федеративного обучения глубоких нейронных сетей. Актуальность исследования обусловлена ростом качества синтетического медиаконтента и невозможностью свободного обмена видеодоказательствами между организациями, поскольку такие материалы часто содержат биометрические и процессуально значимые сведения. Предложена архитектура, в которой криминалистические лаборатории, подразделения информационной безопасности и доверенные центры анализа обучают локальные модели на собственных данных, а центральный узел агрегирует только обновления параметров. Рассмотрены модель угроз, структура нейросетевого детектора, протокол обучения, меры защиты от утечек и критерии оценки качества. Показано, что федеративная схема позволяет совместить требования точности, конфиденциальности и воспроизводимости экспертного анализа без формирования единого хранилища чувствительных видеоматериалов.*

Ключевые слова: *дипфейк, цифровая криминалистика, федеративное обучение, глубокое обучение, биометрические данные, безопасная агрегация, доменный сдвиг.*

Введение

Дипфейк представляет собой синтетический или модифицированный медиаматериал, в котором методы глубокого обучения используются для правдоподобной подмены лица, мимики, голоса либо поведения человека. Для цифровой криминалистики такая технология создает двойную проблему. С одной стороны, дипфейки становятся инструментом мошенничества, дезинформации и компрометации цифровой личности. С другой стороны,

сами средства выявления подделки должны быть построены так, чтобы их результаты можно было объяснить, повторить и использовать в экспертной процедуре.

Современные детекторы дипфейков обычно требуют больших размеченных наборов данных. В исследовательских условиях такие наборы централизуются, после чего на них обучаются сверточные, трансформерные или гибридные нейронные сети. В практической криминалистике централизованное накопление видеоматериалов ограничено: данные могут содержать лица потерпевших, сотрудников, подозреваемых, несовершеннолетних, записи камер наблюдения, корпоративные материалы расследований и иные сведения с ограниченным доступом. Передача таких файлов в общий центр повышает риск утечки и усложняет цепочку хранения доказательств.

Федеративное обучение является способом совместного обучения модели без передачи исходных данных. Клиентские узлы выполняют локальную оптимизацию, а сервер агрегирует только обновления параметров. Базовая идея итеративного усреднения локальных моделей была сформулирована в FedAvg [1]. Для детекции дипфейков этот подход особенно перспективен, поскольку разные организации обладают разными доменами данных: видеоконференции, социальные сети, CCTV, материалы мобильных устройств, архивные записи и данные открытых датасетов.

Цель статьи – предложить архитектуру федеративного обучения детектора дипфейков для распределенной цифровой криминалистики. Задачи исследования включают постановку проблемы, описание модели участников, выбор структуры детектора, определение протокола обучения и формулирование требований к безопасности, метрикам и экспертной интерпретации результатов.

Постановка задачи

Пусть имеется множество участников K, каждый из которых хранит локальный набор D_k, включающий подлинные и синтетические видеоматериалы. Наборы различаются по объему, качеству, разрешению, способу сжатия, источнику съемки, типу генератора и достоверности разметки. Требуется обучить функцию $f_\theta(x)$, которая оценивает вероятность искусственной модификации фрагмента x, не раскрывая исходные объекты D_k другим участникам и центральному серверу.

Ключевое отличие такой постановки от обычной бинарной классификации состоит в неоднородности данных. Детектор, обученный на одном датасете, может хорошо распознавать артефакты конкретного генератора и плохо переноситься на неизвестные манипуляции. Исследования по обобщающей способности deepfake-детекторов показывают, что доменный сдвиг и переобучение на особенности набора остаются существенными ограничениями [2].

Поэтому в распределенной криминалистике необходимо обучать не только точную, но и устойчивую к новым источникам модель.

Модель угроз включает три группы рисков. Первая группа связана с конфиденциальностью: градиенты и параметры могут косвенно раскрывать свойства локальных данных. Вторая связана с целостностью: недобросовестный или скомпрометированный клиент может отправить вредоносное обновление. Третья относится к экспертной применимости: система должна фиксировать версию модели, параметры обучения, качество на контрольных наборах и ограничения интерпретации, иначе результат будет трудно воспроизвести.

Предлагаемая архитектура

Архитектура включает локальные узлы, модуль предобработки, федеративный сервер и экспертный модуль вывода. На локальном узле выполняются детекция лица, выравнивание области интереса, выбор кадров, оценка качества и формирование обучающих пакетов. Чтобы избежать искусственного доменного сдвига, участники должны использовать согласованный контейнер предобработки, а его версия и контрольная сумма должны заноситься в журнал обучения.

В качестве базовой модели предлагается гибридный детектор. Нижний уровень извлекает локальные текстурные, частотные и цветовые признаки с помощью сверточной сети. Верхний уровень анализирует пространственно-временную согласованность кадров, например через легкий трансформерный блок или temporal pooling. Такая схема учитывает, что дипфейк может проявляться не в одном кадре, а в нестабильности мимики, освещения, границ лица и микродвижений.

Для федеративного режима модель целесообразно разделить на общую и персонализированную части. Общий экстрактор признаков агрегируется сервером. Локальные адаптеры, слои нормализации или классификационные головы остаются у клиента и отражают специфику его домена. Подходы с персонализированными представлениями уже рассматриваются в исследованиях федеративной детекции лицевых подделок и направлены на разделение общих признаков фальсификации и локальных особенностей данных [3].

Сервер не получает видеозаписи. Он рассылает текущую глобальную модель, принимает подписанные обновления, проверяет статистические аномалии, агрегирует допустимые параметры и публикует новую версию. Для простого режима используется FedAvg; для неоднородных данных возможны FedProx, медианное агрегирование, усеченное среднее и ограничение максимального веса одного клиента. В экспертном контуре каждая версия модели должна сопровождаться паспортом: датой обучения, перечнем доменов без раскрытия исходных материалов, метриками и параметрами приватности.

Методика обучения и оценки

Один раунд обучения состоит из четырех этапов. На первом этапе сервер публикует модель θ_t и правила локальной оптимизации: число эпох, размер батча, допустимые аугментации, формат метрик и требования к подписи обновления. На втором этапе каждый клиент обучает копию модели на D_k. На третьем этапе клиент отправляет $\Delta\theta_k$ и агрегированные локальные показатели. На четвертом этапе сервер выполняет проверку, агрегацию и формирует θ_{t+1}.

В базовом варианте агрегирование параметров может быть представлено как взвешенное среднее локальных моделей:

$$\theta_{t+1} = \sum_{k=1}^{K} \frac{n_k}{n} \theta_{t+1}^{(k)}, \quad n = \sum_{k=1}^{K} n_k.$$

Функция потерь должна учитывать не только кросс-энтропию бинарной классификации. Для повышения переносимости полезно добавлять контрастивный член, который сближает представления подлинных видео разных доменов и разделяет признаки различных типов подделок. Регуляризатор расстояния между локальной и глобальной моделью снижает риск резкого дрейфа у клиентов с малым набором. Обобщенно локальную функцию потерь можно записать следующим образом:

$$\mathcal{L}_k = \mathcal{L}_{CE} + \lambda_1 \mathcal{L}_{con} + \lambda_2 \parallel \theta_k - \theta_t \parallel_2^2.$$

Для видеоданных прогноз лучше строить по последовательности кадров, а не по одному изображению, поскольку часть признаков подделки проявляется только во временной динамике.

Экспериментальная проверка может быть выполнена на сочетании открытых и локальных данных. FaceForensics++ содержит манипуляции DeepFakes, Face2Face, FaceSwap и NeuralTextures [4]. DFDC был создан как крупный датасет для соревнования по детекции дипфейков и включает более 100 000 клипов [5]. Celeb-DF ориентирован на более реалистичные и визуально качественные синтетические ролики [6]. Эти наборы можно распределить между виртуальными клиентами, имитируя различия между организациями.

Оценивание должно включать несколько режимов: внутридоменный тест, междоменный тест, проверку на неизвестном генераторе и проверку после постобработки. В криминалистическом применении недостаточно указывать accuracy. Необходимы AUC, F1, EER, FPR при заданном TPR, калибровка вероятностей и анализ ошибок по качеству съемки, разрешению, полу, возрасту и освещению. Отдельно фиксируются коммуникационные затраты и устойчивость модели к шумным или вредоносным обновлениям.

Защита данных и устойчивость

Федеративное обучение уменьшает потребность в передаче исходных видеоматериалов, но не устраняет все риски. Обновления модели могут раскрывать статистические свойства локального набора, поэтому в архитектуру должны входить безопасная агрегация, ограничение нормы градиента, дифференциальная приватность, шифрование каналов и взаимная аутентификация узлов. В исследованиях privacy-preserving deepfake detection отдельно подчеркивается необходимость защиты данных при построении детекторов лицевых подделок [7]. Эти меры особенно важны, поскольку лицевые изображения могут относиться к биометрическим данным, а обработка биометрии для уникальной идентификации человека в европейском праве выделяется как специальная категория персональных данных [8].

Целостность модели обеспечивается проверкой обновлений. Сервер должен выявлять аномальные направления градиентов, ограничивать вклад одного клиента, тестировать промежуточную модель на контрольном наборе и изолировать подозрительные раунды. Для защиты от poisoning-атак могут применяться робастные агрегаторы и репутационный вес участника. Однако такие механизмы не должны превращаться в непрозрачный фильтр: каждое исключение обновления фиксируется в журнале.

Правовой и организационный контекст также меняется. Европейский акт об искусственном интеллекте вводит поэтапные требования к прозрачности искусственно созданного и манипулированного контента [9]. Следовательно, криминалистические системы должны учитывать не только пассивную детекцию артефактов, но и внешние признаки происхождения: метаданные, водяные знаки, маркировку, историю публикации и сведения о цепочке хранения. Машинный детектор является частью комплексной экспертизы, а не самостоятельной заменой эксперта.

Обсуждение

Предложенный подход имеет три преимущества. Во-первых, он снижает зависимость от централизованного хранилища чувствительных медиаматериалов. Во-вторых, он позволяет включать в обучение разнородные источники, что повышает шансы обнаружения неизвестных подделок. В-третьих, он совместим с периферийной инфраструктурой [10].

Ограничения также существенны. Персонализация может усложнить интерпретацию, поскольку разные участники используют разные адаптеры. Дифференциальная приватность и безопасная агрегация снижают наблюдаемость процесса и могут ухудшить точность. Неодинаковый объем данных создает риск доминирования крупных клиентов. Наконец, численные показатели нельзя переносить из одной публикации в другую без учета разбиения, кодеков, качества видео и состава генераторов.

Поэтому внедрение федеративного детектора должно выполняться поэтапно. Сначала формируется исследовательский стенд на открытых наборах, затем подключаются закрытые данные в режиме локального тестирования, после чего фиксируется валидированная версия модели для экспертного применения. В экспертном режиме должны быть запрещены произвольные изменения порога, архитектуры и предобработки без повторной валидации.

Заключение

Федеративное обучение является перспективным направлением для детекции дипфейков в распределенных системах цифровой криминалистики. Оно позволяет совместно использовать знания, извлеченные из разнородных видеоданных, без передачи самих видеоматериалов в единое хранилище. Это особенно важно в ситуациях, где данные обладают одновременно биометрической, доказательственной и репутационной значимостью.

В статье предложена архитектура, объединяющая локальное обучение, гибридный нейросетевой детектор, персонализируемые доменные компоненты, безопасную агрегацию, робастную фильтрацию обновлений и журналирование. Практическая реализация такого подхода должна оцениваться не только по среднему качеству классификации, но и по междоменной устойчивости, уровню ложноположительных решений, калибровке вероятностей, защищенности от атак и воспроизводимости экспертного вывода.

Дальнейшие исследования целесообразно направить на реализацию прототипа, сравнение FedAvg, FedProx и персонализированных схем, оценку защиты от poisoning-атак, разработку паспорта модели и формирование стандартизированного отчета, пригодного для использования в цифровой криминалистике.

Таблица **1.** Ключевые компоненты предлагаемой системы

Компонент	Назначение	Криминалистическое значение
Локальный узел	Предобработка и обучение на собственных данных	Сохраняет материалы в контуре владельца
Федеративный сервер	Агрегация обновлений и контроль аномалий	Формирует проверяемую версию модели
Безопасная агрегация	Скрытие индивидуальных вкладов клиентов	Снижает риск раскрытия чувствительных данных
Паспорт модели	Фиксация версии, метрик и ограничений	Обеспечивает воспроизводимость экспертного вывода

Дополнительным направлением развития является объединение федеративного обучения с методами активного отбора примеров. Локальный узел может выявлять материалы, по которым модель дает нестабильные или

противоречивые прогнозы, и предлагать их эксперту для уточнения разметки. При этом сами видеозаписи не покидают защищенный контур, а в федеративный цикл передаются только обновления после подтверждения меток. Такой механизм снижает стоимость ручной экспертизы и помогает быстрее адаптироваться к новым генераторам.

Не менее важно обеспечить совместимость с процедурами внутреннего и внешнего аудита. Для каждого раунда обучения целесообразно хранить хэш начальной и итоговой модели, список подключенных участников в обезличенной форме, параметры оптимизации, агрегированные метрики, сведения об исключенных обновлениях и контрольные результаты на эталонном наборе. Такой журнал не раскрывает содержание локальных материалов, но позволяет проверить, что итоговая модель была получена по заявленному протоколу и не изменялась задним числом.

С методической точки зрения федеративная модель должна рассматриваться как инструмент вероятностной поддержки эксперта. Ее вывод не доказывает факт подделки сам по себе, а указывает на необходимость дополнительного анализа: проверки источника публикации, метаданных, признаков повторного кодирования, соответствия аудио и артикуляции, а также сопоставления с исходными материалами. Такой подход снижает риск автоматизированного ложного обвинения и соответствует принципу комплексности цифровой криминалистики.

При проектировании прототипа следует предусмотреть два режима пороговой политики. В режиме предварительного скрининга допустим более высокий уровень чувствительности, поскольку задача состоит в отборе подозрительных материалов для последующей проверки. В режиме экспертного заключения порог должен быть консервативным, а итоговая оценка сопровождаться указанием доверительного диапазона и признаков, повлиявших на решение. Разделение режимов позволяет использовать одну технологическую базу без смешения аналитической и процессуальной функций.

Отдельную роль играет управление жизненным циклом модели. Генераторы дипфейков быстро обновляются, поэтому статическая модель устаревает. Федеративная схема дает возможность регулярно подключать новые локальные наблюдения и проводить контролируемое дообучение. Однако каждое обновление должно проходить регрессионное тестирование: новая версия не должна резко ухудшать качество на ранее известных сценариях, особенно на подлинных материалах, где ложноположительное решение может нанести существенный вред.

В распределенной сети необходимо заранее определить минимальные требования к участнику. Локальный узел должен обеспечивать защищенное хранение данных, корректную разметку, изоляцию обучающего процесса, синхронизацию

времени, контроль доступа и возможность независимой проверки журнала. Без таких требований федеративное обучение может создать ложное ощущение безопасности: данные действительно не передаются, но качество и надежность общего результата будут зависеть от слабейших элементов сети.

Предлагаемая архитектура также допускает расширение до мультимодальной детекции. При наличии правового основания локальные узлы могут обучать отдельные ветви для анализа аудио, движения губ, временных пауз и согласованности голоса с мимикой. В федеративный контур при этом передаются обновления соответствующих модулей, а решение формируется на уровне позднего объединения признаков. Такой вариант особенно полезен для расследования видеозвонков, корпоративного мошенничества и атак с имитацией руководителей.

Список литературы

1. McMahan B., Moore E., Ramage D., Hampson S., Arcas B. A. Communication-efficient learning of deep networks from decentralized data // Proceedings of AISTATS. 2017. P. 1273–1282.

2. Ramanaharan R., Guruge D. B., Agbinya J. I. DeepFake video detection: insights into model generalisation // Journal of Information and Intelligence. 2025.

3. Liu D., Dang Z., Peng C., Wang N., Hu R., Gao X. Federated face forgery detection learning with personalized representation. arXiv:2406.11145. 2024.

4. Rössler A., Cozzolino D., Verdoliva L., Riess C., Thies J., Nießner M. FaceForensics++: learning to detect manipulated facial images // IEEE/CVF ICCV. 2019.

5. Dolhansky B., Bitton J., Pflaum B., Lu J., Howes R., Wang M., Canton Ferrer C. The DeepFake Detection Challenge (DFDC) Dataset. arXiv:2006.07397. 2020.

6. Li Y., Yang X., Sun P., Qi H., Lyu S. Celeb-DF: a large-scale challenging dataset for deepfake forensics // IEEE/CVF CVPR. 2020. P. 3207–3216.

7. Chen B., Wang W., Liu Y., Li X. Privacy-preserving DeepFake face image detection // Digital Signal Processing. 2023. Vol. 139. Article 104088.

8. Regulation (EU) 2016/679 of the European Parliament and of the Council. Article 9: processing of special categories of personal data. 2016.

9. Regulation (EU) 2024/1689 of the European Parliament and of the Council laying down harmonised rules on artificial intelligence. 2024.

10. Ha J., El Azzaoui A., Park J. H. FL-TENB4: a federated-learning-enhanced tiny EfficientNetB4-Lite approach for deepfake detection in CCTV environments // Sensors. 2025. Vol. 25, No. 3. Article 788.

DOI 10.34660/INF.2026.10.15.044

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОЗКИ НЕГАБАРИТНЫХ ГРУЗОВ ИЗ КИТАЯ В РОССИЮ

Лобанова Елена
менеджер по развитию продуктов в странах Азии
АО «Промис»
Кархова Ирина
кандидат экономических наук, доцент, профессор
Всероссийская академия внешней торговли Минэкономразвития России

Аннотация. *Статья посвящена исследованию организации перевозки негабаритных грузов из КНР в Россию на современном этапе. Представлена структура и динамика объема экспорта негабаритных грузов из Китая в Россию, выявлены основные маршруты и виды транспорта, используемые при их перевозке. В статье определяются проблемы и риски, возникающие при международной перевозке негабаритных грузов, и определяются методы по их снижению.*

Ключевые слова: *негабаритные грузы, Китай, перевозки, маршруты, транспортные средства, риски*

Одной из самых сложных задач логистики является доставка негабаритных грузов. При транспортировке негабаритных грузов должны соблюдаться определенные правила, закрепленные законодательно, в целях обеспечения безопасности перевозки как для самого груза, так и для окружающих, а также выбираться подходящие маршруты, в момент передвижения по которым вред не будет наноситься ни транспортной инфраструктуре, ни транспортному средству.

Наряду с укреплением торгово-экономического сотрудничества и ежегодным ростом объема товарооборота между Россией и Китаем, из года в год растет и доля перевозимых негабаритных грузов, что говорит о развитии российских производств и предприятий, расширяющих производство и заменяющих устаревшее и износившееся оборудование на новое, способное с большей эффективностью выполнять работу.

Рассмотрим структуру экспорта негабаритных товаров из Китая в Россию в период с 2022 до 2024 года, опубликованную Главным таможенным управлением Китая и представим данные в таблице 1.

Таблица 1 – Динамика объема экспорта негабаритных грузов из Китая в России в период с 2020 до 2024 года

Название категории груза	Динамика объема экспорта по годам, юани		
	2022	2023	2024
Моторные суда и их части	834 030 182	21 684 684	38 077 049
Части самолетов, вертолетов, космических аппаратов и средства доставки летательных аппаратов	337 169 296	376 180 056	140 206 221
Дизельный большегрузный автомобиль весом более 20 т	1 866 230 122	2 948 241 137	15 931 302 531
Антенны радиолокационного и радионавигационного оборудования, их отражатели и части	23 602 618	140 448 119	66 336 492
Механические прессы	33 156 724	197 509 738	417 352 576
Станки	2 834 624 602	8 284 688 801	4 810 935 114
Турбовентиляторный реактивный двигатель	1 455 459	1 101 900	10 130 915
Оборудование для реабилитации	349 458 937	519 639 329	603 950 227
Концертные рояли	4 147 252	8 982 416	11 483 972
Архитектурные камни, изделия из мрамора и гранита	197 659	224 985 620	262 519 444
Рулоны из железа и стали	285 182 136	146 785 770	964 761 466
Паровые турбины	13 612 429	19 589 151	51 635 926
Котлы, углевыжигатели	19 461 934	43 860 907	10 888 038
Бетононасосы	72 003 959	315 456 045	75 864 147
Ректификационные колонны	3 449 500	61 947 301	96 033 111
Гидрогенизационные установки	0	913 000	13 691 163
Краны	1 100 824 978	2 055 134 348	1 987 098 069
Лифты	671 136 590	1 092 393 384	1 177 499 559
Устройства для перемещения вагонов	0	0	20 226 909
Бульдозеры, дорожностроительная техника, экскаваторы	7 666 005 531	11 892 398 963	10 319 944 852
Буровые установки	1 238 419 959	1 522 266 567	1 867 821 079
Комбайны	41 665 418	159 711 985	103 243 728
Контейнеровозы, буксиры	126 861 010	236 526 380	1 945 135 245

Название категории груза	Динамика объема экспорта по годам, юани		
	2022	2023	2024
Машины для печати	76 062 991	339 296 553	364 909 723
Прицепы	120 585 420	466 942 387	1 363 536 369
Итоговая сумма:	17 719 344 706	31 076 684 541	24 599 862 879

Источник: составлено на основании данных [1].

Как видно из таблицы 1, лидирующие позиции в товарообороте между Россией и Китаем в 2024 году заняли следующие негабаритные грузы: дизельные большегрузные автомобили весом более 20 тонн, станки, краны, лифты, бульдозеры, экскаваторы, дорожностроительная техника, буровые установки, прицепы, контейнеровозы и буксиры. В 2024 году впервые стали импортироваться устройства для перемещения железнодорожных вагонов, что свидетельствует о диверсификации поставщиков данного вида оборудования, а также следует отметить, что импорт гидрогенизационных установок в Россию увеличился на 12,78 млн юаней, а темп прироста составил 1399,6%, что демонстрирует переориентацию российских предпринимателей на Восток с точки зрения закупки оборудования, ранее импортируемого из Европы.

Среди проблем, которые могут возникнуть в процессе организации перевозки негабаритного груза, можно выделить: подбор подходящего по габаритам транспортного средства, выбор оптимального маршрута, допускающего проезд тяжеловесных транспортных средств, перевозящих негабаритный груз, упаковка груза надлежащим образом, обеспечивающим сохранность и устойчивость при транспортировке.

В 2023 году для автоматизации контроля за перевозками негабаритных грузов в Китае была создана платформа «National Overload Control Network». Платформа автоматически проверяет габариты груза, его вес и маршрут следования груза, помогает в отслеживании местоположения груза в режиме реального времени, оповещает в случае возникновения нарушений, например, об отклонении от маршрута, обеспечивает синхронизацию с таможенными декларациями для ускоренного прохождения таможенных формальностей. Данная платформа функционирует совместно с базами данных транспортных управлений провинций для ускорения процедуры согласования перевозки [2].

Согласно исследованию The Business Research Company, первое место среди видов транспорта, использующихся при транспортировке негабаритных грузов, занимает железнодорожный транспорт, второе место приходится на автомобильный транспорт, третье – на морской транспорт, четвертое – на авиатранспорт [3].

Рассмотрим существующие маршруты, соединяющие Россию и Китай и используемые при транспортировке грузов через границу.

На территории России существуют следующие транспортные коридоры, соединяющие Россию и Китай:

– «Транссиб» (маршрут: Чита-Забайкальск-Китай);

– «Приморье-1» (направление: Харбин – Суйфыньхэ – Гродеково – Владивосток/Восточный/Находка – порты Азиатско-Тихоокеанского региона. Железнодорожный маршрут: Гродеково (граница с Китаем) – Владивосток / Восточный / Находка. Автомобильный маршрут: Пограничный (граница с Китаем) – Уссурийск – Владивосток / Восточный / Находка. Порты: Владивосток, Находка, Восточный);

– «Приморье-2» (направление: Хуньчунь – Краскино – Посьет/Зарубино – порты Азиатско-Тихоокеанского региона. Железнодорожный маршрут: Камышовая (граница с Китаем) – Посьет / Зарубино. Автомобильный маршрут: Краскино (граница с Китаем) – Посьет / Зарубино. Порты: Посьет, Зарубино);

– Северный морской путь (порты Мурманск, Архангельск, Кандалакша, Дудинка) [4].

К автомобильным пунктам пропуска относятся: Абагатуй-Эрка, Краскимо-Хунчунь, Марково-Хулинь, Олочи-Шивэй, Покровка-Жаохэ, Полтавка-Дуннин, Староцуру-хайтуйский-Хэйшаньтхоу и Турий Рог-Мишань.

К железнодорожным пунктам пропуска относятся: Гродеково-Суйфенхе, Махалино-Хуньчунь и Камышовая-Хуньчунь.

К пунктам пропуска, принимающим автомобильный транспорт и речные суда, относятся: Амурзет-Лобэй, Благовещенск-Хэйхэ, Джалинда-Мохэ, Константиновка-Суньу, Нижнеленинское-Тунцзян, Пашково-Цзяинь, Ушаково-Хума и Поярково-Сюнькэ.

К пунктам пропуска, принимающим автомобильный и железнодорожный транспорт, относятся: Забайкальск-Маньчжурия и Пограничный-Суйфеньхэ [5].

В 2024 году ключевыми маршрутами перевозок стали: Чунцин-Москва и Харбин-Владивосток для железнодорожного транспорта и пограничные переходы Маньчжурия-Забайкальск и Хунчунь-Краскино для автомобильного транспорта [6].

Правительство Китая в настоящий момент делает упор на развитие логистических хабов в Урумчи и Харбине. В терминале Урумчи в 2023 году был запущен мультимодальный узел для транзита через Казахстан в Россию, к концу 2025 года планировалось завершить строительство специализированных терминалов для негабаритных грузов грузоподъемностью до 500 т [2].

В 2024 году в результате модернизации логистического хаба в Харбине были запущены платформы грузоподъемностью 500 т для энергетического и строительного оборудования, в 2024 году был расширен пограничный переход Суйфэньхэ-Гродеково для увеличения пропускной способности на 30 % [2].

В 2022 году завершилось строительство железнодорожного моста, соединяющего Еврейскую автономную область в России и провинцию Хэйлунцзян в Китае. Данный проект был нацелен на оптимизацию логистических процессов, в частности, на сокращение расстояния и времени на транспортировку грузов между двумя странами. В случае, если будет проведена реконструкция железнодорожного участка Биробиджан-Ленинск, грузооборот данного моста может увеличиться с 5,5 млн т до 20 млн т в год.

Стоит отметить, что увеличение объемов товарооборота влечет за собой перегрузку пограничных переходов, особенно в преддверии праздников. Перевозчикам приходится тратить больше времени на прохождение таможенного досмотра в силу большого наплыва транспортных средств, образующих длинные очереди. На сегодняшний день проблема пропускной способности пограничных пунктов является достаточно актуальной. Однако правительства обеих стран принимают меры по расширению пограничных пунктов, чтобы оптимизировать логистические процессы.

Международная перевозка негабаритных грузов – процесс, подверженный влиянию многих рисков. При планировании перевозки важно предусмотреть возникновение некоторых проблем, которые могут повлиять на качество перевозки:

1. Простои из-за поломок транспортных средств, которые могут возникнуть из-за повышенной нагрузки негабаритных грузов (НГ) на транспортные средства, из-за использования неисправных или непредназначенных для перевозки НГ транспортных средств.

2. Нарушение правил крепления НГ может привести к аварийным ситуациям из-за смещения НГ в транспортном средстве при слабом закреплении НГ или повреждению НГ при повышенном давлении стяжек.

3. Ошибки при планировании маршрута влекут за собой увеличение расходов и времени на доставку НГ.

4. Риск дорожно-транспортных происшествий при перевозках НГ по автомобильным дорогам связан с ограничением маневренности и увеличенным тормозным путем ТС при перевозке НГ, особенно это следует учесть при движении по дорогам с высоким трафиком и в условиях неблагоприятных погодных условий.

5. Юридические и административные риски могут возникнуть при отсутствии необходимых документов, разрешений и согласований с контролирующими органами и привести к штрафам, задержкам или даже запрету на движение НГ.

6. Ошибки персонала, обеспечивающего перевозку НГ, такие, как неправильное определение параметров НГ, некорректные действия сопровождающих, недостаточный опыт водителя, приводят ко многим проблемам, возникающим при доставке НГ.

В таблице 2 приведены методы, которые позволят снизить вероятность наступления неблагоприятных событий при доставке негабаритных грузов.

Таблица 2 – Риски при перевозке негабаритных грузов и способы их снижения.

Группа рисков	Способы снижения рисков
Простои из-за поломок транспортных средств (ТС)	1. Правильный выбор надежных перевозчиков, имеющих специализированный парк ТС, опыт работы с НГ, хорошую репутацию 2. Использование специализированных транспортных средств, предназначенных для перевозки НГ 3. Проведение технической диагностики и профилактического обслуживания всей используемой техники до начала перевозки 4. Включение мест стоянки и технического контроля в маршрут на этапе его проектирования. 5. Использование техники не старше установленного срока эксплуатации 6. Страхование транспортных средств
Нарушение правил крепления НГ	1. Использование специализированных креплений и устройств для закрепления НГ 2. Привлечение профессиональных стивидорных компаний, имеющих опыт в данной сфере
Ошибки при планировании маршрута	1. Тщательное планирование маршрута следования, при котором должны быть учтены: высота мостов, тоннелей, ширина дорог, радиус поворотов, ограничения движения, качество дорожного покрытия, пропускная способность и возможности работы с НГ транспортных хабов, портов, станций и пограничных пунктов 2. Привлечение для планирования опытных транспортно-экспедиторских компаний 3. Разработка альтернативных маршрутов на случай изменения ситуации 4. Исключение из маршрута участков дорог, не предназначенных для тяжелых осевых нагрузок.
Дорожно-транспортные происшествия	1. Постоянный мониторинг перемещения ТС с помощью современных технологий и диспетчеризация перевозки 2. Использование машин сопровождения 3.Организация перевозки в часы наименьшей транспортной нагрузки (например, в ночное время) 4.При планировании перевозки учитывать погодные условия 3. Страхование груза и ответственности перевозчика

Юридические и административные риски	1. Заблаговременное получение специальных разрешений, пропусков и согласований с контролирующими органами стран вывоза, ввоза и транзита 2. Использование цифровых платформ и электронного документооборота для ускорения подачи и обработки заявлений 3. Привлечение опытных международных транспортных посредников для подготовки документов и прохождения таможенных формальностей
Ошибки персонала	1.Организация обязательного инструктажа и целевого обучения персонала, включая водителей и сопровождающих 2.Введение системы допуска к работе на основе аттестации и подтверждённого уровня квалификации 3.Привлечение опытных водителей, диспетчеров и сопровождающих

Источник: составлено автором с использованием [1,7]

1 Выбор надежных перевозчиков и транспортных экспедиторов, использование современных технологий, в том числе, цифровых, тщательное планирование и анализ ситуации на маршруте, а также поддержание непрерывной коммуникации между участниками перевозочного процесса позволят избежать многих проблем при осуществлении международных перевозок негабаритных грузов, а также уменьшить незапланированные расходы.

2 СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. 海关统计数据查询平台*: [Электронный ресурс]:* 中华人民共和国海关总署 *– URL: http://stats.customs.gov.cn/*

2. 标准带动 转型提质内蒙古乌海市四大领域标准体系建设成效显著*: [Электронный ресурс]:* 国家标准化管理委员会*: – URL: https://www.sac.gov.cn/xw/bzhdt/art/2017/art_b750a7c0517b45d2ab162a244a40205e.html*

3. The Business Research Company Oversized Cargo Transportation Global Market Report 2024: [Электронный ресурс]: Research and markets: – URL: https://www.researchandmarkets.com/reports/5939348/oversized-cargo-transportation-global-market?srsltid=AfmBOooPBNJmRqZ5IVMHQ 8FJPhnJpz 4uEqgoWPWocnLkZcirFSaUpLD

4. Система международных транспортных коридоров на территории России: [Электронный ресурс]: Минэкономразвития РФ: – URL: https://fcp.economy.gov.ru/ext/11/3.htm

5. 中共黑龙江省委办公厅　黑龙江省人民政府办公厅印发《关于推动全省经济持续回升向好全力实现一季度“开门红”的若干政策措施》的通知: [ЭЛЕКТРОННЫЙ РЕСУРС]: 黑龙江省人民政府: – URL: HTTPS://WWW.HLJ.GOV.CN/HLJ/C107856/202501/C00_31806200.SHTML

6. Низкая мощность переходов и высокие тарифы: как везут грузы из Китая: [Электронный ресурс]: РБК: – URL: https://pro.rbc.ru/demo/65d609799a79478273a2dd5e?from=search_pro

7. Прошкина В. А. Основные риски при перевозке крупногабаритных и тяжеловесных грузов // Наука и образование сегодня.– 2018.– № 6 (29).– С. 6–10

DOI 10.34660/INF.2026.10.59.095

АНАЛИЗ ДЕЙСТВУЮЩИХ ПРОЕКТОВ И МЕХАНИЗМОВ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ГОСУДАРСТВА И БИЗНЕСА В СФЕРЕ ТУРИЗМА

Аврах Иван Юрьевич
аспирант
Федеральный исследовательский центр «Субтропический научный центр Российской академии наук»,
г. Сочи, Россия

Аннотация. *В статье представлен анализ действующих проектов и механизмов взаимодействия государства и бизнеса в сфере туризма с позиций их типологии, эффективности и соответствия современным требованиям развития туристской деятельности. Теоретической основой исследования выступают концепции государственночастного партнёрства, институционального регулирования и кластерного развития туризма. Выявлены четыре группы механизмов взаимодействия государства и бизнеса: классические формы ГЧП и концессии; инвестиционные соглашения и режимы поддержки масштабных проектов; кластерные и программноцелевые механизмы; инструменты совместного маркетинга и цифровые туристские платформы. Представлено научное обоснование позиции автора относительно того, что инфраструктурные, санаторнокурортные, событийные и агротуристские проекты демонстрируют различную интеграцию распределения рисков и эффектов между государством и бизнесом, что требует дифференцированного подхода к выбору форм партнёрства. Выявлены ключевые ограничения действующей практики механизмов взаимодействия в частногосударственном партнерстве (фрагментарность использования ГЧП в туризме, институциональные барьеры, дефицит компетенций, недостаточное внимание к проявлению нематериальных эффектов) и обозначены направления совершенствования механизмов взаимодействия, включающие процессы корректирования моделей ГЧП под специфику сферы туризма, развитие центров компетенций и интеграцию туристских проектов в цифровые экосистемы управления.*

Ключевые слова: *туризм; государственно-частное партнёрство, взаимодействие государства и бизнеса, туристская инфраструктура, туристские проекты, кластерный подход, цифровые платформы.*

Туризм в современной России рассматривается как одно из приоритетных направлений развития экономики, оказывающая системное влияние на занятость, качество жизни населения, развитие инфраструктуры и территориальное позиционирование регионов [1]. При этом возможности бюджетного финансирования крупных инфраструктурных проектов ограничены, что объективно усиливает роль взаимодействия государства и бизнеса как ключевого фактора развития сферы туризма и ее основных секторов.

На национальном уровне это взаимодействие осуществляется через систему государственно-частного партнёрства (ГЧП), концессионных соглашений, инвестиционных соглашений, механизмов национального проекта «Туризм и индустрия гостеприимства», а также региональных программ и кластерных инициатив. В реальной практике туристские проекты реализуются в виде широкого спектра моделей: от классических концессий и соглашений о ГЧП до кластерных проектов, событийно-ориентированного партнёрства и программно-грантовых механизмов [3].

Вместе с тем реализация крупных туристскорекреационных проектов, как уже было отмечено, требует значительных капитальных вложений, развитой инфраструктурной базы и высоких управленческих компетенций, что предопределяет необходимость определенных взаимодействий государства и бизнеса.

В научной литературе государственночастное партнёрство (ГЧП) в туризме рассматривается как инструмент привлечения внебюджетных ресурсов, ускорения реализации инфраструктурных проектов и повышения эффективности использования туристского потенциала территорий. При этом акцент делается как на классических формах ГЧП (концессии, соглашения о ГЧП), так и на более гибких механизмах сотрудничества, таких как инвестиционные соглашения, кластерные инициативы, совместные проекты по продвижению туристско-рекреационных услуг.

Несмотря на наличие ряда исследований, посвящённых ГЧП в туризме, комплексный анализ действующих проектов и реального спектра механизмов взаимодействия государства и бизнеса остаётся ограниченным. Чаще всего рассматриваются либо правовые аспекты, либо отдельные кейсы, в то время как типологизация механизмов и оценка их применимости к различным видам туристских проектов требуют дополнительного изучения.

Целью настоящего исследования является анализ действующих проектов и механизмов взаимодействия государства и бизнеса в сфере туризма,

позволяющий провести их типологию, оценить сильные и слабые стороны и обозначить направления совершенствования.

Для достижения поставленной цели в статье решаются следующие задачи:

– обобщить теоретические подходы к взаимодействию государства и бизнеса в туризме;

– систематизировать основные механизмы партнёрства, применяемые в отечественной и зарубежной практике;

– на основе анализа реализованных проектов выявить особенности распределения рисков и эффектов между государством и бизнесом;

– предложить направления совершенствования механизмов взаимодействия в контексте сервисноориентированного и цифрового развития туристской деятельности. Теоретикометодологическую базу исследования составили концепции государственночастного партнёрства, теории социально-экономического и институционального регулирования, а также кластерный и экосистемный подходы к развитию туризма.

Научные исследования в области туризма и ГЧП позволили автору выявить ряд ключевых подходов к анализу взаимодействия государства и бизнеса. Первым из них можно назвать *институциональный подход,* который рассматривает туризм как особую институциональную среду, где формальные и неформальные правила (законодательство, региональные программы, соглашения, практики взаимодействия) определяют поведение участников и устойчивость партнёрства. В рамках данного подхода акцент делается на правовых формах ГЧП, контрактных формах, распределении рисков и ответственности.

Далее следует *кластерный и сетевой подходы,* определяющие туристские проекты как элементы территориальных кластеров и сетей, в которых взаимодействуют государственные органы, частные компании, образовательные и научные организации, местные сообщества. Особое внимание уделяется при этом интеграции туристской инфраструктуры, сервисов и брендинга в единую систему, а ГЧП рассматривается как инструмент формирования и поддержки туристских кластеров.

Следующим может быть *проектно-ориентированный подход,* который фокусируется на анализе отдельных туристских проектов: гостиничных и курортных комплексов, тематических парков, кластерных инициатив, событийных площадок. Здесь важны вопросы жизненного цикла проекта, источников финансирования, бизнес-моделей, механизмов окупаемости, а также участия государства как инвестора, гаранта или координатора.

Подход устойчивого развития ставит в центр внимания баланс экономических, социальных и экологических эффектов туристских проектов [5]. Взаимодействие государства и бизнеса в туризме рассматривается с точки

зрения минимизации негативных воздействий (перегрузка инфраструктуры или явление овертуризма, экологические риски, социальное напряжение) и максимизации общественных выгод. Следовательно, участие государства в туристских проектах оправдано там, где присутствует значимый общественный эффект, но частный инвестор не готов полностью нести риски, или не видит достаточной выгоды от своего участия. Государственно-частное партнерство позволяет эффективно распределять риски, привлекать частный капитал к созданию инфраструктуры и сервисов, однако требуют развитой институциональной среды и необходимых компетенций у всех участников. В сфере туризма формальные (контрактные) и неформальные (кластерные, сетевые, событийные) механизмы партнёрства взаимодополняют друг друга, образуя комплексный организационно-экономический механизм развития туристской деятельности на уровне отдельных туристских территорий и регионов. Анализ национальной и региональной практики показывает, что частно-государственное партнёрство в туризме складывается из нескольких уровней (рисунок 1):

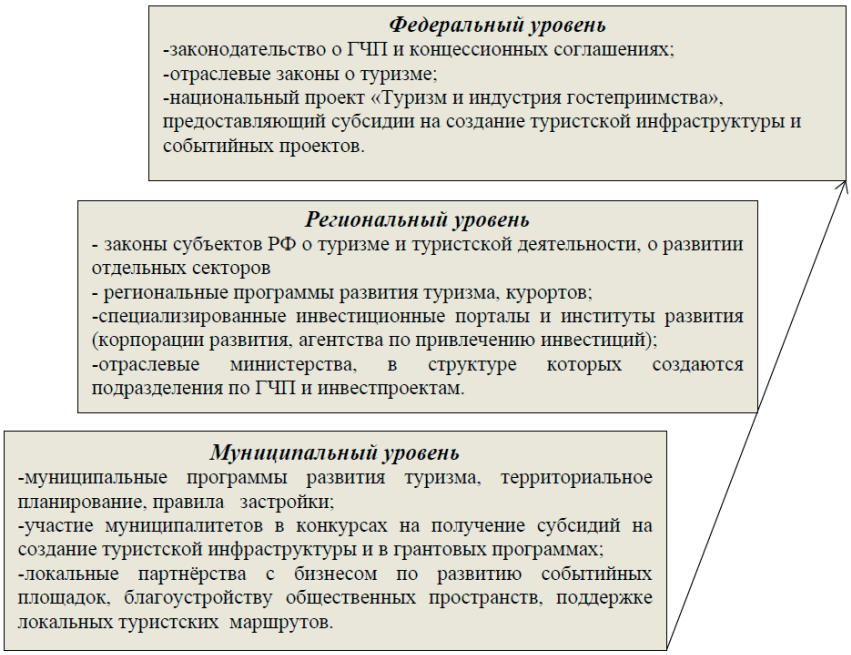

Рисунок 1- Уровни развития частно-государственного партнерства в сфере туризма

Сформировавшаяся институциональная среда создает условия для реализации разных типов проектов, в рамках которых государство выступает не только регулятором, но и инициатором, соинвестором и координатором действий туристского бизнеса.

В результате проведенного автором анализа действующих проектов государственно-частного партнерства определены основные группы механизмов взаимодействия государства и бизнеса в туризме (рисунок 2).

Рисунок 2 – Основные группы механизмов взаимодействия государства и бизнеса в туризме

Классические ГЧПсоглашения и концессионные договоры используются преимущественно для проектов, связанных с созданием транспортной и инженерной инфраструктуры туристских территорий (дороги, коммунальные сети, объекты транспортной логистики); комплексной реконструкцией крупных объектов (санаториев, гостиничных комплексов), находящихся в государственной или муниципальной собственности, а также с развитием инфраструктуры горнолыжных, горноклиматических и курортных кластеров (канатные дороги, парковки, объекты сервисной инфраструктуры). В этих проектах государство, как правило, предоставляет права на объект, земельный участок, гарантирует минимальный объём спроса или дохода, участвует в финансировании инфраструктурной части, а частный партнёр берёт на себя обязательства по строительству, эксплуатации а также значительную часть коммерческих и эксплуатационных рисков [4].

В настоящее время широко распространена модель инвестиционных соглашений между регионом и инвестором, где государство закрепляет в соглашении обязательства по административному и инфраструктурному сопровождению; может предоставлять налоговые льготы, субсидии или преференции; облегчает доступ к земельным участкам и инженерным сетям. Подобным образом

реализуются крупные гостиничные и курортные проекты, новые туристскоразвлекательные комплексы, апартотели, многофункциональные центры.

В рамках туристских кластеров (горнолыжных, этно-гастрономических, агро-туристских, культурноисторических) взаимодействие государства и бизнеса приобретает сетевой характер, поскольку государство уже формирует территориальную основу, поддерживает бренд, обеспечивает инфраструктуру и продвижение, а бизнес создаёт и развивает объекты размещения, питания, развлечений, специализируется на отдельных секторах сферы туризма. Примером являются крупные горные и прибрежные туристские кластеры, где часть объектов создаётся с участием государства или институтов развития, а часть – за счёт частных инвестиций, при этом управление осуществляется через управляющую компанию.

Совместный маркетинг и цифровые платформы. Современный этап развития туризма характеризуется становлением цифровых туристских экосистем и платформ, объединяющих информацию о маршрутах, объектах размещения, событиях и сервисах. В этой сфере государство и бизнес взаимодействуют через совместные маркетинговые кампании, участие в управлении цифровыми платформами, обмен данными и координацию продвижения территориальных брендов.

Анализ проектов показывает, что конфигурация партнёрства (соотношение участия государства и бизнеса, распределение рисков и эффектов) существенно варьирует между инфраструктурными, санаторнокурортными, событийными и агро-туристскими проектами, что требует дифференцированного подхода к выбору механизмов взаимодействия.

Несмотря на разнообразие и очевидные преимущества государственно-частного партнерства в развитии сферы туризма, действующие механизмы взаимодействия государства и бизнеса в туризме сталкиваются с рядом проблем, в числе которых можно назвать следующие:

Ограниченное использование моделей сотрудничества государства и бизнеса, которые предполагают жёсткое распределение ролей, рисков и обязательств между партнёрами, а также строго регламентированные условия реализации проектов. Большинство туристских проектов реализуются через инвестиционные соглашения и программно-грантовые механизмы, тогда как количество классических ГЧП-соглашений и концессий относительно невелико. Это связано со сложностью договорных отношений, длительностью согласований и неопределённостью спроса на конкретные туристские услуги.

Земельные и градостроительные барьеры. Туристские проекты часто локализованы в зонах с особым режимом землепользования (прибрежные территории, ООПТ, горные районы), что усложняет оформление прав на землю, согласование параметров строительства и инженерной инфраструктуры [2].

Институциональная среда. Туризм находится на стыке компетенций различных направлений (экономика, культура, спорт, сельское хозяйство, природопользование), что порождает рассогласование мер поддержки и требований. Для бизнеса это выражается в необходимости взаимодействия с несколькими органами власти и сложной системой управления.

Неравномерность инфраструктурной обеспеченности. В наиболее крупных туристских территориях, туристских центрах инфраструктура относительно развита, тогда как периферийные территории испытывают дефицит транспортной, инженерной и цифровой инфраструктуры, что ограничивает потенциал для дальнейшего развития отдельных видов туризма.

Таким образом, и механизмы взаимодействия государства и бизнеса в сфере туризма должны создавать предсказуемую и привлекательную среду для инвесторов, в числе которых обновление региональных нормативных актов о ГЧП с учётом последних изменений федерального законодательства и практики его применения; развитие координирующего органа по ГЧП (совет, межведомственная комиссия) при участии бизнеса и научного сообщества; создание центра компетенций по ГЧП, который будет выполнять функции методического сопровождения, подготовки типовых документов и обучения муниципальных специалистов; формирование институтов общественного участия (общественные советы, обсуждения проектов, механизмы обратной связи).

Список литературы

1. Волконский Э. Э., Морозов М. А. Роль государственно-частного партнерства в развитии туристской индустрии // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2024. Том 14. № 7А. С. 123–131.

2. Караваева А. А. Современные проблемы реализации проектов государственно-частного партнерства в России и возможные пути их преодоления // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2020. № 3. С. 263–266.

3. Кулинченко В. В. Государственное частное партнерство: электронное учебно-методическое пособие / В. В. Кулинченко.– Краснодар: КубИСЭП (филиал) ОУП ВО «АТиСО», 2022.– 72 с.

4. Левченко Т. П., Аврах И. Ю. Методический подход к исследованию государственно-частного партнерства в сфере рекреации и туризма // Прогрессивная экономика. 2026. № 4. С. 169–179.

5. Юрьева Т. В. Проекты государственно-частного партнерства как фактор устойчивого развития туристской индустрии // Современные технологии управления. 2020 № 2 (92).

DOI 10.34660/INF.2026.11.17.168

ВЛИЯНИЕ САНКЦИЙ НА БЮДЖЕТНУЮ СИСТЕМУ РОССИИ

Вишневецкая Виктория Вячеславовна
студент
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

Аннотация.В статье *анализируется влияние санкционного давления и внешнеэкономической конъюнктуры на ключевые макроэкономические показатели Российской Федерации в 2014–2024 гг. Исследуется динамика исполнения федерального бюджета, структура государственного долга (в т. ч. объемы выпуска краткосрочных и долгосрочных ценных бумаг) и показатели платежного баланса, выявляются причинно-следственные связи между санкциями, ценами на нефть и бюджетными параметрами. Установлено, что в условиях ограничения доступа к международным рынкам капитала государство переориентировалось на инструменты внутреннего финансирования дефицита – в частности, на рост долгосрочных заимствований; одновременно прослеживается тенденция к сокращению внешнего долга. Сделан вывод о тесной взаимосвязи бюджетных показателей, долговой политики и внешнеэкономических факторов в контексте сырьевой ориентации российской экономики.*

Ключевые слова: *санкции, федеральный бюджет РФ; дефицит бюджета; государственный долг; долгосрочные ценные бумаги; внешний долг; платежный баланс.*

Abstract. *The article analyzes the impact of sanctions pressure and the external economic environment on the key macroeconomic indicators of the Russian Federation in 2014–2024. The dynamics of federal budget execution, the structure of public debt (including the volume of issuance of short-term and long-term securities) and balance of payments indicators are investigated, and causal relationships between sanctions, oil prices and budget parameters are identified. It has been established that in conditions of limited access to international capital markets, the government has reoriented to instruments of internal deficit financing, in particular, to the growth of long – term borrowings; at the same time, there is*

a tendency to reduce external debt. It is concluded that there is a close relationship between budget indicators, debt policy and foreign economic factors in the context of the raw materials orientation of the Russian economy.

Keywords: *sanctions, federal budget of the Russian Federation; budget deficit; public debt; long-term securities; external debt; balance of payments.*

Существует множество научных исследований, описывающих теоретические аспекты санкционных режимов и механизмов. Одними из основополагающих трудов по данной теме являются исследования Й. Галтунга и Д. Дрезнера, в которых авторы описывают теорию санкций и предлагают классификацию по разным типам направлений [1] [2]. Одной из ключевых отечественных работ, на базе которой были сформированы дальнейшие исследования, является работа Д. Борисова, в которой был проведен анализ эффективности мер санкционной политики Лиги Наций: введения ограничений импорта из «страны-объекта» санкций, запрета на экспорт сырья и применение финансовых санкций [3]. Борисов пришел к выводу о том, что меры в области эмбарго на экспорт нефти и импорт из «страны-объекта» санкций (в данном случае, Италии и Германии) оказались неэффективны ввиду слабого уровня контроля за сырьевыми рынками со стороны Лиги Наций и отсутствие одновременности применения санкций.

Перейдем к рассмотрению основных показателей государственного бюджета (рисунок 1).

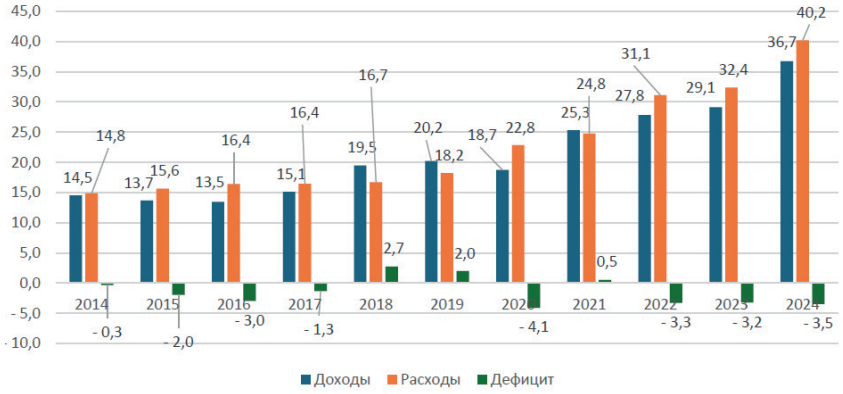

Рисунок 1 – Исполнение государственного бюджета РФ, трлн рублей [4]

Представленный график отражает динамику исполнения федерального бюджета Российской Федерации в 2014–2024 гг. и демонстрирует

выраженную зависимость бюджетных показателей от внешнеэкономической конъюнктуры и санкционного давления. В 2014–2017 гг. наблюдается умеренный дефицит бюджета, обусловленный снижением нефтегазовых доходов на фоне падения мировых цен на нефть и введения первых санкций. Доходы бюджета в этот период стагнировали, тогда как расходы сохранялись на относительно стабильном уровне, что привело к формированию дефицита. В 2018 году фиксируется переход к профициту (2,7 трлн руб), который сохранялся и в следующем году, что связано с ростом нефтяных цен и ослаблением рубля. В 2020 году сформировался максимальный уровень дефицита, рассматриваемый в текущем периоде,– 4,1 трлн рублей в связи с расширением государственных расходов в период пандемии.

Несмотря на рекордные доходы бюджета в 2021–2022 годах, обусловленные высокими ценами на сырье, второй этап санкционного давления привел к значительному дефициту (3,3 трлн руб.) уже в 2022 году. Этот дефицит сохранялся и в последующие годы. Причиной являлся высокий темп роста расходов, что связано с расширением государственных обязательств, а также ростом затрат на оборону и социальную сферу.

Рассмотрим более подробно структуру государственного бюджета. Ввиду ограниченности кредитования на международном рынке для финансирования дефицита бюджета государство активно привлекало источники внутреннего финансирования: бюджетные кредиты, продажу акций и земельных участков, находящихся в государственной собственности, размещение ценных бумаг и прочие. Продажа акций и земельных участков, находящихся в государственной собственности, активно возросла в период пандемии Covid-19, составив 12,6 млрд рублей в 2020 году, в 2023 году показатель достиг пика, установившись на уровне 27,3 млрд рублей [4].

Рассматривая инвестиционный климат в России, необходимо уделить внимание анализу выпуску долговых ценных бумаг Правительством, так как дефицит государственного бюджета во многом покрывался именно за счет этого инструмента. В таблице 1 представлены выпущенные на внутреннем рынке долговые ценные бумаги по рыночной стоимости, в млрд рублей.

Таблица 1. Динамика выпущенных на внутреннем рынке государственных долговых ценных бумаг по рыночной стоимости, млрд рублей [5]

	Краткосрочные ценные бумаги	Долгосрочные ценные бумаги
01.01.2014	2,0	9 784,38
01.01.2015	-	12 008,14
01.01.2016	-	13 507,59
01.01.2017	4,09	15 596,68

	Краткосрочные ценные бумаги	Долгосрочные ценные бумаги
01.01.2018	400,38	18 646,81
01.01.2019	1 395,85	19 448,84
01.01.2020	2 115,25	22 676,60
01.01.2021	707,37	30 476,76
01.01.2022	154,48	33 063,03
01.01.2023	208,24	37 084,88
01.01.2024	347,29	43 797,71

Долгосрочные ценные бумаги демонстрируют устойчивый восходящий тренд на протяжении всего периода 2014–2024 гг.: объем выпуска увеличился с 9,78 трлн руб до 43,8 трлн руб, то есть более чем в четыре раза. Особенно заметное ускорение приходится на 2020–2024 гг., когда рост стал более интенсивным. Это совпадает с периодом пандемийных расходов и последующего санкционного давления, когда бюджетные потребности существенно возросли, а доступ к внешним рынкам капитала оказался ограничен. Увеличение объема долгосрочных заимствований свидетельствует о переориентации на внутренний рынок и стремлении обеспечить устойчивое финансирование бюджетного дефицита за счет более протяженных по сроку инструментов. Усиливается роль внутреннего долга как ключевого источника покрытия государственных обязательств.

Краткосрочные ценные бумаги характеризуются более высокой волатильностью. В 2014–2016 гг. их объем был минимальным или отсутствовал, затем в 2018–2020 гг. фиксируется резкий рост, достигший пика в 2020 г. (более 2,1 трлн руб). Однако после 2021 г. наблюдается сокращение объемов краткосрочного выпуска, что связано с ростом процентных ставок, повышенными рисками и ориентацией на более стабильные долгосрочные заимствования.

Наряду с оценкой состояния бюджета России необходимо проанализировать динамику внешнего долга России (рисунок 2).

Представленный график демонстрирует умеренную волатильность показателя при отсутствии резких долговых всплесков. В период 2014–2018 гг. наблюдается постепенное сокращение внешнего долга с 54,8 млрд долл до минимального значения около 49,3 млрд долл. Такая динамика совпадает с введением первых санкций и ограничением доступа к международным рынкам капитала. В условиях санкционного давления государство было вынуждено проводить политику снижения внешних заимствований и частичного погашения обязательств, что способствовало уменьшению зависимости от внешних кредиторов.

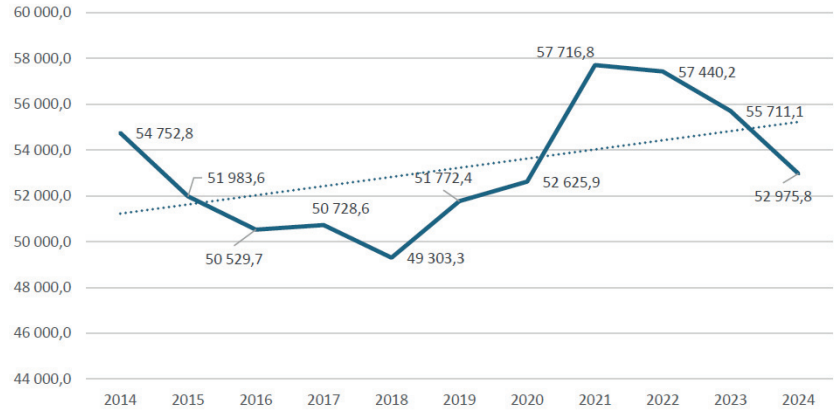

Рисунок 2 – Динамика внешнего государственного долга РФ, млн долларов [6]

В 2019–2021 гг. наблюдается рост внешнего долга до 57,7 млрд долл, однако уже после 2022 года, на фоне ужесточения санкций и ограничения операций с российскими долговыми инструментами, вновь фиксируется тенденция к сокращению показателя – до 52,9 млрд долл к 2024 году. Усиление санкционного режима ограничило возможности привлечения внешнего финансирования, что привело к снижению роли внешнего долга в структуре государственных обязательств. В результате динамика внешнего государственного долга отражает стратегию минимизации внешних рисков и адаптации к санкционным ограничениям, при которой приоритет отдается внутренним заимствованиям и бюджетному перераспределению ресурсов.

Динамика федерального бюджета, внешнего государственного долга и цен на нефть в рассматриваемый период демонстрирует тесную взаимосвязь, обусловленную сырьевой ориентацией российской экономики и значительной долей нефтегазовых доходов в структуре бюджетных поступлений. В 2014–2016 гг. резкое снижение мировых цен на нефть совпало с введением первых санкций и привело к сокращению экспортной выручки и ослаблению рубля. В результате бюджет столкнулся с дефицитом, а государство было вынуждено активнее использовать резервы и корректировать долговую политику.

Наиболее показательной является ситуация 2022–2024 гг., так как несмотря на высокие цены на нефть в 2022 году, санкционные ограничения на экспорт и изменение логистики поставок привели к снижению бюджетных доходов относительно потенциального уровня и росту расходов [7]. В этих условиях дефицит бюджета сохранялся, однако внешний долг постепенно сокращался, поскольку доступ к международному финансированию был ограничен, а акцент сместился на внутренние заимствования.

Теперь перейдем к оценке показателей платежного баланса России (таблица 2).

Таблица 2. Показатели платежного баланса России, млрд долл США [8]

	Сальдо счета текущих операций и счета операций с капиталом	Сальдо финансового счета	Ссуды и займы, наличная валюта и депозиты
2014 г.	15,51	23,45	32,86
2015 г.	67,47	70,33	14,01
2016 г.	23,70	18,30	24,23
2017 г.	31,99	34,57	19,96
2018 г.	114,58	116,69	49,25
2019 г.	65,39	63,41	15,94
2020 г.	35,28	39,07	24,78
2021 г.	125,08	124,05	19,97
2022 г.	233,16	227,08	92,21
2023 г.	47,97	38,68	13,32
2024 г.	62,32	52,77	25,71

Сальдо счета текущих операций и счета операций с капиталом демонстрирует волнообразные колебания: от относительно невысокого уровня в 15,51 млрд долл в 2014 г. до пика в 233,16 млрд долл в 2022 г., после чего наблюдается резкий спад до 47,97 млрд долл в 2023 г. и некоторый рост в 2024 г. (62,32 млрд долл). Заметен также высокий уровень корреляции между сальдо текущих операций и финансового счета: в годы с высоким профицитом текущих операций (например, 2015, 2018, 2022) наблюдается сопоставимый рост сальдо финансового счета. Это указывает на то, что избыток средств от внешнеэкономической деятельности реинвестировался в экономику или направлялся на финансовые операции.

Сальдо финансового счета также демонстрирует высокую волатильность, варьируясь от 18,30 млрд долл (2016 г.) до 227,08 млрд долл (2022 г.). Возросла нагрузка на федеральный бюджет, что потребовало пересмотра приоритетов расходной политики и активного использования средств Фонда национального благосостояния.

В результате проведенного анализа установлено, что санкционное давление в 2014–2024 гг. существенно повлияло на динамику федерального бюджета РФ, структуру государственного долга и показатели платежного

баланса. Ограничение доступа к международным рынкам капитала стимулировало переориентацию на внутренние источники финансирования – в частности, на рост объемов долгосрочных заимствований при одновременном сокращении внешнего долга. При этом сохраняется высокая зависимость бюджетных показателей от внешнеэкономической конъюнктуры и цен на нефть, что подтверждает сырьевую ориентацию российской экономики и определяет ключевые вызовы для долгосрочной бюджетной и долговой политики государства.

Список литературы

1. Galtung, J. On the Effects of International Economic Sanctions, With Examples from the Case of Rhodesia – World Politics, 19(3) – Vol. 19–1967 – c. 378–416;

2. Drezner D. The Sanctions Paradox. Economic Statecraft and International Relations – Cambridge University Press, 1999–342 c.;

3. Борисов Д. Санкции – СОЦЭКГИЗ, 1936–156 с;

4. Министерство финансов Российской Федерации. сайт.– URL https://minfin.gov.ru/ru/document?id_4=80041-kratkaya_ezhegodnaya_informatsiya_ob_ispolnenii_federalnogo_byudzheta_mlrd._rub (дата обращения: 15.04.2026);

5. Центральный банк Российской Федерации. сайт.– URL https://cbr.ru/statistics/macro_itm/ (дата обращения: 15.04.2026);

6. Министерство финансов Российской Федерации. сайт.– URL: https://minfin.gov.ru/ru/perfomance/public_debt/external/structure?id_65=69444-gosudarstvennyi_vneshnii_dolg_rossiiskoi_federatsii_2011–2026_gg./ (дата обращения: 15.04.2026);

7. TradingView. Сайт.– URL: https://ru.tradingview.com/symbols/UKOIL/ (дата обращения: 15.04.2026);

8. Центральный банк Российской Федерации. сайт.– URL: https://cbr.ru/statistics/macro_itm/external_sector/pb/p_balance/ (дата обращения: 15.04.2026).

DOI 10.34660/INF.2026.11.99.022

ТРАНСФОРМАЦИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ТЕРРОРИЗМА В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ: УГРОЗЫ И ВЫЗОВЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Шалов Даулет Асылбекович
независимый эксперт
г. Астана, Республика Казахстан

Аннотация: *В статье рассматриваются современные тенденции трансформации международного терроризма в условиях глобализации и цифровизации. Анализируются изменения в организационной структуре террористических групп, их переход к сетевым и децентрализованным моделям, а также активное использование информационно-коммуникационных технологий в целях пропаганды, вербовки и координации деятельности. Особое внимание уделяется новым формам террористической активности, включая «одиночных» акторов и кибертерроризм. Выявляются ключевые угрозы и вызовы национальной безопасности, обусловленные транснациональным характером современных террористических процессов. Рассматриваются проблемы правового регулирования и международного сотрудничества в сфере противодействия терроризму. В заключение предлагаются направления повышения эффективности мер по обеспечению национальной безопасности в условиях трансформации международного терроризма.*

Ключевые слова: *международный терроризм, трансформация терроризма, национальная безопасность, кибертерроризм, транснациональные угрозы, противодействие терроризму.*

В современных условиях глобализации и ускоренного развития информационно-коммуникационных технологий международный терроризм претерпевает качественные изменения, трансформируясь в более сложное, гибкое и трудно прогнозируемое явление. Террористические организации отходят от иерархических моделей к децентрализованным сетевым структурам, активно используют цифровую среду для вербовки, радикализации и координации действий, а также внедряют новые финансовые и технологические инструменты, включая криптовалюты и ресурсы киберпространства. Это

существенно усложняет процессы выявления, предупреждения и пресечения террористической деятельности.

Актуальность темы усиливается на фоне нарастающей нестабильности международной обстановки и расширения географии конфликтов, что способствует росту террористической активности и усилению транснациональных угроз. Как отметил Президент Республики Казахстан Касым-Жомарт Токаев, в настоящее время формируется глобальный цикл конфликтов и насильственных действий, на фоне которого возрастает угроза международного терроризма [1]. Данное положение подчеркивает необходимость комплексного научного анализа трансформационных процессов в сфере терроризма.

Таким образом, исследование современных форм и методов террористической деятельности, а также выработка эффективных механизмов противодействия им представляют собой важную научную и практическую задачу, непосредственно связанную с обеспечением национальной и международной безопасности.

Проблематика международного терроризма получила широкое освещение в трудах отечественных и зарубежных исследователей. Существенный вклад в разработку различных аспектов данной темы внесли казахстанские ученые, в частности С. К. Абсаметов, Е. Б. Жатканбаев, Г. Косиченко, А. М. Ахметов и другие. Среди российских исследователей следует отметить работы Е. Г. Лясхова, И. П. Добаева, В. П. Баранова, Н. А. Чернядьевой и ряда других авторов, рассматривающих правовые, политические и социальные аспекты терроризма.

В целом, значительный массив научных исследований посвящен анализу природы, причин возникновения и эволюции международного терроризма, а также вопросам противодействия ему в контексте обеспечения национальной и международной безопасности. Вместе с тем, несмотря на накопленную теоретическую и эмпирическую базу, ряд аспектов данной проблематики остается недостаточно изученным.

В частности, требуют более глубокого осмысления процессы трансформации терроризма в условиях цифровизации, включая использование современных информационно-коммуникационных технологий для вербовки, координации и финансирования террористической деятельности. Недостаточно исследованы изменения организационных структур террористических групп, их переход к децентрализованным и сетевым моделям, а также влияние гибридных угроз на характер современной террористической активности. Кроме того, сохраняется дефицит комплексных исследований, учитывающих региональную специфику и новые вызовы национальной безопасности.

Таким образом, необходимость дальнейшего научного осмысления указанных вопросов обусловливает актуальность и востребованность данного исследования.

Ключевые проблемы современной трансформации международного терроризма заключаются в децентрализации и сетевом характере террористических организаций, активном использовании интернета и социальных сетей в целях радикализации и мобилизации, сложностях правового регулирования в условиях транснационального характера угроз, применении новых финансовых инструментов, включая криптовалюты, недостаточной эффективности международного сотрудничества, росте числа так называемых «одиночных» террористов, действующих вне формальных структур, а также в адаптации террористических методов к современным технологическим и социально-политическим условиям.

Целью статьи является анализ трансформации международного терроризма и выявление ключевых угроз национальной безопасности, а также определение направлений совершенствования мер противодействия.

Международный терроризм в современной науке рассматривается как сложное социально-политическое и криминальное явление, представляющее собой форму насильственной деятельности, выходящей за пределы одного государства и затрагивающей международные отношения. Как отмечается в научной литературе, международный терроризм относится к числу международных преступлений и представляет глобальную угрозу, противодействие которой возможно только при консолидации усилий мирового сообщества [2, с. 105–117].

Вместе с тем одной из ключевых проблем является отсутствие универсального и общепризнанного определения «международного терроризма» в международном праве. Несмотря на наличие значительного числа международных договоров, принятых под эгидой ООН, они, как правило, регулируют лишь отдельные виды террористической деятельности (например, финансирование терроризма, захват заложников, бомбовый терроризм), не закрепляя единой дефиниции данного явления [3].

В частности, такие документы, как Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма 1999 г. и Международная конвенция о борьбе с бомбовым терроризмом 1997 г., устанавливают ответственность за конкретные террористические деяния, но не содержат общего понятия международного терроризма [4].

Аналогичная ситуация наблюдается и на национальном уровне. В законодательстве Республики Казахстан отсутствует легальное определение «международного терроризма», что затрудняет единообразное правоприменение и теоретическое осмысление данного явления. В то же время в уголовном законодательстве Российской Федерации закреплена статья, предусматривающая ответственность за акт международного терроризма, что свидетельствует о попытке нормативной конкретизации данной категории на национальном уровне.

Сущностными признаками международного терроризма являются: транснациональный характер деятельности, направленность на запугивание населения или воздействие на принятие решений государствами и международными организациями, а также использование насилия или угрозы его применения в политических целях. При этом важной особенностью современного этапа развития терроризма является его трансформация под влиянием глобализации.

Трансформация международного терроризма проявляется в изменении его организационных форм, методов и инструментов. Наблюдается переход от иерархических структур к децентрализованным сетевым моделям, усиление роли «автономных ячеек» и отдельных радикализированных индивидов. Существенное влияние оказывает цифровизация: террористические организации активно используют интернет и информационно-коммуникационные технологии для пропаганды, вербовки, координации и финансирования своей деятельности. Кроме того, расширяется спектр используемых средств и методов, включая киберпространство и новые финансовые инструменты.

Таким образом, современный международный терроризм представляет собой динамично развивающееся явление, характеризующееся отсутствием единого правового определения, высокой степенью адаптивности и транснациональностью, что существенно усложняет процессы его правового регулирования и эффективного противодействия.

Современный этап развития международного терроризма характеризуется рядом устойчивых тенденций, отражающих его адаптацию к условиям глобализации и технологического прогресса.

Прежде всего, одной из ключевых тенденций является цифровизация терроризма. Террористические организации активно используют информационно-коммуникационные технологии, включая интернет и социальные сети, для пропаганды, вербовки, обучения и координации своей деятельности. Цифровая среда существенно расширяет аудиторию воздействия и снижает барьеры для вовлечения новых участников, превращаясь в важнейший инструмент террористической активности [5].

Важной особенностью современного терроризма является также переход к сетевым и децентрализованным структурам. В отличие от традиционных иерархических организаций, современные террористические группы функционируют в форме разрозненных ячеек и неформальных сетей, объединённых общей идеологией. Это повышает их устойчивость и затрудняет выявление и нейтрализацию.

С указанной тенденцией тесно связан рост феномена так называемых «одиночных» террористов. Современные исследования показывают, что значительная часть террористических атак совершается отдельными лицами или малыми группами, действующими автономно, без прямого руководства

со стороны организаций. Такие субъекты представляют особую угрозу, поскольку их деятельность сложнее выявить на ранних стадиях [6].

Наконец, важнейшей характеристикой современного терроризма остается его транснациональный характер. Террористическая деятельность выходит за пределы отдельных государств, охватывая различные регионы мира и формируя глобальные сети взаимодействия. Глобализация способствует распространению экстремистских идеологий, перемещению боевиков, финансовых потоков и технологий, что усиливает взаимосвязанность угроз и требует координированных международных усилий по противодействию.

Таким образом, современные тенденции свидетельствуют о качественной трансформации международного терроризма, который становится более гибким, технологически оснащённым и трудно контролируемым, что существенно усложняет обеспечение национальной и международной безопасности.

В Законе Республики Казахстан «О национальной безопасности Республики Казахстан» от 6 января 2012 года в статье 6 «Основные угрозы национальной безопасности» в качестве одной из ключевых угроз прямо указаны терроризм, экстремизм и сепаратизм во всех их формах и проявлениях [7]. Данное положение подчеркивает институциональное признание террористических и экстремистских проявлений как системных угроз устойчивому развитию государства.

Трансформация международного терроризма в современных условиях формирует комплекс многоуровневых угроз национальной безопасности Республики Казахстан, затрагивающих политическую, социальную, информационную и экономическую сферы. В условиях географической близости к нестабильным регионам, а также транзитного положения страны данные угрозы приобретают особую значимость и требуют постоянного совершенствования механизмов противодействия.

Прежде всего, опасность заключается в усилении влияния транснациональных террористических сетей, которые используют территорию и информационное пространство Казахстана как среду для вербовки, логистической поддержки и распространения радикальной идеологии. Это, в свою очередь, повышает риск вовлечения отдельных граждан, прежде всего молодежи, в деструктивные религиозно-экстремистские течения.

Существенную угрозу представляет развитие цифровых форм террористической активности, включая использование социальных сетей и мессенджеров для радикализации населения. В этих условиях возрастает вероятность формирования так называемых «сетевых ячеек» и автономных радикализированных лиц, способных осуществлять противоправные действия без прямого внешнего управления, что существенно усложняет их выявление и предотвращение.

Отдельного внимания заслуживает угроза, связанная с финансированием террористической деятельности через современные финансовые инструменты, включая электронные платежные системы и криптовалюты. В Законе Республики Казахстан «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, финансированию терроризма и финансированию распространения оружия массового уничтожения» от 28 августа 2009 года финансирование терроризма определяется как предоставление или сбор денежных средств либо иного имущества, а также оказание финансовых и иных услуг лицу или группе лиц, заведомо осознавая их террористический характер либо предназначение для обеспечения террористической деятельности [8]. Данная форма финансирования снижает эффективность традиционных механизмов финансового контроля и создает дополнительные риски для национальной безопасности.

Кроме того, трансформация террористической деятельности усиливает информационно-психологическое воздействие на общество, направленное на дестабилизацию социальной обстановки, подрыв доверия к государственным институтам и формирование атмосферы страха и недоверия.

В совокупности указанные факторы формируют системные вызовы национальной безопасности Республики Казахстан, требующие комплексного подхода, включающего развитие превентивных мер, совершенствование законодательства, усиление международного сотрудничества и повышение эффективности кибербезопасности.

Таким образом, современная трансформация международного терроризма не только усложняет характер угроз, но и расширяет их спектр, делая их более гибкими, скрытыми и трудно прогнозируемыми, что объективно требует постоянной адаптации национальной системы безопасности.

В целом проведённый анализ показывает, что трансформация международного терроризма существенно усложняет систему противодействия данному явлению на национальном и международном уровнях. Современные террористические угрозы приобретают более гибкий, сетевой и транснациональный характер, что снижает эффективность традиционных механизмов обеспечения безопасности и требует их постоянной адаптации.

К числу ключевых проблем противодействия можно отнести недостаточную согласованность международно-правовых подходов, ограниченную эффективность координации между государствами, а также сложности своевременного выявления и пресечения террористической активности в цифровой среде. Особую трудность представляет борьба с автономными радикализированными лицами и децентрализованными сетевыми структурами, которые действуют скрытно и зачастую вне формальных организационных рамок. Дополнительным вызовом выступает использование террористическими

организациями новых технологий и финансовых инструментов, что затрудняет контроль над источниками их финансирования и каналами коммуникации.

В этих условиях становится очевидной необходимость выработки новых, более комплексных и гибких подходов к противодействию терроризму. Речь идет о дальнейшем совершенствовании национального законодательства, усилении межведомственного взаимодействия, развитии цифровых технологий мониторинга и кибербезопасности, а также углублении международного сотрудничества в рамках существующих и новых институциональных механизмов.

Таким образом, эффективное противодействие современным формам международного терроризма возможно лишь при условии системного подхода, сочетающего правовые, организационные, технологические и международные инструменты, направленные на своевременное выявление, предупреждение и нейтрализацию возникающих угроз.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Усиливается угроза международного терроризма – Токаев К-Ж. 3 апреля 2024 г. [Электронный ресурс]. URL: https://kaztag.kz/ru/news/usilivaetsya-ugroza-mezhdunarodnogo-terrorizma-tokaev (дата обращения: 15.03.2026).

2. Плотников А. В. К вопросу юридического определения понятия «международный терроризм» // Вестник РУДН, серия Юридические науки, 2009, № 3,– с. 105–117

3. Вершинина П. И. Понятие акта международного терроризма. Проблема дефиниции // Гуманитарные научные исследования. 2017. № 12. [Электронный ресурс]. URL: https://human.snauka.ru/2017/12/24722 (дата обращения: 23.04.2026).

4. Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма Принята резолюцией 54/109 Генеральной Ассамблеи ООН от 9 декабря 1999 года. [Электронный ресурс]. https://www.un.org/ru (дата обращения: 14.04.2026).

5. Информационно-коммуникационные технологии (ИКТ). [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/securitycouncil/ctc/ru/content/information-and-communications-technologies (дата обращения: 22.04.2026).

6. Brian A. Jackson. Lone Actor Terrorism: Database. [Электронный ресурс]. URL: https://icct.nl/project/lone-actor-terrorism-database/ (дата обращения: 22.04.2026).

7. О национальной безопасности Республики Казахстан Закон Республики Казахстан от 6 января 2012 года № 527-IV. [Электронный ресурс]. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1200000527 (дата обращения: 23.04.2026).

8. О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, финансированию терроризма и финансированию распространения оружия массового уничтожения Закон Республики Казахстан от 28 августа 2009 года № 191-IV. [Электронный ресурс]. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z090000191_ (дата обращения: 23.04.2026).

DOI 10.34660/INF.2026.12.42.109

ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫЕ ЦЕННОСТИ В ГЕОПОЛИТИКЕ СТРАН ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Сизых Роман Александрович
докторант, независимый эксперт
г. Алматы, Республика Казахстан

Аннотация: *В статье рассматривается роль духовно-нравственных ценностей в формировании геополитических стратегий стран Центральной Азии. Цель исследования заключается в выявлении специфики ценностных оснований внешнеполитического поведения государств региона на основе сравнительного анализа. Методологическую основу составляют системный и сравнительный подходы, позволяющие рассмотреть духовно-нравственные ориентиры на различных уровнях их проявления. В рамках исследования выделяются три ключевых блока анализа: идентичность и традиции, политико-нравственные ценности и геополитические ценности. Показано, что, несмотря на общее историко-культурное наследие, страны Центральной Азии демонстрируют различия в интерпретации и институционализации духовно-нравственных установок, что находит отражение в моделях национальной идентичности, политической культуре и внешнеполитических приоритетах. Сделан вывод о том, что духовно-нравственные ценности выступают значимым фактором геополитического позиционирования государств региона и оказывают влияние на перспективы регионального сотрудничества и устойчивого развития.*

Ключевые слова: *духовно-нравственные ценности; геополитика; страны Центральной Азии; национальная идентичность; внешнеполитическая стратегия; сравнительный анализ; ценностные основания политики.*

В условиях трансформации современной геополитической системы, характеризующейся усилением многополярности, кризисом универсалистских моделей развития и возрастанием роли цивилизационных факторов, особую значимость приобретают нематериальные детерминанты внешнеполитического поведения государств. Наряду с традиционными параметрами силы экономическим потенциалом и военными ресурсами всё более существенное влияние оказывают духовно-нравственные ценности, формирующие идентичностные

основы общества, легитимационные механизмы власти и стратегические ориентиры национального развития.

Страны Центральной Азии, обладая общим историко-культурным и цивилизационным наследием, сформированным на пересечении тюркских, исламских и постсоветских традиций, демонстрируют при этом значительную вариативность в интерпретации и институционализации духовно-нравственных ориентиров. Эти различия находят отражение в моделях национальной идентичности, характере политических режимов, специфике внешнеполитического позиционирования и форматах взаимодействия с глобальными и региональными акторами.

При этом, как подчёркивает М. А. Рахимова, сохраняющийся комплекс региональных противоречий на фоне стремления к углублению сотрудничества требует не только институциональных, но и ценностных оснований взаимодействия, включая развитие культурно-гуманитарных связей [1].

В данной связи сравнительный анализ духовно-нравственных ценностей в геополитике стран Центральной Азии представляет особую научную актуальность, поскольку позволяет: углубить понимание ценностных оснований международных отношений в неклассических (не-западных) контекстах; выявить взаимосвязь между ценностными установками и стратегиями внешнеполитического поведения государств; определить потенциал и ограничения региональной интеграции на основе культурно-цивилизационной близости.

Практическая значимость исследования обусловлена возможностью использования его результатов для разработки более эффективных моделей регионального сотрудничества, прогнозирования геополитической динамики и формирования устойчивых стратегий развития государств Центральной Азии в условиях глобальной неопределённости.

Проблематика ценностных оснований геополитики получила определённое освещение в рамках политической философии, международных отношений и региональных исследований. В научной литературе исследуются вопросы влияния культурных и цивилизационных факторов на внешнюю политику государств, роль идентичности и идеологии в формировании геополитических стратегий.

В то же время исследования, посвящённые непосредственно духовно-нравственным ценностям как фактору геополитики в странах Центральной Азии, носят фрагментарный характер. Существующие работы, как правило, сосредоточены либо на отдельных государствах региона, либо на общих вопросах безопасности, интеграции и экономического развития, не уделяя достаточного внимания сравнительному анализу ценностных систем.

Таким образом, наблюдается недостаточная разработанность комплексного подхода к изучению духовно-нравственных оснований геополитики стран Центральной Азии, что обусловливает необходимость данного исследования.

Научно-прикладная проблема исследования заключается в противоречии между: возрастающей ролью духовно-нравственных ценностей в формировании геополитических стратегий государств и недостаточной разработанностью методологических подходов к их сравнительному анализу в контексте стран Центральной Азии. Это затрудняет: адекватную оценку внешнеполитических приоритетов государств региона; прогнозирование их поведения на международной арене и разработку эффективных механизмов регионального взаимодействия.

Целью статьи является выявление и сравнительный анализ духовно-нравственных ценностей, лежащих в основе геополитики стран Центральной Азии, а также определение их влияния на формирование внешнеполитических стратегий и регионального взаимодействия.

В целях систематизации исследования духовно-нравственных оснований геополитики стран Центральной Азии анализ структурирован по ключевым смысловым блокам, отражающим различные уровни проявления ценностей. Данный подход позволяет не только выявить специфику ценностных систем отдельных государств, но и проследить их влияние на формирование внутренней политической модели и внешнеполитических стратегий.

В рамках исследования выделяются три взаимосвязанных блока: идентичность и традиции, политико-нравственные ценности и геополитические ценности. Такая типология обусловлена необходимостью комплексного рассмотрения ценностного фактора от базовых мировоззренческих установок до их практической реализации в политике.

Анализ духовно-нравственных оснований геополитики целесообразно начать с блока идентичности и традиций, поскольку именно они формируют фундаментальные представления общества о себе и окружающем мире, определяя характер восприятия как внутренних трансформаций, так и внешнеполитических процессов.

1. Идентичность и традиции.

Для стран Центральной Азии характерно общее историко-культурное наследие, сформированное на пересечении тюркских, исламских и советских традиций, однако современные модели формирования идентичности демонстрируют значительную вариативность [2]. Это обусловлено различиями в политическом развитии, особенностями нациестроительства и спецификой интерпретации духовно-нравственных ценностей в условиях постсоветской трансформации.

В Казахстан наблюдается синтез традиционных культурных установок и модернизационных ориентиров. Формирование национальной идентичности осуществляется через концепцию гражданской нации, где особое значение придаётся межэтническому согласию, социальной гармонии и интеграции различных культурных групп. Такая модель отражает ценностную установку

на открытость, диалог и адаптацию к глобальным процессам при сохранении культурной самобытности [3].

Для Кыргызстан характерна более плюралистичная и децентрализованная модель идентичности, в которой наряду с общенациональными ценностями сохраняется значительное влияние родоплеменных, региональных и локальных традиций. Это придаёт системе идентичности гибкость, но одновременно усложняет процессы консолидации общества и формирования единой национальной идеологии.

В Узбекистан ключевым направлением является укрепление национальной идентичности через активное обращение к историко-культурному наследию, включая переосмысление прошлого и его адаптацию к современным условиям. Данный подход отражает стремление к формированию устойчивой национальной идеи, опирающейся на традиционные ценности и государственную преемственность.

В Таджикистан значимую роль играют традиционные и религиозные ценности, а также фактор постконфликтного восстановления. Идентичность в данном случае формируется как инструмент укрепления национального единства и политической стабильности, что обусловливает акцент на консолидации общества вокруг общих культурных и исторических ориентиров.

В Туркменистан доминирует консервативная и во многом институционализированная модель идентичности, основанная на сакрализации национальных традиций и их тесной связи с государственностью. Это проявляется в целенаправленной политике закрепления культурных норм и символов, выполняющих функцию легитимации власти и укрепления суверенитета.

Таким образом, несмотря на общность культурно-цивилизационных корней, страны Центральной Азии демонстрируют различные модели соотношения традиционализма и модернизации: от более открытых и гибких (Казахстан, Кыргызстан) до более консервативных и институционально закреплённых (Туркменистан, Таджикистан). Эти различия свидетельствуют о неоднородности ценностных оснований идентичности и оказывают существенное влияние на характер политического развития и внешнеполитического поведения государств региона.

Следующим уровнем анализа выступают политико-нравственные ценности, отражающие специфику взаимодействия государства и общества, а также определяющие модели легитимации власти и направленность политического развития.

2. Политико-нравственные ценности

Политико-нравственные ценности стран Центральной Азии формируются под влиянием исторического опыта, институциональной специфики и приоритета обеспечения социально-политической стабильности [4]. Они отражают доминирующие представления о допустимых формах власти, принципах её легитимации и характере взаимодействия государства

и общества. В отличие от формальных политических институтов, данные ценности закрепляют глубинные установки, определяющие пределы и направления политических трансформаций.

В Казахстан политико-нравственная модель основана на приоритете стабильности, преемственности и сильной государственности. Эволюционный характер реформ отражает ценностную установку на управляемое развитие, при котором модернизация осуществляется без резких политических изменений, способных нарушить общественное равновесие [5].

Для Кыргызстан характерна ориентация на демократические нормы и политический плюрализм, что проявляется в большей открытости политической системы и активном участии общества в политическом процессе. Вместе с тем данная модель сопровождается периодической нестабильностью, что свидетельствует о противоречии между ценностями демократизации и ограниченными институциональными возможностями их устойчивой реализации.

В Узбекистан реализуется модель постепенного реформирования при сохранении значительной роли государства. Ключевыми политико-нравственными ориентирами выступают порядок, управляемость и социальная стабильность, что отражает стремление к модернизации без утраты контроля над политическими процессами.

В Таджикистан доминирует ценность безопасности, сформированная под влиянием исторических и внутренних факторов. Это обусловливает усиление централизованной власти и ограничение политической конкуренции, рассматриваемых как необходимые условия поддержания устойчивости государственности.

Политико-нравственная модель Туркменистан характеризуется жёсткой централизацией власти, приоритетом суверенитета и минимизацией политической конкуренции. Такая система отражает ценностную установку на сохранение внутренней стабильности через контроль над политической сферой и ограничение внешнего и внутреннего влияния на принятие решений.

Таким образом, в политико-нравственной сфере страны Центральной Азии демонстрируют широкий спектр моделей – от элементов демократизации и политического плюрализма (Кыргызстан) до жёстко централизованных систем (Туркменистан). При этом общим для региона остаётся доминирование ценности стабильности, которая зачастую превалирует над задачами либерализации и политической конкуренции, определяя характер и темпы политических реформ.

Завершающим этапом исследования является анализ геополитических ценностей, позволяющий выявить, каким образом духовно-нравственные ориентиры трансформируются во внешнеполитические стратегии государств и определяют их поведение на международной арене.

3. Геополитические ценности

Геополитические ценности отражают совокупность приоритетов государств во внешней политике, определяя их стратегическое позиционирование на международной арене, характер взаимодействия с внешними акторами и модели адаптации к глобальным трансформациям [6]. В отличие от сугубо прагматических интересов, геополитические ценности укоренены в историческом опыте, культурных традициях и специфике национальной идентичности, что придаёт им устойчивый и во многом инерционный характер.

В Казахстан ключевой геополитической ценностью выступает многовекторность, предполагающая балансирование между ведущими центрами силы и стремление к поддержанию равновесия интересов. Данный подход отражает не только прагматическое стремление к обеспечению национальной безопасности и экономического развития, но и ценностную установку на диалог, открытость и посредническую роль в международных отношениях.

Для Кыргызстан характерна высокая степень открытости внешнему влиянию, что обусловлено как ограниченностью внутренних ресурсов, так и исторически сформированной зависимостью от внешней поддержки. Геополитические ценности страны формируются вокруг принципов гибкости, адаптивности и многопартнёрства, однако их реализация нередко сопровождается снижением стратегической устойчивости и повышенной чувствительностью к внешним факторам.

В Узбекистан в последние годы наблюдается трансформация геополитических ценностей в сторону большей прагматичности и региональной ориентированности. Акцент на развитии сотрудничества в Центральной Азии свидетельствует о формировании ценностной установки на региональное лидерство, добрососедство и укрепление собственной субъектности в международных отношениях.

Для Таджикистан приоритетным остаётся обеспечение национальной безопасности, что во многом связано с внутренними социально-экономическими вызовами и внешними угрозами. В этой связи геополитические ценности ориентированы на поиск внешних гарантий стабильности, что проявляется в зависимости от стратегических партнёров и ограниченной автономности внешнеполитического курса.

В Туркменистан доминирует концепция постоянного нейтралитета, закреплённая на международно-правовом уровне. Данная модель отражает ценностную установку на суверенитет, невмешательство и самодостаточность, что приводит к избирательному участию в международных процессах и тенденции к частичной изоляции.

Таким образом, геополитические ценности стран Центральной Азии варьируются от активной многовекторности и ориентации на региональное взаимодействие (Казахстан, Узбекистан) до нейтралитета и ограниченной

вовлечённости (Туркменистан), а также адаптивной зависимости (Кыргызстан, Таджикистан). Эти различия свидетельствуют о неоднородности ценностных моделей и отражают различные стратегии интеграции в глобальную политическую систему, определяемые сочетанием историко-культурных, политических и социально-экономических факторов.

Таким образом, обобщив существующие научные подходы, а также учитывая историко-культурные особенности и социокультурную специфику казахстанского общества, представляется возможным предложить следующее авторское определение:

духовно-нравственные ценности казахстанского общества – это устойчивая совокупность исторически сформировавшихся моральных норм, культурных, религиозных и социальных ориентиров, формирующих национальное самосознание, способствующих социальной сплочённости и обеспечивающих устойчивость общественного развития в условиях современных вызовов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Рахимов М. А. Сторическая взаимосвязанность и современные тенденции региональных отношений в Центральной Азии // Постсоветские исследования. Т. 4. № 4 (2021) // file:///C:/Users/User/Downloads/istoricheskaya-vzaimosvyazannost-i-sovremennye-tendentsii-regionalnyh-otnosheniy-v-tsentralnoy-azii.pdf

2. Лаумулин М. Т. Центральная Азия в эпоху трансформации.– Нур-Султан: КИСИ при Президенте РК, 2020.– 464 с.

3. Назарбаев Н. А. В потоке истории.– Алматы: Атамура, 1999.– 296 с.

4. Олкотт М. Б. Второй шанс Центральной Азии / Марта Брилл. Олкотт; Моск. Центр Карнеги; Фонд Карнеги за. Междунар. Мир.– Москва; Вашингтон, 2005.– XVIII,– 487 с.

5. Карин Е. Консолидация и развитие // Казахстанская правда: сайт. URL: https://kazpravda.kz/n/ konsolidatsiya-i-razvitie/ (дата обращения: 05.06.2024).

6. The New Central Asia: The Regional Impact of International Actors / Edited by Emilian Kavalski. World Scientific, 2010.– 365 p.

DOI 10.34660/INF.2026.12.45.079

ФАКТОРЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ТЕРРОРИЗМА И РЕЛИГИОЗНОГО ЭКСТРЕМИЗМА

Байтуганов Серик Маликович
магистрант, независимый эксперт
г. Алматы, Республика Казахстан

Аннотация: *В статье рассматриваются международный терроризм и религиозный экстремизм как сложные социально-политические явления, представляющие угрозу общественной безопасности и стабильности государства. Анализируются их основные понятия, причины возникновения, включающие социально-экономические, политические, идеологические и религиозные факторы. Особое внимание уделяется системе предупреждения данных явлений, а также международному опыту противодействия терроризму и экстремизму. На основе проведённого анализа делается вывод о необходимости комплексного подхода, включающего правовые, социальные, идеологические и информационные меры.*

Ключевые слова: *терроризм, религиозный экстремизм, профилактика, социально-экономические факторы, политическая стабильность, международный опыт, безопасность государства.*

Актуальность исследования обусловлена сохраняющейся угрозой международного терроризма и религиозного экстремизма, которые продолжают дестабилизировать общественно-политическую обстановку как на глобальном, так и на региональном уровнях. В условиях глобализации, цифровизации и усиления транснациональных связей экстремистские и террористические организации адаптируют формы и методы своей деятельности, включая активное использование информационно-коммуникационных технологий и социальных сетей для вербовки и распространения радикальной идеологии.

В Республике Казахстан правовое регулирование в данной сфере имеет системный характер и основывается, в частности, на положениях Закона Республики Казахстан «О национальной безопасности» [1], где терроризм, экстремизм и сепаратизм отнесены к основным угрозам национальной безопасности, а также Законов «О противодействии экстремизму» [2] и «О противодействии терроризму» [3], определяющих правовые и организационные

основы профилактики и пресечения данных явлений. Несмотря на наличие нормативно-правовой базы, сохраняется необходимость дальнейшего совершенствования механизмов предупреждения указанных угроз с учётом современных вызовов.

Это обусловливает необходимость комплексного анализа факторов, способствующих эффективному предупреждению международного терроризма и религиозного экстремизма, а также разработки более действенных подходов к их профилактике и нейтрализации.

Дополнительно актуальность проблемы подтверждается статистическими данными. Так, за последние 15 лет в Республике Казахстан было зафиксировано более 10 террористических актов с участием лиц, связанных с радикально религиозно-экстремистскими течениями. Кроме того, в стране выявлено и запрещено (либо признано экстремистскими) более 20 религиозных организаций и объединений, деятельность которых представляла угрозу общественной и национальной безопасности. Указанные факты свидетельствуют о сохраняющейся угрозе распространения экстремистской идеологии и необходимости дальнейшего совершенствования системы её предупреждения.

Проблематика международного терроризма и религиозного экстремизма широко представлена в трудах отечественных исследователей, таких как С. К. Абсаметов, Е. В. Тукумов, А. К. Избаиров, А. К. Сабдин, а также зарубежных авторов, таких как И. В. Барабаш, В. В. Кафтан, И. Ю. Сундиев, И. П. Добаев, Д. Назиров и др. В указанных работах рассматриваются правовые, политические, социологические и психологические аспекты данных явлений. Вместе с тем, несмотря на значительное количество научных исследований, недостаточно изученными остаются комплексные факторы предупреждения терроризма и экстремизма с учётом современных вызовов, таких как цифровая радикализация, гибридные угрозы и трансформация форм экстремистской деятельности. Это обусловливает необходимость дальнейших исследований в данном направлении.

К основным проблемам в сфере предупреждения международного терроризма и религиозного экстремизма можно отнести: отсутствие единого подхода к определению и классификации факторов предупреждения; недостаточную эффективность межгосударственного сотрудничества; распространение радикальной идеологии через интернет и социальные сети; социально-экономические условия, способствующие радикализации населения; сложности ранней диагностики и профилактики экстремистских проявлений.

Целью статьи является выявление и систематизация факторов, влияющих на предупреждение международного терроризма и религиозного экстремизма, а также определение наиболее эффективных направлений их профилактики в современных условиях.

Терроризм и религиозный экстремизм представляют собой сложные социально-политические явления, оказывающие деструктивное воздействие на общественную безопасность и стабильность международных отношений. В научной литературе данные феномены рассматриваются во взаимосвязи, поскольку экстремистская идеология нередко выступает основой для формирования и реализации террористической деятельности.

Согласно Закону Республики Казахстан «О противодействии терроризму» от 13 июля 1999 года № 416, терроризм определяется как идеология насилия и практика воздействия на принятие решений государственными органами, органами местного самоуправления или международными организациями посредством совершения либо угрозы совершения насильственных и (или) иных преступных действий, связанных с устрашением населения и направленных на причинение ущерба личности, обществу и государству [3]. Таким образом, ключевыми признаками терроризма являются целенаправленное использование насилия или угрозы его применения, публичный характер действий и стремление к достижению определённых политических или иных целей через дестабилизацию общественных отношений.

Экстремизм, в соответствии с Законом Республики Казахстан «О противодействии экстремизму» от 18 февраля 2005 года № 31, связан с осуществлением деятельности, направленной на разжигание социальной, национальной, родовой, расовой или религиозной розни, а также на подрыв безопасности государства и нарушение его территориальной целостности [2]. Особую опасность представляет религиозный экстремизм, который выражается в разжигании религиозной вражды или розни, в том числе сопряжённой с насилием либо призывами к нему, а также в применении религиозной практики, создающей угрозу безопасности, жизни, здоровью, нравственности или правам и свободам граждан [2].

В отличие от терроризма, экстремизм не всегда имеет насильственную форму проявления, однако именно он формирует идеологическую основу радикализации личности и может служить предпосылкой для вовлечения в террористическую деятельность.

Терроризм представляет собой метод, посредством которого организованные группы или объединения стремятся достичь провозглашённых целей преимущественно через систематическое применение насилия. При этом террористическая деятельность направлена на дестабилизацию общественных отношений и оказание давления на органы государственной власти и общество в целом [4].

К основным причинам возникновения терроризма относятся обострение противоречий в политической, экономической, социальной, идеологической, этнонациональной и правовой сферах, а также стремление отдельных лиц и групп к достижению своих целей насильственными методами, вне рамок общепринятых общественных норм. Кроме того, террористические методы

нередко используются как инструмент достижения политических, экономических и социальных интересов [4].

Причины терроризма и экстремизма носят комплексный характер и включают совокупность взаимосвязанных факторов, среди которых выделяются социально-экономические, политические, идеологические и религиозные.

Социально-экономические причины связаны с низким уровнем жизни населения, безработицей, социальным неравенством и ограниченным доступом к образованию. В подобных условиях возрастает уязвимость населения, особенно молодёжи, которая может становиться объектом вербовки со стороны радикальных организаций.

Политические причины обусловлены нестабильностью государственных институтов, недостаточной эффективностью управления, коррупцией, а также ограничением политических прав и свобод. Это способствует снижению доверия к власти и формированию протестных и радикальных настроений в обществе.

Идеологические причины выражаются в распространении радикальных идей, оправдывающих насилие и нетерпимость. Существенную роль играет пропаганда, в том числе в сети Интернет, формирующая искажённое восприятие социальной и политической действительности.

Религиозные причины связаны с искажённым толкованием религиозных учений и использованием религии в политических целях. Радикальные организации нередко манипулируют религиозными чувствами верующих, подменяя традиционные духовные ценности экстремистской идеологией.

Наряду с общими причинами, можно выделить специфические особенности, способствующие распространению терроризма в Казахстане. К ним относятся формирование новых экономических отношений и появление теневых структур, стремящихся к расширению своего влияния незаконными методами; усиление роли неформальных и криминализированных норм поведения, при которых закон не обеспечивает должный уровень социальной защиты; трансформация представлений о справедливости и допустимости насилия как средства достижения целей; а также вовлечение отдельных граждан в деятельность радикальных организаций, пропагандирующих культ силы и оружия.

Таким образом, терроризм и экстремизм являются многофакторными явлениями, корни которых лежат в социально-экономической, политической, идеологической и религиозной сферах. Понимание данных причин выступает необходимым условием для разработки эффективных мер их предупреждения.

Предупреждение терроризма и религиозного экстремизма требует комплексного подхода, основанного на сочетании социально-экономических, политико-правовых, идеологических и информационных мер. Эффективность профилактики напрямую зависит от системного воздействия на причины

и условия, способствующие радикализации личности и распространению экстремистских идей.

К числу ключевых направлений относятся социально-экономические факторы. Существенное значение имеет повышение уровня жизни населения, снижение бедности и социального неравенства. Неблагоприятные социально-экономические условия создают среду, в которой усиливается восприимчивость к радикальным идеологиям. В этой связи особую роль играет обеспечение доступности образования, формирование критического мышления и правовой культуры граждан. Не менее важным является содействие занятости молодёжи, поскольку именно молодые люди чаще всего становятся объектом вербовки со стороны экстремистских организаций. Реализация государственных программ в сфере образования и занятости способствует снижению социальной напряжённости и укреплению устойчивости общества.

Политико-правовые факторы занимают центральное место в системе противодействия рассматриваемым угрозам. Эффективное законодательство, направленное на предупреждение и пресечение терроризма и экстремизма, является основой государственной политики в данной сфере. В Республике Казахстан такие меры закреплены, в частности, в законах «О противодействии терроризму» от 13 июля 1999 года № 416 [3] и «О противодействии экстремизму» от 18 февраля 2005 года № 31 [2]. Важную роль играет деятельность правоохранительных органов и специальных служб, направленная на выявление, предупреждение и пресечение противоправной деятельности. Кроме того, в условиях глобализации возрастает значение международного сотрудничества, включая обмен информацией, участие в совместных операциях и реализацию международных соглашений под эгидой Организации Объединённых Наций [5].

Идеологические и культурные факторы направлены на формирование устойчивости общества к радикальным идеям. Одним из ключевых направлений является противодействие экстремистской пропаганде, в том числе посредством распространения альтернативных, позитивных идеологических установок. Существенное значение имеет развитие толерантности, межэтнического и межконфессионального согласия, а также поддержка межрелигиозного диалога. В данном контексте важную роль играют образовательные учреждения, средства массовой информации и институты гражданского общества, способствующие формированию культуры мирного сосуществования и взаимного уважения.

Особое место занимают информационные факторы, обусловленные активным использованием современных цифровых технологий. Интернет и социальные сети нередко используются для распространения экстремистских материалов, вербовки новых участников и координации противоправной

деятельности. В связи с этим актуализируется необходимость мониторинга информационного пространства, ограничения доступа к запрещённым материалам и совершенствования механизмов кибербезопасности. Важным направлением является также проведение профилактической работы в социальных сетях, включая создание контрпропагандистского контента и повышение цифровой грамотности пользователей.

Предупреждение терроризма и религиозного экстремизма возможно только при условии комплексного воздействия на социально-экономические, политико-правовые, идеологические и информационные факторы. Системная реализация данных мер способствует снижению уровня радикализации и укреплению общественной безопасности.

Международный опыт показывает, что противодействие терроризму и религиозному экстремизму осуществляется на основе комплексного подхода, сочетающего силовые, профилактические и идеологические меры. Различные государства вырабатывают собственные модели борьбы с данными угрозами с учётом национальных особенностей, при этом можно выделить ряд эффективных практик [5].

В странах Европейского союза значительное внимание уделяется профилактике радикализации. В частности, реализуются программы социальной интеграции мигрантов, образовательные инициативы и проекты по работе с молодёжью, направленные на предупреждение вовлечения в экстремистскую деятельность. Активно развиваются механизмы взаимодействия государства с местными сообществами и религиозными организациями [6].

В Соединённых Штатах Америки применяется комплексная стратегия, включающая усиленные меры безопасности, деятельность специальных служб, а также программы по противодействию насильственному экстремизму. Особое внимание уделяется мониторингу интернет-пространства и выявлению радикальных сетей.

В Германии акцент сделан на реабилитации и дерерадикализации лиц, вовлечённых в экстремистскую деятельность. Реализуются специальные программы по возвращению к мирной жизни, включая психологическую помощь и социальную адаптацию.

В странах Азии, включая Индонезию и Малайзию, широко применяются меры, направленные на развитие умеренного религиозного образования и противодействие искажённым трактовкам религии. Значительное внимание уделяется сотрудничеству с религиозными лидерами [7].

Анализ международного опыта позволяет выделить ряд мер, которые могут быть эффективно применены в Республике Казахстан. К ним относятся развитие программ ранней профилактики радикализации, усиление работы с молодёжью, внедрение механизмов дерерадикализации и реабилитации,

а также расширение взаимодействия с религиозными и общественными организациями. Кроме того, важным направлением является совершенствование информационной политики и активное противодействие экстремистской пропаганде в цифровой среде.

Таким образом, использование лучших международных практик с учётом национальной специфики способствует повышению эффективности системы предупреждения терроризма и религиозного экстремизма в Казахстане.

Резюмируя, терроризм и религиозный экстремизм представляют собой сложные и многофакторные явления, обусловленные совокупностью социально-экономических, политических, идеологических и религиозных причин. Их распространение связано с социальной нестабильностью, неравенством, кризисом доверия к государственным институтам и воздействием радикальной идеологии.

Эффективное предупреждение данных угроз возможно только при реализации комплексного подхода, включающего совершенствование законодательства, развитие социальной политики, укрепление межконфессионального согласия и противодействие экстремистской пропаганде, в том числе в информационной среде.

Использование международного опыта с учётом национальных особенностей Республики Казахстан способствует повышению эффективности мер по обеспечению общественной безопасности и стабильности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. «О национальной безопасности» Республики Казахстан Закон Республики Казахстан от 6 января 2012 года № 527-IV. [Электронный ресурс] – URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1200000527 (дата обращения 12.03.2026).

2. «О противодействии экстремизму» Закон Республики Казахстан от 18 февраля 2005 года N 31. [Электронный ресурс] – URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z050000031_ (дата обращения 17.03.2026).

3. «О противодействии терроризму» Закон Республики Казахстан от 13 июля 1999 года № 416. [Электронный ресурс] – URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z990000416_ (дата обращения 17.03.2026).

4. Условия возникновения террористической угрозы и меры противодействия. [Электронный ресурс] – URL: https://xn———-43daaesaqdc5ca1bkp2bkbcaz1ay5d1l.xn – p1ai/vazhnaya-informacziya/protivodejstvie-terrorizmu-i-ekstremizmu/antiterror/usloviya-vozniknoveniya-terroristicheskoj-ugrozyi-i-meryi-protivodejstviya (дата обращения 20.02.2026).

5. О глобальной контртеррористической стратегии ООН. 28.10.2011. [Электронный ресурс] – URL: https://mid.ru/ru/foreign_policy/un/ (дата обращения 11.03.2026).

6. Radicalisation Awareness Network (RAN), European Commission. [Электронный ресурс] – URL: https://home-affairs.ec.europa.eu/networks/radicalisation-awareness-network-ran_en (дата обращения 15.02.2026).

7. «Выявление признаков и реагирование на радикализацию населения в Центральной Азии, ведущую к насильственному экстремизму и терроризму» Алматы, Казахстан, 29–31 марта 2016 г. [Электронный ресурс] – URL: https://unrcca.unmissions.org/sites/default/files/old_dnn/2016%2003%2031_Final%20report_Almaty_RUS.pdf (дата обращения 19.03.2026).

DOI 10.34660/INF.2026.12.63.060
УДК 327

ПЛАТФОРМЕННАЯ ВЛАСТЬ И ТРАНСФОРМАЦИЯ МЕХАНИЗМОВ ГОСУДАРСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ

Яо Линдун
аспирант
Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы

Аннотация. *В статье платформенная власть рассматривается как одна из ключевых форм перераспределения влияния в цифровую эпоху. Показано, что расширение платформенных экосистем меняет условия государственного контроля, усиливает зависимость от данных, инфраструктуры и алгоритмических механизмов, а также требует пересмотра традиционных подходов к регулированию. Особое внимание уделяется связи между ростом платформенной власти, изменением цифрового пространства и трансформацией инструментов государственного воздействия.*

Ключевые слова: *платформенная власть, цифровые платформы, государственный контроль, цифровое пространство, алгоритмы, данные, государственное регулирование.*

Abstract. *The article examines platform power as one of the key forms of influence redistribution in the digital age. It shows that the expansion of platform ecosystems changes the conditions of state control, increases dependence on data, infrastructure and algorithmic mechanisms, and requires a revision of traditional regulatory approaches. Special attention is paid to the connection between the growth of platform power, changes in digital space and the transformation of instruments of state influence.*

Key words: *platform power, digital platforms, state control, digital space, algorithms, data, state regulation.*

Платформизация стала одной из наиболее заметных характеристик современного этапа цифровой трансформации. Цифровые платформы уже не ограничиваются функцией технических посредников между пользователями

и сервисами. Они задают правила доступа, организуют обмен, аккумулируют массивы данных, формируют инфраструктуру взаимодействия и тем самым начинают влиять не только на экономические процессы, но и на механизмы распределения власти в цифровой среде. Именно поэтому проблема платформенной власти всё чаще рассматривается не как частный вопрос развития цифровой экономики, а как более широкая проблема изменения структуры контроля в современном обществе [1; 2].

Платформенная власть возникает в условиях, когда ограниченное число цифровых акторов получает возможность одновременно контролировать инфраструктуру, данные, алгоритмические механизмы и каналы распространения информации. В такой конфигурации платформа становится не просто площадкой для взаимодействия, а средой, в рамках которой пользователи, бизнес и публичные институты вынуждены действовать по установленным ею правилам. Это придаёт платформам способность влиять на видимость информации, на порядок доступа к цифровым услугам, на структуру конкуренции и на параметры поведенческого выбора [3; 4].

Важная особенность платформенной власти заключается в том, что она редко реализуется через прямое принуждение. Гораздо чаще она действует через архитектуру выбора, алгоритмическое ранжирование, контроль над интерфейсами и правилами участия в цифровой экосистеме. Пользователь формально сохраняет свободу действий, однако его возможности уже заранее структурированы платформенной средой. Именно в этом состоит принципиальное отличие платформенной власти от классических форм административного контроля: она встроена в повседневную цифровую инфраструктуру и потому часто остаётся менее заметной, но не менее эффективной [5].

Такая трансформация особенно значима для государства. В индустриальную эпоху механизмы государственного контроля в большей степени опирались на территорию, юрисдикцию и прямое административное воздействие. В цифровую эпоху существенная часть социального, информационного и экономического взаимодействия перемещается в платформенные среды, которые формально принадлежат частным акторам, но фактически выполняют квазипубличные функции. Это означает, что государство больше не является единственным субъектом, определяющим правила поведения в значимых общественных пространствах. Оно вынуждено либо делить эту функцию с платформами, либо вырабатывать новые инструменты воздействия на них [6].

Одним из ключевых измерений трансформации государственного контроля становится регулирование данных. В условиях платформенной экономики данные выступают не только информационным ресурсом, но и основой прогнозирования, коммерциализации и управленческого воздействия. Следовательно, государственный контроль всё чаще смещается в сторону регулирования

сбора, хранения, обработки и трансграничной передачи данных. Через эту сферу государство стремится ограничить асимметрию между публичной властью и платформенными акторами, а также снизить инфраструктурную и технологическую зависимость [1; 7].

Не менее важным становится алгоритмическое измерение платформенной власти. Алгоритмы отбора, персонализации и ранжирования определяют, какие сообщения, товары, услуги и символические смыслы оказываются более заметными или, напротив, вытесняются на периферию цифрового пространства. Для государства это создаёт принципиально новую ситуацию, поскольку контроль над общественно значимыми информационными потоками частично перемещается в сферу частных технологических решений. В этой связи регулирование платформ уже не может сводиться только к вопросам конкуренции или защиты потребителей; оно затрагивает и политически чувствительные вопросы публичной коммуникации, информационной устойчивости и цифровой субъектности государства [3; 6].

Другой важный аспект связан с инфраструктурной зависимостью. Платформы опираются на облачные решения, дата-центры, программные интерфейсы, встроенные платёжные и логистические инструменты. Если значительная часть этих элементов находится под внешним контролем, государство сталкивается с ограничением собственной способности влиять на стратегически важные цифровые процессы. В таком случае государственный контроль начинает включать не только надзорные, но и инфраструктурные меры: поддержку национальных решений, развитие собственных цифровых сервисов, создание механизмов локализации и снижение зависимости от внешних платформенных центров [7; 8].

При этом усиление государственного регулирования платформ неизбежно сталкивается с рядом ограничений. Во-первых, технологические изменения происходят быстрее, чем адаптация правовых режимов. Во-вторых, чрезмерное давление может сдерживать инновации и ослаблять стимулы для развития цифровых решений. В-третьих, платформенная среда по своей природе носит транснациональный характер, тогда как регулирование по-прежнему в основном остаётся национальным. В результате государству приходится искать баланс между сохранением контроля, поддержкой развития и адаптацией к глобальной взаимосвязанности цифровой среды [4; 9].

В современной российской научной литературе можно выделить несколько направлений трансформации государственного контроля под воздействием платформенной власти. Первое связано с разработкой специальных режимов регулирования платформенных отношений. Речь идёт о классификации платформ, определении статуса операторов, установлении правил доступа к данным и уточнении пределов ответственности цифровых посредников. Исследователи справедливо подчёркивают, что единая

универсальная модель регулирования для всех платформ оказывается малоэффективной, поскольку разные платформенные структуры выполняют различные функции и создают разные риски [8].

Второе направление связано с расширением инструментов публичного управления. Государство само всё активнее использует цифровые платформы для оказания услуг, организации коммуникации с населением, анализа данных и оценки рисков. Это означает, что государственный контроль становится более цифровым, опирается на автоматизацию и алгоритмизацию. Однако подобная трансформация остаётся внутренне противоречивой: государство одновременно использует платформенные инструменты и стремится ограничить зависимость от платформенной логики управления. Тем самым платформенная власть не только сдерживает прежние механизмы контроля, но и заставляет государство частично адаптироваться к новым технологическим формам организации власти [9; 10].

Третье направление связано с тем, что платформенная власть всё теснее переплетается с проблемой стратегической автономии. В современной цифровой среде контроль над платформами, данными и алгоритмами означает контроль над условиями участия в экономике, коммуникации и общественной жизни. Поэтому государство стремится не просто реагировать на отдельные платформенные риски, а сохранить способность к самостоятельному регулированию в тех сферах, где частные цифровые структуры начинают выполнять системообразующие функции. В этом контексте платформенная власть становится фактором не только экономической, но и политической зависимости [2; 6].

Таким образом, трансформация механизмов государственного контроля в цифровую эпоху выражается в переходе от преимущественно административно-правовых форм воздействия к более сложной конфигурации регулирования, включающей данные, инфраструктуру, алгоритмы и платформенные экосистемы. Государство уже не может рассчитывать на сохранение прежней монополии на контроль, но и не утрачивает своей центральной роли. Напротив, рост платформенной власти вынуждает его перестраивать инструменты воздействия, расширять область регулирования и адаптировать формы публичного управления к новой структуре цифровой среды.

Платформенная власть и трансформация государственного контроля являются взаимосвязанными процессами. Через их взаимодействие становится заметно, что цифровая эпоха меняет не только экономику и коммуникацию, но и саму конфигурацию власти в современном обществе. Именно поэтому анализ платформенной власти позволяет глубже понять, каким образом государство стремится сохранить субъектность и регулирующую способность в условиях расширяющегося влияния цифровых платформ.

Список источников

1. Никонов В. А., Воронов А. С., Сажина В. А., Володенков С. В., Рыбакова М. В. Цифровой суверенитет современного государства: содержание и структурные компоненты (по материалам экспертного исследования) // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2021. № 60. С. 206–216.

2. Дегтерев Д. А. Ценностный суверенитет в эпоху глобальных конвергентных медиа // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2022. Т. 22. № 2. С. 352–371.

3. Зиновьева Е. С. Формирование цифровых границ и информационная глобализация: анализ с позиций критической географии // Полис. Политические исследования. 2022. № 2. С. 8–21.

4. Романова Т. А. Эволюция концепции «цифровой суверенитет» в Евросоюзе: константы и дихотомии // Современная Европа. 2023. № 4. С. 62–76.

5. Попова Е. В., Устюжанцева О. В., Гао Х. Конструирование цифрового суверенитета в медиа России и Китая: анализ больших данных // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2025. Т. 25. № 2. С. 251–266.

6. Володенков С. В., Федорченко С. Н. Суверенитет цифрового пространства общественно-политических коммуникаций в современной России и его ключевые компоненты: по материалам экспертного исследования // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2025. Т. 27. № 3. С. 520–542.

7. Логинов М. П., Усова Н. В. Особенности регулирования платформенных отношений в России // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Экономика. 2025. № 2(44). С. 38–50.

8. Адамская Л. В. Государственное регулирование цифровой экономики: применяемые инструменты // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2025. Т. 15. № 1. С. 138–143.

9. Рябухин С. Н., Кокорев И. А., Сафронова А. А., Покровская О. Д., Фоменко Н. М. Основные тенденции и перспективы платформенной экономики в Российской Федерации // Мир новой экономики. 2025. Т. 19. № 2. С. 134–148.

10. Кочетков А. П., Мамычев А. Ю. Институт государства и публично-властное управление в цифровую эпоху: уходящая реальность или действительность? // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2025. Т. 27. № 3. С. 543–559.

DOI 10.34660/INF.2026.12.81.045

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЗАРУБЕЖНОГО ОПЫТА УНИФИКАЦИИ ТЕРМИНОЛОГИИ В СФЕРЕ БЕЗОПАСНОСТИ

Иманалиева Жулдыз
независимый эксперт
г. Алматы, Республика Казахстан

Аннотация: *В статье представлен сравнительный анализ терминологии законов о национальной безопасности стран Центральной Азии. Рассматриваются нормативно-правовые акты Республики Казахстан, Кыргызской Республики, Республики Узбекистан, Республики Таджикистан и Туркменистана с целью выявления общих и отличительных особенностей используемого понятийного аппарата. Особое внимание уделяется базовым и вариативным категориям безопасности, а также моделям определения ключевых понятий, таких как «национальная безопасность», «угрозы безопасности» и виды безопасности. Установлено, что в законодательстве рассматриваемых государств наблюдается высокая степень унификации базовой терминологии при наличии национальных особенностей в расширении классификации видов безопасности. Полученные результаты подчеркивают необходимость дальнейшей гармонизации терминологического аппарата в сфере безопасности на региональном уровне.*

Ключевые слова: *национальная безопасность; терминология; унификация терминов; сравнительный анализ; страны Центральной Азии; законодательство.*

Актуальность исследования обусловлена необходимостью обеспечения единообразия понятийного аппарата в сфере безопасности в условиях глобализации, цифровизации и усиления транснациональных угроз. В современных условиях безопасность приобретает комплексный и междисциплинарный характер, охватывая политические, правовые, информационные и иные аспекты, что требует высокой степени согласованности используемой терминологии.

Как отмечается в научных исследованиях, терминология выступает основой эффективной коммуникации, передачи знаний и междисциплинарного взаимодействия [1], а разработка общей терминологической системы является ключевым условием обеспечения взаимопонимания между участниками

международного взаимодействия. В этой связи особую значимость приобретает проблема унификации терминологии в сфере безопасности.

Отсутствие единых подходов к определению базовых понятий затрудняет взаимодействие государств, международных организаций и научного сообщества, приводит к разночтениям в интерпретации ключевых категорий и снижает эффективность правового регулирования и практической реализации мер безопасности. Даже незначительные различия в трактовке терминов могут вызывать существенные противоречия в процессе принятия решений и реализации государственной политики.

Зарубежный опыт свидетельствует о наличии различных подходов к стандартизации и унификации терминологии в сфере безопасности, что обуславливает необходимость их сравнительного анализа с целью выявления наиболее эффективных практик и определения возможностей их адаптации в национальном контексте.

Проблематика терминологической унификации в сфере безопасности рассматривается в работах отечественных и зарубежных исследователей в рамках правовых, лингвистических и управленческих подходов. Отдельные аспекты стандартизации терминологии освещаются в документах международных организаций и национальных стратегиях безопасности. Вместе с тем комплексные сравнительные исследования, направленные на системный анализ зарубежного опыта унификации терминологии именно в сфере безопасности, остаются ограниченными. Недостаточно изучены вопросы адаптации зарубежных моделей к национальным условиям и межсекторального применения терминологических стандартов.

Ключевой проблемой является отсутствие единого и согласованного подхода к унификации терминологии в сфере безопасности, что приводит к разночтениям в понимании базовых понятий и снижает эффективность международного и междисциплинарного взаимодействия.

Целью статьи является сравнительный анализ законодательных подходов к унификации терминологии в сфере национальной безопасности стран Центральной Азии и выявление особенностей их понятийного аппарата.

Под терминологией в научной литературе понимается совокупность терминов, используемых в определённой области знания или профессиональной деятельности, отражающих систему понятий данной области. Терминология выступает инструментом фиксации и передачи специализированного знания, обеспечивая точность и однозначность научной коммуникации. В рамках лингвистического подхода термин рассматривается как языковая единица, обладающая строго определённым значением в пределах конкретной профессиональной сферы.

В свою очередь, унификация терминологии представляет собой процесс упорядочения, стандартизации и приведения терминов к единой системе,

направленный на устранение разночтений и обеспечение единообразия их использования в научной, нормативной и практической деятельности. Унификация предполагает согласование терминов на национальном и международном уровнях, а также закрепление их в соответствующих стандартах и нормативных документах.

Под сферой безопасности в настоящем исследовании понимается совокупность общественных отношений, направленных на обеспечение защищённости личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз. В соответствии с положениями Закона Республики Казахстан «О национальной безопасности» от 6 января 2012 года, национальная безопасность определяется как состояние защищённости национальных интересов Республики Казахстан от реальных и потенциальных угроз [2]. При этом в структуре национальной безопасности выделяются различные её виды, включая информационную безопасность, которая охватывает защиту информационного пространства, информационных ресурсов и интересов субъектов информационных отношений.

Таким образом, сфера безопасности носит комплексный и междисциплинарный характер, охватывая политические, правовые, информационные и иные аспекты, что обуславливает особую значимость единообразного понятийного аппарата.

Роль терминологии в научной и практической деятельности заключается в обеспечении точности, однозначности и сопоставимости знаний. В научной сфере унифицированная терминология способствует формированию целостной системы понятий, облегчает обмен результатами исследований и развитие междисциплинарных связей. В практической деятельности, в том числе в области безопасности, единообразие терминов имеет принципиальное значение для разработки нормативных правовых актов, реализации государственных стратегий и эффективного взаимодействия между различными институтами и государствами. Отсутствие согласованной терминологии может приводить к правовым коллизиям, ошибкам в интерпретации и снижению эффективности принимаемых решений.

Сравнительный анализ терминологии законодательства о национальной безопасности стран Центральной Азии проводится на основе нормативно-правовых актов Республики Казахстан [2], Туркменистана [3] и Республики Таджикистан [4], при этом для Кыргызской Республики [5] и Республики Узбекистан [6] дополнительно учитываются действующие законы, а также концептуальные и доктринальные документы, регулирующие сферу национальной безопасности.

На основе анализа законодательства стран Центральной Азии выявлен ряд базовых (универсальных) терминов, которые воспроизводятся

практически во всех рассматриваемых нормативных актах. К их числу относятся ключевые категории, такие как «национальная безопасность», понимаемая как состояние защищённости национальных интересов от внутренних и внешних угроз (Казахстан, Туркменистан), а также термины «угрозы безопасности», «национальные интересы», «субъекты безопасности» и «объекты безопасности». Данные понятия формируют основу терминологического каркаса законодательства в сфере национальной безопасности рассматриваемых государств.

В качестве примера можно рассмотреть подходы Республики Казахстан и Республики Таджикистан к классификации видов безопасности. Так, в законодательстве Республики Казахстан закрепляются такие виды безопасности, как общественная, военная, политическая, экономическая, информационная и экологическая безопасность [2]. В свою очередь, законодательство Республики Таджикистан также выделяет военную, экономическую, общественную, экологическую и информационную безопасность [4]. Сравнительный анализ данных положений свидетельствует о высокой степени сходства структурной классификации видов безопасности, что позволяет говорить об унифицированности базового функционального подхода в законодательстве рассматриваемых государств.

Наряду с базовыми категориями, в законодательствах отдельных государств Центральной Азии выделяются дополнительные (вариативные) виды безопасности, отражающие национальную специфику и приоритеты государственной политики. Так, в Республике Казахстан наряду с традиционными видами безопасности закрепляется политическая безопасность, а также такие функциональные направления, как продовольственная, энергетическая и транспортная безопасность. В законодательстве Республики Таджикистан, в свою очередь, дополнительно выделяются категории внутренней и внешней безопасности. Данные различия свидетельствуют о вариативности подходов к расширению классификации видов безопасности при сохранении общего концептуального ядра.

Проведённый анализ законодательных актов стран Центральной Азии позволяет выделить типовые подходы к определению ключевых категорий в сфере безопасности. Так, безопасность в общем виде рассматривается как состояние защищённости жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз. Национальная безопасность определяется как состояние защищённости национальных интересов государства, информационная безопасность – как защищённость информационного пространства и прав субъектов информационных отношений, экономическая безопасность – как устойчивость и независимость экономической системы, а военная безопасность – как защищённость от военных угроз.

Отмечается, что большинство рассматриваемых определений строится по единой структурной модели «состояние защищённости… от угроз», что свидетельствует о высокой степени концептуальной унификации понятийного аппарата в законодательстве исследуемых государств.

Анализ законодательства стран Центральной Азии показывает, что терминологический аппарат в сфере национальной безопасности в значительной степени унифицирован. Во всех государствах базовым понятием выступает «национальная безопасность», определяемая как состояние защищённости национальных интересов от внутренних и внешних угроз. Структура видов безопасности также демонстрирует высокую степень сходства, включая военную, экономическую, информационную, общественную и экологическую безопасность. В то же время наблюдаются различия, обусловленные национальными особенностями правового регулирования, выражающиеся в выделении дополнительных видов безопасности (политической, внутренней и внешней, продовольственной и др.).

Сравнительная таблица терминологии в законах о национальной безопасности стран Центральной Азии (1 таблица).

1 таблица

Категории / виды безопасности	Казахстан	Кыргызстан	Узбекистан	Таджикистан	Туркменистан
Национальная (государственная) безопасность	✓ (закреплена как базовая категория)	✓	✓ (в доктринах)	✓	✓
Общественная безопасность	✓	✓	✓	✓	✓
Военная безопасность	✓	✓	✓	✓	✓
Экономическая безопасность	✓	✓	✓	✓	✓
Информационная безопасность	✓	✓	✓	✓	✓
Экологическая безопасность	✓	✓	✓	✓	✓
Политическая безопасность	✓	частично	частично	-	-
Внутренняя / внешняя безопасность	-	-	-	✓	-
Дополнительные виды (энергетическая, продовольственная, транспортная)	✓	частично	-	-	-

Проведённый сравнительный анализ законодательства стран Центральной Азии показывает, что терминологическая структура законов о национальной безопасности характеризуется высокой степенью унификации. Базовые виды безопасности, включая общественную, военную, экономическую, информационную и экологическую, закреплены практически во всех государствах региона, что свидетельствует о наличии общего концептуального подхода к их нормативному закреплению.

При этом в ряде стран наблюдаются различия, выражающиеся в расширении классификации за счёт дополнительных категорий, отражающих национальные приоритеты и особенности государственной политики. К таким категориям относятся политическая, внутренняя и внешняя, а также энергетическая, продовольственная и транспортная безопасность.

На основе обобщения результатов исследования установлено, что базовый понятийный аппарат в сфере национальной безопасности характеризуется высокой степенью терминологической и концептуальной унификации. Во всех рассматриваемых государствах ключевыми выступают категории «национальная безопасность», «угрозы безопасности» и «национальные интересы», что формирует общее понятийное ядро правового регулирования.

Таким образом, проведённое исследование подтверждает наличие единой терминологической основы при одновременной вариативности её функционального расширения, что обусловливает необходимость дальнейшей систематизации и гармонизации понятийного аппарата в целях повышения согласованности правового регулирования в сфере безопасности на региональном уровне.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Hamraqulova J. A. Basic principles of terminology and their importance in scientific research // Том 32 № 3 (2024): Ta'lim innovatsiyasi va integratsiyasi| 32-son | 3-to'plam // [Электронный ресурс]. URL: https://scientific-jl.org/ (дата обращения: 23.04.2026).

2. О национальной безопасности Республики Казахстан Закон Республики Казахстан от 6 января 2012 года № 527-IV. [Электронный ресурс]. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1200000527 (дата обращения: 18.04.2026).

3. «О национальной безопасности Туркменистана» Закон Туркменистана от 4 мая 2013 года № 388-IV [Электронный ресурс]. URL: https://continent-online.com/ (дата обращения: 23.04.2026).

4. Закон Республики Таджикистан о безопасности, от 27.11.2014 г. [Электронный ресурс]. URL: https://ncz.tj/content/ (дата обращения: 23.04.2026).

5. Закон Кыргызской Республики от 5 июля 2022 года № 57 «Об органах национальной безопасности Кыргызской Республики» [Электронный ресурс]. URL: https://prg.kz/document/?doc_id=34962290&pos=2;67 (дата обращения: 23.04.2026).

6. Концепция национальной безопасности (КНБ) Республики Узбекистан, утвержденная Законом № 467-I от 29 августа 1997 года [Электронный ресурс]. URL: https://nrm.uz/contentf?doc=105811_&products=1_vse_zakonodatelstvo_uzbekistana (дата обращения: 22.04.2026).

DOI 10.34660/INF.2026.13.19.069

ПРОБЕЛЫ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН В СФЕРЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЭКСТРЕМИЗМУ

Оспанова Жанар Калиевна
магистр права
г. Алматы, Республика Казахстан

Аннотация: *В статье исследуются пробелы уголовного законодательства Республики Казахстан в сфере противодействия экстремизму. Анализируются положения Статья 174 УК РК и Закон Республики Казахстан «О противодействии экстремизму», выявляются проблемы фрагментарности правового регулирования, несоответствия уголовного и специального законодательства, а также сложности квалификации экстремистских деяний. Формулируются предложения по совершенствованию уголовно-правового регулирования, включая введение самостоятельной нормы об экстремистской деятельности и гармонизацию законодательства.*

Ключевые слова: *экстремизм, уголовное право, уголовный кодекс, статья 174 УК РК, противодействие экстремизму, правовые пробелы, законодательство Республики Казахстан.*

Актуальность темы обусловлена тем, что в современных условиях экстремизм представляет собой одну из наиболее опасных угроз общественной и государственной безопасности. На уровне государственной политики данная угроза прямо закреплена в Закон Республики Казахстан «О национальной безопасности» [1], где экстремизм наряду с терроризмом и сепаратизмом отнесён к числу ключевых факторов, подрывающих основы национальной безопасности государства.

В Республике Казахстан противодействие экстремизму осуществляется как на уровне уголовного законодательства, так и посредством специального нормативного акта – Закон Республики Казахстан «О противодействии экстремизму» [2].

Вместе с тем, анализ Статья 174 УК РК показывает, что уголовно-правовое регулирование данной сферы носит фрагментарный характер и не охватывает в полной мере все формы проявления экстремистской деятельности

[3]. Отсутствие в уголовном законе самостоятельной нормы, комплексно регулирующей ответственность за экстремизм, приводит к возникновению правовых пробелов, затрудняет правоприменительную практику и вызывает неоднозначность толкования.

Таким образом, при признании экстремизма одной из ключевых угроз национальной безопасности на уровне базовых государственных актов, уголовно-правовой механизм противодействия ему остаётся недостаточно системным и требует дальнейшего совершенствования.

В этой связи исследование пробелов уголовного законодательства в сфере противодействия экстремизму приобретает особую научную и практическую значимость.

Проблемы противодействия экстремизму в уголовном праве неоднократно становились предметом научных исследований как в Казахстане, так и за рубежом. В научной литературе рассматриваются вопросы квалификации экстремистских преступлений, соотношения свободы слова и уголовной ответственности, а также проблемы правоприменительной практики.

Вместе с тем, несмотря на наличие отдельных исследований, недостаточно разработанными остаются вопросы комплексного анализа уголовно-правового регулирования экстремистской деятельности в Республике Казахстан. В частности, требует дальнейшего изучения проблема отсутствия самостоятельной уголовно-правовой нормы, закрепляющей ответственность за экстремистскую деятельность, а также соотношение положений уголовного законодательства и Закон Республики Казахстан «О противодействии экстремизму».

Таким образом, выбранная тема сохраняет научную новизну и требует дальнейшего теоретического осмысления.

Ключевыми проблемами исследования являются отсутствие в уголовном законодательстве Республики Казахстан самостоятельной нормы, устанавливающей ответственность за экстремистскую деятельность, фрагментарный характер уголовно-правового регулирования, проявляющийся, в частности, в ограниченности применения Статья 174 УК РК, а также несоответствие и определённый разрыв между положениями уголовного кодекса и специального законодательства, включая Закон Республики Казахстан «О противодействии экстремизму», что в совокупности обуславливает сложность квалификации деяний, связанных с экстремизмом, повышает риск расширительного толкования уголовно-правовых норм и свидетельствует о недостаточной определённости используемого понятийного аппарата.

Целью настоящего исследования является анализ пробелов уголовного законодательства Республики Казахстан в сфере противодействия экстремизму.

Гипотеза исследования заключается в том, что между положениями уголовного законодательства и Закон Республики Казахстан «О противодействии

экстремизму» существует нормативный дисбаланс, выражающийся в отсутствии системной уголовно-правовой регламентации экстремистской деятельности, что снижает эффективность противодействия экстремизму на практике.

Ключевое значение для понимания сущности экстремизма в правовой системе Республики Казахстан имеет его легальное определение, закреплённое в Закон Республики Казахстан «О противодействии экстремизму» [2].

В соответствии с данным законом экстремизм определяется как организация и (или) совершение физическими и (или) юридическими лицами, а также их объединениями действий от имени организаций, признанных в установленном порядке экстремистскими, либо действий, направленных на достижение экстремистских целей.

При этом законодатель раскрывает содержание экстремизма через перечень таких целей, что позволяет выделить его основные виды. В частности, к ним относятся:

- политический экстремизм, включающий насильственное изменение конституционного строя, нарушение суверенитета и территориальной целостности государства, захват или удержание власти, организацию вооружённого мятежа, а также разжигание социальной или сословной розни;
- национальный экстремизм, выражающийся в разжигании расовой, национальной или родовой розни, в том числе сопряжённой с насилием либо призывами к нему;
- религиозный экстремизм, связанный с разжиганием религиозной вражды или розни, а также с применением религиозных практик, угрожающих безопасности, жизни, здоровью, правам и свободам граждан.

Таким образом, законодатель Республики Казахстан использует широкий и целевой подход к определению экстремизма, охватывая как формы деятельности, так и их направленность на подрыв основ конституционного строя, безопасности и общественного согласия.

Вместе с тем следует отметить, что на международном уровне отсутствует единое универсальное определение экстремизма, что обусловлено сложностью и многогранностью данного явления.

В документах Организации Объединённых Наций отмечается, что насильственный экстремизм рассматривается преимущественно в контексте противодействия терроризму и радикализации, при этом не существует единого универсального и юридически закреплённого определения данного понятия. Вместе с тем подчёркивается, что насильственный экстремизм понимается как процесс или идеологическая основа, способствующая вовлечению лиц в террористическую деятельность, что отражено в Плане действий ООН по предотвращению насильственного экстремизма (2016) и материалах Управления ООН по контртерроризму [4]

В региональном аспекте определённый подход к пониманию экстремизма закреплён в рамках Шанхайская организация сотрудничества, где экстремизм рассматривается в тесной взаимосвязи с терроризмом и сепаратизмом как одна из ключевых угроз безопасности государств-участников [5]. В соответствующих международных соглашениях подчёркивается необходимость координации усилий государств по предупреждению и пресечению экстремистской деятельности, однако также отсутствует единое детализированное определение, аналогичное национальным законодательствам.

Таким образом, в отличие от международных подходов, характеризующихся определённой абстрактностью и рамочностью, законодательство Республики Казахстан формирует более конкретизированную и детализированную модель понимания экстремизма. Вместе с тем такая детализация не всегда находит полное отражение в уголовном законодательстве, что в дальнейшем обуславливает возникновение правовых пробелов и требует дополнительного анализа.

Центральное значение в системе уголовно-правового противодействия экстремизму занимает Статья 174 УК РК, предусматривающая ответственность за умышленные действия, направленные на возбуждение социальной, национальной, родовой, расовой или религиозной розни, а также пропаганду исключительности, превосходства либо неполноценности граждан по соответствующим признакам [3].

С точки зрения уголовно-правовой характеристики, объектом преступления выступают общественные отношения, обеспечивающие межнациональное и межконфессиональное согласие, общественная безопасность и стабильность в обществе. Объективная сторона выражается в действиях, направленных на разжигание розни, которые могут совершаться как публично, так и через средства массовой информации или информационные сети.

Несмотря на значимость данной нормы, её диспозиция охватывает лишь отдельный сегмент экстремистской деятельности, преимущественно связанный с разжиганием розни, тогда как иные формы экстремизма – политический экстремизм (насильственное изменение конституционного строя, захват власти), организация незаконных вооружённых формирований, участие в вооружённых мятежах – регулируются другими нормами уголовного закона либо не имеют комплексного закрепления в единой системе.

На практике применение Статья 174 УК РК сопровождается рядом трудностей, связанных с оценочным характером понятий «рознь» и «вражда», что нередко вызывает сложности при квалификации деяний и создаёт риск расширительного толкования нормы.

Таким образом, анализ уголовного законодательства Республики Казахстан свидетельствует о том, что действующее регулирование носит фрагментарный характер: Статья 174 УК РК охватывает лишь часть экстремистских проявлений,

в то время как иные формы экстремистской деятельности регулируются разрозненно, что подтверждает наличие пробелов в уголовно-правовой системе.

Ключевыми проблемами уголовно-правового регулирования противодействия экстремизму в Республике Казахстан являются отсутствие в Уголовный кодекс Республики Казахстан самостоятельной нормы, устанавливающей ответственность за экстремистскую деятельность, что приводит к невозможности комплексного охвата всех её форм, а также фрагментарный характер регулирования, при котором различные проявления экстремизма отражены разрозненно и не образуют единой системы уголовно-правовой защиты.

Отечественные исследователи Сарпеков Р. К., Турецкий Н. Н. отмечают, что определение понятия «экстремизм» в действующем Закон Республики Казахстан «О противодействии экстремизму» имеет ряд недостатков, способствующих смешению понятий «экстремизм» и «терроризм». Это, в свою очередь, порождает коллизии в уголовном законодательстве Республики Казахстан, поскольку отдельные деяния могут одновременно квалифицироваться как экстремистские либо террористические, что в конечном итоге способно приводить к искажению статистических данных о соответствующих преступлениях [7].

Проблемой также выступает несоответствие между уголовным законодательством и положениями Закона Республики Казахстан «О противодействии экстремизму», что создаёт нормативный разрыв в регулировании данного явления и снижает согласованность правовой системы.

Кроме того, применение Статья 174 УК РК сопровождается трудностями квалификации деяний вследствие оценочного характера используемых понятий и отсутствия чётких критериев их разграничения, что повышает риск неоднозначного и расширительного толкования уголовно-правовых норм.

Соотношение Закон Республики Казахстан «О противодействии экстремизму» и Уголовный кодекс Республики Казахстан характеризуется определённым нормативным дисбалансом, выражающимся в том, что на уровне специального закона закреплено понятие экстремизма и детально раскрыты его формы, тогда как в уголовном законодательстве отсутствует самостоятельная норма, комплексно регулирующая ответственность за экстремистскую деятельность.

При этом законодательство о противодействии экстремизму охватывает более широкий круг деяний и целей, чем уголовно-правовые нормы, что свидетельствует о его комплексном и превентивном характере, в то время как уголовный кодекс регулирует лишь отдельные проявления экстремизма, в частности через Статья 174 УК РК.

В результате между указанными нормативными актами возникает правовой разрыв, при котором широкое понимание экстремизма в специальном законодательстве не находит полного отражения в уголовно-правовой плоскости,

что снижает системность правового регулирования и осложняет правоприменительную практику.

Представляется целесообразным совершенствование уголовного законодательства Республики Казахстан в сфере противодействия экстремизму посредством введения в Уголовный кодекс Республики Казахстан самостоятельной нормы, предусматривающей ответственность за экстремистскую деятельность, что позволило бы обеспечить комплексное правовое регулирование данного явления. Также представляется необходимым уточнение и конкретизация формулировок действующих уголовно-правовых норм, в том числе положений Статья 174 УК РК, с целью минимизации оценочных категорий и снижения риска расширительного толкования.

Кроме того, целесообразным является более чёткое разграничение составов преступлений, связанных с экстремистской деятельностью, для устранения конкуренции норм и повышения единообразия правоприменительной практики. Важным направлением совершенствования также выступает обеспечение системной согласованности между уголовным законодательством и Закон Республики Казахстан «О противодействии экстремизму», что предполагает их взаимную гармонизацию и устранение существующих нормативных расхождений.

Проведённое исследование подтвердило выдвинутую гипотезу о том, что уголовно-правовое регулирование противодействия экстремизму в Республике Казахстан носит фрагментарный характер и не обеспечивает комплексного охвата всех форм экстремистской деятельности.

В ходе анализа установлено наличие ряда ключевых проблем, включая отсутствие в Уголовный кодекс Республики Казахстан самостоятельной нормы об экстремистской деятельности, ограниченность применения Статья 174 УК РК, несоответствие между уголовным законодательством и Закон Республики Казахстан «О противодействии экстремизму», а также сложности квалификации соответствующих деяний и риск расширительного толкования уголовно-правовых норм.

В этой связи представляется необходимым совершенствование уголовного законодательства путём систематизации норм, уточнения их содержания и введения самостоятельной уголовно-правовой регламентации экстремистской деятельности, что позволит повысить эффективность противодействия данному явлению и обеспечить согласованность правовой системы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. О национальной безопасности Республики Казахстан Закон Республики Казахстан от 6 января 2012 года № 527-IV. [Электронный ресурс]. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1200000527 (дата обращения: 25.04.2026).

2. О противодействии экстремизму Закон Республики Казахстан от 18 февраля 2005 года N 31. [Электронный ресурс]. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z050000031_(дата обращения: 25.04.2026).

3. Уголовный кодекс Республики Казахстан Кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 года № 226-V ЗРК. [Электронный ресурс]. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000226 (дата обращения: 25.04.2026).

4. UN Plan of Action to Prevent Violent Extremism (2016). [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/counterterrorism/plan-action-prevent-violent-extremism (дата обращения: 26.04.2026).

5. О ратификации Шанхайской конвенции о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом Закон Республики Казахстан от 18 апреля 2002 года № 316. [Электронный ресурс]. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z020000316_ (дата обращения: 26.04.2026).

6. Сарпеков Р. К., Турецкий Н. Н. Международный опыт и вопросы совершенствования национального законодательства по противодействию экстремизму // Вестник института законодательства и правовой информации РК № 3(78).– 2024.– с. 239–246

DOI 10.34660/INF.2026.20.43.006

РОЛЬ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В ПОДДЕРЖАНИИ МОРАЛЬНОЙ ГОТОВНОСТИ И ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ СПОСОБНОСТИ ЛИЧНОГО СОСТАВА К БОЕВЫМ ДЕЙСТВИЯМ

Ерополов Евгений Петрович
кандидат педагогических наук, старший преподаватель
Военный университет имени князя Александра Невского,
г. Москва, Россия
Дмитриев Прохор Игоревич
курсант
кандидат педагогических наук, старший преподаватель
Военный университет имени князя Александра Невского,
г. Москва, Россия
Таймазов Абдуллабек Умалатович
курсант
кандидат педагогических наук, старший преподаватель
Военный университет имени князя Александра Невского,
г. Москва, Россия

Аннотация. *Статья посвящена роли Русской Православной Церкви в обеспечении морально-психологической устойчивости военнослужащих в условиях специальной военной операции. Рассматривается деятельность военных священников в зоне боевых действий, их вклад в поддержание боевого духа, преодоление боевого стресса и укрепление нравственных ориентиров. Отмечается институционализация военного духовенства, развитие образовательных программ и сотрудничество Русской Православной Церкви с государством.*

Ключевые слова: *специальная военная операция, Русская Православная Церковь, военные священники, морально-психологическая поддержка, боевой дух, военнослужащие, патриотизм.*

В условиях проведения Вооруженными Силами Российской Федерации специальной военной операции особую значимость приобретает не только техническое и материальное обеспечение военнослужащих, но и вопросы

морально-политической и психологической устойчивости личного состава и готовности к ведению боевых действий. Боевой стресс, негативные переживания и психические состояния, связанные с участием в боевых действиях, требуют системной и целенаправленной поддержки, в том числе духовной. Вышеперечисленное обусловливает возрастание роли Русской Православной Церкви и других религиозных организаций, которые активно участвуют в деле укрепления боевого духа, поддержания душевного равновесия и задания моральных ориентиров у военнослужащих.

Военные священники своим служением способствуют созданию в зоне боевых действий атмосферы доверия, взаимной поддержки и веры в победу, что позволяет сохранить боевую готовность и способность личного состава эффективно выполнять поставленные задачи. Военное духовенство, служащее в зоне специальной военной операции, формирует моральную готовность военнослужащих через духовное наставничество и проповедование ценностей, таких как честь, долг, патриотизм, верность и жертвенность. Это помогает военнослужащим осознавать правоту своих действий, поддерживать высокий моральный дух и стойкость в сложных ситуациях. Проповеди, молитвы и духовные беседы позволяют военнослужащим чувствовать связь с Богом и с Родиной. Военные священники на передовой выступают не только в роли пастырей, но и моральной опоры, позволяющей справляться в том числе с психологическими и личными проблемами. Они проводят индивидуальные беседы с личным составом, помогая военнослужащим справляться с переживаниями, тревогой, депрессией и стрессом [1].

Так, хотелось бы упомянуть настоятеля храма Преподобного князя Олега Брянского иерея Игоря Дмитриева из Волгограда, который в ноябре 2025 года несколько раз посещал зону боевых действий. Отец Игорь организовывал коллективные молитвы, совершал таинства, проводил беседы с личным составом различных подразделений. В ходе одной из таких бесед военнослужащие, сердечно поблагодарив священника, высказались: «Лепта, которую духовенство Русской Православной Церкви вносит в копилку победы по значимости не уступает труду тех, кто воюет на передовой. Духовная поддержка в беседах, возможность совершать обряды и участвовать в таинствах вопреки отрыву от мирной жизни дает надежду на скорую победу русского народа. Эта надежда помогает воевать, помогает преодолевать все трудности и препятствия, не опускать руки, как бы тяжело ни было».

Приведенные выше слова участников боевых действий подтверждают значимость служения военных священников в зоне боевых действий.

Статс-секретарь – заместитель Министра обороны России, председатель фонда «Защитники Отечества» Анна Цивилева принимала участие в пленарном заседании XXVI Всемирного русского народного собора, в ходе которой

коллеги обсудили поддержку участников СВО и их семей в сотрудничестве с Русской Православной Церковью. «Эта работа очень важна и необходима, и она заключается не только в моральной поддержке. Главное – формирование здорового общества, в основе которого лежит семья и любовь к Родине»,– отметила Анна Цивилева [2].

Говоря о роли церкви в зоне специальной военной операции, нельзя не упомянуть об основных этапах возрождения института военного духовенства в современной России. Первые шаги в этом направлении были предприняты в 1994 году, когда на коллегии Министерства обороны Российской Федерации был поднят вопрос о взаимодействии Вооружённых Сил Российской Федерации и Русской Православной Церкви. Это привело к принятию постановления «О мерах по усилению военно-патриотического воспитания военнослужащих и молодежи в интересах вооруженных сил». В результате чего в структуре Министерства обороны Российской Федерации была создана специальная группа по взаимодействию с религиозными организациями [3].

Взаимодействие Русской Православной Церкви и Министерства обороны Российской Федерации продолжилось 2009 году, когда Патриарх Московский и всея Руси Кирилл обратился к Президенту Российской Федерации Владимиру Владимировичу Путину с инициативой по созданию института военных священников – священнослужителей, сопровождающих и духовно поддерживающих военнослужащих непосредственно в воинских частях. Эта инициатива нашла поддержку: в 2012 году Постановлением Правительства Российской Федерации № 1004 были введены должности помощников командиров частей по работе с верующими военнослужащими. На сегодняшний день в Вооружённых Силах Российской Федерации насчитывается 309 таких штатных помощников, а также 34 священника, работающих в высших военных учебных заведениях Министерства обороны Российской Федерации. Кроме того, значительное количество священнослужителей осуществляют свое служение как добровольцы – не числясь в штате воинских частей, они по личному призванию отправляются в подразделения и делят со своей паствой все тяготы ратного труда. На линии боевого соприкосновения осуществляют служение более 100 военных священников. С начала специальной военной операции в зону боевых действий отправились около тысячи священнослужителей, при этом общее число организованных командировок превысило 3 тысячи.

Военные священники, как правило, имеют высшее духовное образование. Помимо этого, значительная часть из них имеет военное либо светское образование. Однако, когда речь заходит о специализированной подготовке военного духовенства, становится очевидно, что она пока не институциолизирована в виде отдельных факультетов или кафедр в высших учебных заведениях. Тем не менее, существует повышение квалификации. В частности, в ряде духовных

семинарий организуются краткосрочные образовательные программы, а при Общецерковной аспирантуре и докторантуре имени святых Кирилла и Мефодия ежегодно проводятся специальные курсы для подготовки священников к служению в особых условиях.

Внимание данному вопросу было уделено 16 апреля на заседании Высшего церковного совета под председательством Патриарха Московского и всея Руси Кирилла, где было одобрено введение нового учебного курса – «Основы подготовки священнослужителей для служения в зоне боевых действий». Программа ориентирована на формирование у священников практических навыков, необходимых для эффективной пастырской деятельности в боевых условиях. В условиях военного конфликта, где священник может столкнуться с угрозами не только духовного, но и физического характера, крайне важно обучить его не только методам духовной поддержки, но и базовым правилам выживания в зоне боевых действий.

Митрополит Ставропольский и Невинномысский Кирилл, возглавляющий Синодальный отдел по взаимодействию с Вооружёнными Силами и правоохранительными структурами, поделился впечатлениями после очередной поездки в зону боевых действий. По его словам, священнослужители, находившиеся «по ту сторону ленты», единодушно отмечают – военнослужащим как никогда важно присутствие священников рядом. На передовой духовенство оказывает неоценимую поддержку – помогает преодолевать душевный упадок, укреплять моральный и боевой дух, предотвращать случаи самоубийств и бороться с пагубными зависимостями, такими как алкоголизм и наркомания. Для многих военнослужащих встреча с батюшкой становится поворотным моментом: они впервые исповедуются, принимают Святое Причастие, а некоторые даже проходят крещение прямо на передовой. Один из священнослужителей рассказывал, что за 10 дней служения на линии боевого соприкосновения он смог исповедовать и причастить до полутысячи человек. Это говорит о многом – даже в условиях предельного физического и эмоционального напряжения военнослужащие испытывают настоятельную потребность в духовной поддержке, стремятся услышать слово Божие и приобщиться к Святым Таинствам. Недаром говорят: «в окопах атеистов нет» – эту мысль подтверждают и сами бойцы [4].

Помимо служения непосредственно вблизи линии соприкосновения церковь поддерживает наших военнослужащих и в других формах. С начала осуществления своей деятельности фонд «Защитники Отечества» тесно взаимодействует с Русской Православной Церковью. Запущены различные программы совместной помощи героям спецоперации. Они включают в том числе организацию долговременного ухода тяжело раненным, обучение пользованию современными протезами и другим техническими средствами реабилитации. Ветераны боевых

действий и родные погибших военнослужащих получают психологическую и духовную поддержку. Совместно с Русской Православной Церковью фонд развивает сестричество: матери, жены, сестры погибших военнослужащих имеют возможность помогать друг другу. Организована круглосуточная федеральная горячая линия церковной социальной помощи «Милосердие», на которую могут обратиться как сами бойцы, так и члены их семей.

Таким образом, в условиях специальной военной операции особую роль в обеспечении морально-политической и психологической устойчивости и готовности к ведению боевых действий военнослужащих играет Русская Православная Церковь и ее представители – военные священники. Её участие выходит за рамки исключительно религии – церковь становится действенным инструментом поддержки боевого духа, душевного равновесия и задания нравственных ориентиров. Служение священнослужителей на передовой, их готовность делить тяготы со своей паствой, проведение обрядов и таинств, беседы и индивидуальная помощь способствует укреплению боевого духа, сплочённости и психологической готовности к выполнению боевых задач. Институционализация военного духовенства, развитие образовательных программ для военного духовенства и широкое взаимодействие с государственными организациями свидетельствуют о системной и целенаправленной работе по развитию направления духовно-нравственной поддержки участников специальной военной операции.

Список источников:

1. Артемьев А. А. Военно-церковные отношения в современной России: монография. Москва: РУСАЙНС, 2025.– 142 С.

2. Поддержка участников СВО в сотрудничестве с РПЦ // Государственный фонд поддержки участников специальной военной операции «Защитники Отечества» 29.10.2024 URL: https://fzo.gov.ru/novosti/podderzhka-uchastnikov svo-v sotrudnichestve-s-rpts.html (дата обращения: 29.06.2025).

3. Протоиерей Поляков Г. Военное духовенство России: [сб. исторических материалов, воспоминаний участников событий, арх. Материалы]. Москва: твор. Информ.-издат.центр, 2002–536 С.

4. Митрополит Кирилл: бойцам важна духовная поддержка священника // РИА Новости. 10.07.2023 URL: https://ria.ru/20230710/mitropolit-1883159627.html (дата обращения: 29.06.2025)

DOI 10.34660/INF.2026.13.53.142

УДК 378

СООТВЕТСТВИЕ УРОВНЯ КВАЛИФИКАЦИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫМ ТРЕБОВАНИЯМ К ДОЛЖНОСТЯМ В СФЕРЕ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ И СПОРТА

Николаева Наталия Игоревна
кандидат педагогических наук, доцент
Государственный университет просвещения,
г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. *В статье рассматриваются вопросы соответствия профессиональных стандартов, трудовых функций и видов деятельности, с уровнями квалификации и квалификационными характеристиками должностей в сфере физической культуры и спорта. Проведен анализ профессиональных стандартов, а также исследованы отечественные нормативные акты, касающиеся вопросов стандартизации образования и видов профессиональной деятельности. В статье проведен сравнительный анализ обобщенных и трудовых функций профессиональных стандартов «Тренер» и «Тренер-преподаватель», видов деятельности и уровней квалификации. Автор приходит к выводу, что традиционно сложившиеся система должностей, квалификаций, трудовых функций и видов деятельности сферы физической культуры и спорта не соответствует утвержденным в нормативных документах, в том числе и профессиональных стандартах и требует верификации, установления соответствия и, доработки. Предлагается привести должности и виды деятельности, представленные в профессиональных стандартах в соответствие с уровнем квалификации, достижениями спортивного тренера, должностями, представленными в классификаторах, профессиональными областями деятельности, и, должностями отрасли физическая культура и спорт (ФКиС).*

Ключевые слова: *профессиональный стандарт, квалификационные характеристики, виды деятельности тренера, профессиональные компетенции, уровни квалификации, сопряжение должностей и видов деятельности.*

Введение

В соответствии с Федеральным Законом «Об образовании в РФ» ФГОС ВО должны разрабатываться и включать в себя профессиональные компетенции и виды деятельности соответствующих профессиональных стандартов. С 2014 года до настоящего времени были разработаны и утверждены пять профессиональных стандартов, касающиеся деятельности тренера. Три профессиональных стандарта «Тренер» (2014, 2019 и 2023 гг.) [13,14,15] и два – «Тренер-преподаватель» (2021 и 2023 гг.) [16,17].

Как известно, профессиональный стандарт разрабатывается на вид профессиональной деятельности, а не на должность или профессию. Профессиональный стандарт описывает профессиональную деятельность и лишь приводит возможные наименование должностей, соответствующих тем или иным обобщенным трудовым функциям. Виды профессиональной деятельности в сфере физической культуры и спорта с 2014 года не изменились, а профессиональных стандартов разработано пять.

Согласно статье 57 Трудового кодекса наименование должностей, профессий, специальностей и квалификационные требования к ним должны соответствовать наименованиям и требованиям, указанным в квалификационных справочниках или профессиональных стандартах.

В советское время выпускники физкультурных вузов получали специальность «тренер-преподаватель», а работали на должностях тренера разного уровня. Повышение этого уровня зависело от достижений тренера, педагогического стажа, уровня образования. При этом, тренером имел право работать спортсмен, имеющий звание «Мастер спорта», без получения профессионального образования.

В рассматриваемых профессиональных стандартах термин «квалификация» носит обобщенный характер и связан только с уровнем профессионального образования. Нами проводился анализ профессионального стандарта «Тренер-преподаватель». Представленные в этом профессиональном стандарте функции и виды деятельности, частично или полностью совпадают с указанными в профессиональных стандартах «Тренер», «Педагог» и «Педагог дополнительного образования», хотя деятельность тренера, деятельность учителя физической культуры, педагога дополнительного образования различаются [14].

Еще в советское время существовало научное направление, направленное на изучение функций, видов деятельности, личностных качеств спортивных тренеров (И. П. Андриади, В. И. Маслов, Н. Н. Зволинская, В. М. Корнилов, В.А Сургучев и др) [3, 6, 11]. В книге А Я. Корха «Деятельность тренера» [9] подробно описаны функции, виды деятельности, способности тренера. Г. И. Хозяинов [20] рассматривал и подробно описывал компетенции спортивного тренера. В современных научных и научно-методических трудах авторами

рассматриваются виды деятельности и компетенции тренера [1, 2, 11, 21]. Никто из авторов не связывал виды деятельности и функции тренера с уровнем квалификации, да и уровни квалификации в настоящее время привязаны к уровню образования, в соответствии с международными требованиями. Представленные в профессиональных стандартах виды деятельности и компетенции связывают с уровнем квалификации только через уровень образования.

Правоприменение профессиональных стандартов связано, в первую очередь, с организациями профессионального образования при разработке профессиональных образовательных программ в связи с тем, что современное содержание профессионального образования строится на компетентностном подходе. Как известно в федеральных образовательных стандартах высшего образования (ФГОС ВО) третьего поколения отсутствуют профессиональные компетенции. Компетенции представлены в профессиональных стандартах и связаны с выполняемыми видами деятельности и функциями спортивного тренера, а также должностями, которые должны быть сопряжены с общероссийским классификатором должностей. Во-вторых, правоприменение профессиональных стандартов связано с возможностью формирования кадровой политики в управлении персоналом работодателями, а также при организации обучения и аттестации работников. В-третьих, при большом количестве трудовых функций и видов профессиональной деятельности, присутствующих в стандартах в них, отсутствуют основные функции тренера, описанные в научных трудах, такие как воспитательная, коммуникативная, научно-исследовательская и др. (А. Я. Корх) [9].

Мало вероятно, что выпускника – бакалавра или магистра возьмут на должность старшего тренера сразу после окончания вуза. Для того, чтобы занять эту должность, он должен получить опыт (стаж), повысить квалификацию, получить звание и тд..

Цель исследования

Приведение профессиональных стандартов в соответствие с законодательными актами, нормативными документами, профессиональными областями и видами деятельности, а также должностями в сфере физической культуры и спорта, наполнения их соответствующими функциями и профессиональными компетенциями.

Методы и организация исследования

Контент анализ профессиональных стандартов «Тренер» и «Тренер-преподаватель», законодательных и нормативных актов.

Результаты и их обсуждение

Разработка и внедрение в образовательный процесс и профессиональную деятельность сферы физической культуры и спорта вновь разработанных профессиональных стандартов «Тренер-преподаватель» (2021 и 2023 гг.)

[14, 15] не прояснило создавшееся положение в сфере физической культуры и спорта, связанное с сопряжением должностей, видов деятельности. В профессиональном стандарте «Тренер-преподаватель» основной целью вида профессиональной деятельности является организация и проведение со спортсменами тренировочных мероприятий и осуществление руководства состязательной деятельностью спортсменов для достижения спортивных результатов. Кроме этого, тренеру-преподавателю вменяется преподавание предметной области физическая культура по основным образовательным и дополнительным общеобразовательным программам. Известно, что преподавание физической культуры является неотъемлемой частью деятельности учителя физической культуры. Также учитель физической культуры может вести занятия в школьной секции и это относится к внеурочной деятельности. Тоже касается и дошкольных учебных заведений.

Мы видим, что еще на уровне цели, виды деятельности тренера и учителя физической культуры перемешаны и перепутаны. Для деятельности учителя физической культуры разработан профессиональный стандарт «Педагог», профессиональные компетенции и виды деятельности, представленные в нем, используются при проектировании основной профессионально образовательной программы педагогического образования.

В профессиональном стандарте «Тренер» (2023 г.) [16] целью профессиональной деятельности является руководство спортсменами и спортивными командами, формирование, развитие и поддержание их спортивного потенциала для достижения спортивных результатов, что соответствует действительности в большей степени.

Отнесение деятельности тренера и тренера-преподавателя к видам экономической деятельности, представленным в таблице 1, в соответствии с профессиональными стандартами: «Тренер» (2014 и 2021 гг.) [15,16], а также «Тренер-преподаватель» (2021, 2023 г.) [17,18] не соответствует целям, представленным в этих стандартах. Из представленных видов экономической деятельности только два первых соответствуют деятельности тренера. Должности тренера и тренера-преподавателя присутствуют в сфере физической культуры и спорта, в части, которая касается дополнительного образования детей и взрослых и спортивной деятельности в детских спортивных школах разного спортивного уровня.

Таблица 1. Отнесение к видам экономической деятельности

93.1	Деятельность в области спорта
85.41	Дополнительное образование детей и взрослых
85.42	Дополнительное профессиональное образование

85.2	Образование профессиональное
85.1	Образование общее

(код ОКВЭД) (наименование вида экономической деятельности

Вызывает вопросы и соотнесение трудовых функций тренера с уровнем квалификации. В первом профессиональном стандарте «Тренер» (2014 г.) [14] были указаны квалификации начиная с 5 уровня, который соответствует среднему профессиональному образованию, до 9 уровня, но этот уровень не сопряжен с уровнем образования или какими-то профессиональными достижениями, к тому же не соответствует структуре Национальной системы квалификаций (НСК) России и европейским квалификационным требованиям.

В профессиональном стандарте «Тренер-преподаватель» [17,18] на три обобщенные функции приходятся квалификации 6 и 7 уровня. В описании требований к должностям, соответствующих первой обобщённой функции этого стандарта перечислены требования к образованию, которые соответствуют среднему профессиональному образованию, а это 5 уровень квалификации. Не представлен ни в одном из указанных профессиональных стандартов 8 уровень квалификации, который соответствует третьему уровню высшего образования, либо должен связываться с достижениями тренера, занимаемой должностью и профессиональной областью в сфере ФКиС соответствующего уровня.

Квалификация (федеральный закон «Об Образовании в РФ») определяется как соответствие уровню знаний, умений, навыков и компетенций и характеризирует подготовленность к выполнению определенного вида профессиональной деятельности.

В профессиональном стандарте «Тренер» трем обобщенным функциям соответствуют 17 трудовых функций и 202 вида деятельности. В профессиональном стандарте «Тренер-преподаватель представлено три обобщенные функции, которым соответствуют – 37 трудовых функций и 168 видов деятельности (табл. 2.).

Поскольку в 2023 году утверждаются одновременно два профессиональных стандарта – «Тренер» и «Тренер-преподаватель», можно предположить одновременное существование, представленных в них должностей в различных областях сферы ФКиС (таблица 2). В таблице 2 также перечислены должности, присутствующие в обоих профессиональных стандартах и квалификационные требования к ним. Как видно из таблицы в профессиональных стандартах названия должностей рознятся и не соответствуют базовой группе должностей, которые представлены в четвертой колонке таблицы 2.

Представленные в профессиональных стандартах требования не дают возможности работодателям тарифицировать спортивного тренера. Так как и магистр, закончивший вуз и заслуженный тренер относятся к одному уровню квалификации, в тоже время допускается, что должность тренера 7 уровня квалификации могут занимать специалисты, имеющие среднее профессиональное образование. Профессиональные стандарты в представленном варианте возможно использовать только для определения видов деятельности, функций и профессиональных компетенций для проектирования профессиональных образовательных программ. Нужно отметить, что учеными в научных трудах функции, виды деятельности и компетенции тренера изучены и описаны более полно[5,9,19 21].

Таблица 2. Соотнесение обобщенных функции, трудовых функций и видов деятельности профессиональных стандартов «Тренер» и «Тренер-преподаватель» (2023 г.)

Компоненты	«Тренер»	«Тренер-преподаватель»	Наименование базовой группы, должности
обобщенные функции	3	3	
трудовые функций	17	37	
Виды деятельности	202	168	
Должности	Тренер Тренер по виду подготовки Тренер по начальной подготовке Тренер по общей физической подготовке Тренер по специальной физической подготовке Тренер по функциональной подготовке Тренер спортивной команды (по виду спорта) Тренер-консультант	Тренер-преподаватель Старший тренер-преподаватель Тренер-преподаватель по хореографии (акробатике) Тренер-преподаватель спортивной сборной команды Старший тренер-преподаватель спортивной сборной команды Главный тренер-преподаватель спортивной сборной команды	Тренеры и инструкторы-методисты по физкультуре и спорту Аналитик (по виду спорта) Тренер Тренер-наездник лошадей Хореограф Тренер лошадей Старший тренер сборной команды Тренер команды Тренер сборной команды Тренер-инженер сборной команды Тренер-массажист сборной команды

	Тренер-преподаватель по спорту Тренер-физиолог Тренер команды по виду спорта Тренер по виду спорта Тренер спортивного клуба (по виду спорта) Тренер спортивной команды (по виду спорта) Тренер-консультант Тренер-преподаватель по спорту Тренер-хореограф Тренер по резерву спортивной сборной команды субъекта РФ Тренер спортивной сборной команды муниципального образования по виду спорта Тренер спортивной сборной команды субъекта РФ Тренер спортивной сборной команды физкультурно-спортивного общества по виду спорта Главный тренер спортивной сборной команды РФ Старший тренер по общей физической подготовке спортивной сборной команды РФ	Тренер-преподаватель спортивной сборной команды РФ (по виду спорта, Старший тренер-преподаватель спортивной сборной команды РФ Главный тренер-преподаватель спортивной сборной команды РФ	Тренер-механик сборной команды Хореограф

	Старший тренер по резерву спортивной сборной команды РФ Старший тренер по специальной физической подготовке спортивной сборной команды РФ виду спорта Старший тренер спортивной сборной команды РФ по виду спорта Тренер по общей физической подготовке спортивной сборной команды РФ по виду спорта Тренер по резерву спортивной сборной команды РФ Тренер по специальной физической подготовке спортивной сборной команды РФ		

В ФЗ «Об образовании в РФ» утверждается, что содержание профессионального образования и профессионального обучения должно обеспечивать получение квалификации. Профессиональное обучение соответствует 3–4 уровню квалификации, среднее профессиональное образование – 5 уровню, высшее образование– 6–8 уровень квалификации. Как видно из выше указанного это не всегда соответствует действительности.

Е. В. Караваева [8] в своей статье констатирует, что в структуре Национальной системы квалификаций (НСК) России до сих пор нет ни одной Отраслевой рамки квалификаций, то есть структурно-квалификационной модели отдельной отрасли экономики или сферы занятости, в том числе и в сфере ФКиС.

Выводы

1. Поскольку профессиональные стандарты применяются работодателями при формировании кадровой политики и в управлении персоналом, а также при разработке должностных инструкций, то в профессиональных стандартах очень подробно и понятно должны быть указаны требования

к должностям не только с учетом уровня образования, но и профессиональных достижений и стажа, с учетом особенностей вида деятельности и профессиональной областью сферы ФКиС.

2. Уровни квалификации в профессиональном стандарте должны быть представлены от 5 до 8, в соответствии с существующими уровнями образования, четко описаны функции, виды деятельности и профессиональные компетенции и сопряжены с видами деятельности и профессиональными областями сферы ФКиС. Что будет способствовать проектированию профессиональных образовательных программ разного направления и уровня, на более высоком профессиональном уровне и поможет улучшить качество содержания образования в сфере ФКиС.

Список источников

1. Алексеев С. В. Спортивное право. Трудовые отношения в спорте: Учебник для вузов / Под ред. д. ю.н., проф. П. В. Крашенинникова. М., 2013.

2. Бобровский Е. А. Кадровая политика в сфере физической культуры и спорта в Российской Федерации / Карельский научный журнал. 2017. Т. 6. № 4(21),– С. 314–317

3. Валюженич М. В. Нормативно-правовое обеспечение построения содержания профессионального образования в сфере физической культуры и спорта /М. В. Валюженич, Н. И. Николаева, В. А. Родионов // Профильная школа. 2015. Т. 3. № . 5. С. 34–40.

4. Деркач А. А., Исаев А. А. Педагогическое мастерство тренера. Монография.– М.: Изд-во. «Физическая культура и спорт», 2004.,– 375 с.

5. Дидактические умения тренера и их формирование: Андриади И. П. автореф. дис. ... канд. пед. наук / И. П. Андриади.– М., 1983.– С. 24

6. Единый квалификационный справочник должностей руководителей, специалистов и служащих. Раздел «Квалификационные характеристики должностей работников в области физической культуры и спорта» Приложение к приказу Министерства здравоохранения и социального развития РФ от 15 августа 2011 г. N 916н.

7. Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. N 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (Собрание законодательства Российской Федерации, 2012, N 53, ст. 7598; 2013, N 19, ст. 2326).

8. Караваева Е. В. Квалификации высшего образования и профессиональные квалификации: «сопряжение с напряжением» // Высшее образование в России. 2017. № 12 (218). С. 5–12.

9. Корх А. Я. Тренер: деятельность и личность / А. Я. Корх.- М: Спорт. 2023.– 118 с.

10. Крючкова Л. Н. Педагогическое мастерство тренера // Учебно-методическое пособие для студентов факультета физической культуры Саратов – 2011–37 С.

11. Маслов В. И., Зволинская Н.Н, Корнилов В.М, Сургучев В. А., Ильина Л. Н. Квалификационная характеристика Выпускника системы высшего физкультурного образования/Вестник учебных заведений физической культуры. 2004. № 1. С. 2–12.

12. Николаева Н. И. Анализ соответствия профессионального стандарта «Тренер» нормативно-правовым актам и квалификационным требования /Николаева Н.И., А. П. Матвеев, М. В. Еремин // Теория практика физической культуры.– 2016.– № 6,– С. 9–11

13. Правила разработки, утверждения и применения профессиональных стандартов (в ред. Постановления Правительства РФ от 23.09.2014 N 970 Утверждены постановлением Правительства Российской Федерации от 22 января 2013 г. N 23

14. Профессиональный стандарт «Тренер» (утв. приказом Министерства труда и социальной защиты РФ от 7 апреля 2014 г. № 193) [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.garant.ru/produkts/ipo/prime/doc/70595556/ (по состоянию на 29 ноября 2015 г).

15. Профессиональный стандарт «Тренер» (утв. приказом Министерства труда и социальной защиты РФ от 28.03.2019 № 191н): http://www.garant.ru/produkts/ipo/prime/doc/70595556/

16. Профессиональный стандарт «Тренер» (утв. приказом Министерства труда и социальной защиты РФ от 27 апреля 2023, № 362н).

17. Профессиональный стандарт «Тренер-преподаватель» (Зарегистрировано в Минюсте России 25.01.2021. № 62203.

18. Профессиональный стандарт «Тренер-преподаватель» (Зарегистрировано в Минюсте России Приказ Минтруда России от 24.12.2020, № 952н (ред. от 30.08.2023).

19. Соломченко М. А., Прохоров Р. А. Содержание деятельности тренера и основные принципы работы со спортсменами / Ученые записки Орловского государственного университета. № 5 (68), 2015- С. 291–294.

20. Формирование гностических умений у студентов физкультурных вузов: метод. реком – Хозяинов Г. И. / Г. И. Хозяинов, М. Г. Кошман, Н. И. Назаркина.– М., 1993.– 40 с.

21. Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. N 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (Собрание законодательства Российской Федерации, 2012, N 53, ст. 7598; 2013, N 19, ст. 2326).

DOI 10.34660/INF.2026.13.81.041

УДК 378

РЕФОРМА РОССИЙСКОГО ТРАНСПОРТНОГО ОБРАЗОВАНИЯ: ПРОБЛЕМЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ

Михайлова Мария Юрьевна
старший преподаватель
Сибирский государственный университет водного транспорта,
г. Новосибирск, Россия

Аннотация: *Реформа высшего образования должна в себе объединить синтез советской системы и опыта последних десятилетий. В транспортных университетах России действуют передовые инженерные школы. Особенность обучения – сквозная проектная деятельность студентов. Выпускники конкурентоспособны на рынке труда и технологий.*

Ключевые слова: *высшее образование, передовые инженерные школы, Болонская система, качество преподавания, технологические компании*

Abstract: *The reform of higher education should combine the synthesis of the Soviet system and the experience of recent decades. Russia's transport universities have advanced engineering schools. A distinctive feature of the training is the students' continuous project activity. Graduates are competitive in the labor and technology markets.*

Keywords: *Higher education, advanced engineering schools, The Bologna system, teaching quality, technology companies*

В начале 21 века остро назрела реформа образования в России в связи с существенными изменениями в информационных технологиях, социальных, экономических потребностях и запросах, в политике и практике знаний. Появляются новые профессии, направления для изучения, предъявляются повышенные требования к качеству преподавания, применимости знаний на практике. Появилось такое понятие как « life-long-learning» – обучение в течение всей жизни, без которого не мыслим современный специалист, профессионал своего дела.

Долгое время российское высшее образование ориентировалось на Болонский процесс (совещание министров европейских стран в Болонье в 1999 году), который утвердил двухуровневую систему – бакалавриат и магистратуру. Россия подписала Болонскую декларацию в 2003 году, а к 2011 году ВУЗы перешли на данную систему.

В связи с этим переходом разрушилась взаимосвязь с советской системой образования, произошли изменения на рынке труда, подготовка бакалавра оказалась недостаточной для работы на некоторых специальностях, а большинство студентов заканчивали именно 4 года подготовки. Огромную критику со стороны учителей, учеников и родителей получили экзамены в школе –ЕГЭ. Университеты старались сохранить специалитеты (со сроком обучения 5 лет) или сокращали часы по многим предметам с целью втиснуться в бакалавриат. При этом, Закон «Об образовании в Российской Федерации» п. 7 прировнял специалитет и бакалавриат [1; 99].

В мае 2022 года министр науки и высшего образования России Валерий Фальков объявил о намерении отказаться от Болонской системы и разработать собственную. В феврале 2023 года Президент России Владимир Путин в Послании Федеральному собранию предложил вернуться к традиционной базовой системе обучения в ВУЗах [2]. Уже в мае 2023 года вышел Указ о реализации в 2023–2024 учебном году пилотного проекта [3] с двумя уровнями высшего образования: базовым и специализированным. Аспирантура – отдельный уровень профессионального образования. Участниками пилотного проекта названы шесть университетов: Балтийский федеральный университет им. Иммануила Канта, Московский авиационный институт, Национальный исследовательский технологический университет «МИСиС», Московский педагогический государственный университет, Национальный исследовательский Томский государственный университет, Санкт-Петербургский горный университет.

Теперь новая реформа высшего образования должна в себе объединить синтез советской системы и опыта последних десятилетий. Ставятся задачи повышения качества обучения, сбалансированной подготовки кадров в интересах работодателей и запросов экономики для обеспечения технологического лидерства страны.

Создается новая структура образовательных программ по новому перечню специальностей с понятной для работодателя квалификацией специалистов.

В транспортных университетах России действуют передовые инженерные школы (ПИШ) – образовательные учреждения, созданные в рамках федерального проекта Минобрнауки «Передовые инженерные школы», с 2025 года включены в федеральный проект «Университеты для поколения лидеров» национального проекта «Молодежь и дети». ПИШ открывают отобранные по конкурсу ВУЗы совместно с технологическими компаниями по одному

или нескольким направлениям, для успешного сочетания учебы и практики, работы над реальными проектами. К преподаванию привлекают сотрудников компаний, профессионалов своего дела, повышают квалификацию преподавателей непосредственно на производстве. Например, ПИШ «Академия ВСМ» (РУТ МИИТ) готовит специалистов для проектирования, эксплуатации высокоскоростных магистралей (ВСМ). Поступить в ПИШ могут студенты после 3 курса на конкурсной основе. Особенность обучения – сквозная проектная деятельность студентов и принцип «перевернутого учебного плана» (то есть на начальном этапе идут практические дисциплины, а теоретические фундаментальные знания переносятся на более позднее время). На март 2025 года в России действуют уже 50 ПИШ в 23 регионах страны. Президент поддержал идею продлить данный проект, как минимум до 2030 года. К этому сроку количество школ должно удвоиться. По итогам работы Совета по поддержке программ развития университетов – участников программы «Приоритет –2030» отобраны 106 сильнейших университетов, среди них 4 транспортных: Российский университет транспорта получит грант на сумму 400 млн рублей, Петербургский государственный университет путей сообщения 100 млн, Морской государственный университет имени адмирала Г. И. Невельского –160 млн рублей, Дальневосточный государственный университет путей сообщения –117 млн рублей.

В основном, в ПИШ открывают программы технологической магистратуры: «Искусственный интеллект и цифровые технологии», «Ядерная энергетика и технологии», «Конструирование электромобилей и беспилотного транспорта» и другие.

В России разрабатывается «дорожная карта» комплексного развития национальной системы образования до 2026 года: к 2030 году в стране должно быть построено 25 университетских кампусов; к 2036 году – уже 40. На сегодняшний день открыты 940 молодежных лабораторий, программа ПИШ охватывает свыше 6 тысяч студентов. В проекте ПИШ участвуют такие компании как «Росатом», «Ростех», «Газпромнефть», КАМАЗ, «Сибур» и другие.

Срок обучения по новой системе высшего образования будет от 4 до 6 лет. Для инженеров и врачей – 5 лет, для сферы туризма и индустрии гостеприимства – 4 года, а на наукоемких направлениях – до 6 лет. Первые два года обучения будут составлять ряд дисциплин (единое ядро) во всех университетах одинаковых или почти одинаковых: История России, Философия, Основы российской государственности с одинаковым количеством зачетных единиц и едиными учебниками. Это даст возможность смены специальности после 2 курса, легкий переход из ВУЗа в ВУЗ.

Существуют яркие тенденции развития высшего образования на современном этапе: цифровизация, использование искусственного интеллекта

и симуляторов в обучении, он-лайн курсы и тестирование, мобильность студентов (академический обмен), гибкие учебные планы, возможность делать перерыв между уровнями обучения, ориентир на работодателей, на практику, проектирование, интеграция ВУЗов и предприятий отрасли, возможность освоения смежный профессий (двойные дипломы), оценка не по экзаменам, а по защите проекта, составленном портфолио.

В результате такого подхода, выпускники готовы к работе с первого дня (быстрая адаптация), они конкурентоспособны на рынке труда и технологий.

Литература:

1. Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 N 273-ФЗ (в ред. от 15.10.2025 N 377-ФЗ) https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (дата обращения 13.12.2025)

2. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 21.02.2023 https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_440178/ (дата обращения 13.12.2025)

3. Указ Президента РФ от 12.05.2023 N 343 «О некоторых вопросах совершенствования системы высшего образования» https://www.consultant.ru/law/hotdocs/80246.html (дата обращения 13.12.2025)

DOI 10.34660/INF.2026.13.84.184

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕКСТОВЫЕ РЕСУРСЫ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ СРЕДНЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ: ОСОБЕННОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Сидорова Мария Прокопьевна
преподаватель
Намский педагогический колледж им.И.Е.Винокурова

Аннотация. *В статье рассматривается эволюция текста в цифровую эпоху – от традиционного линейного повествования к современным мультимедийным форматам. Анализируются ключевые этапы трансформации: появление гипертекста, электронных книг, блогов, социальных сетей и интерактивного контента. Освещаются технологические драйверы изменений, региональные особенности и отраслевые адаптации. Обсуждаются социально культурные последствия, этические вызовы и прогнозы развития на ближайшие десятилетия. Подчёркивается важность баланса между инновациями и сохранением глубины мышления в эпоху мультимедийных форматов.*

Ключевые слова: *цифровая эпоха, эволюция текста, мультимедийные форматы, гипертекст, искусственный интеллект, медиаграмотность.*

В эпоху цифровизации и жёстких требований к практической подготовке специалистов система среднего профессионального образования (СПО) переживает глубокую трансформацию подходов к использованию текстового контента. Если прежде основу учебного процесса составляли печатные учебники и конспекты, то сегодня всё более значимую роль играют гибкие, мультимедийные и интерактивные форматы. Они не только повышают вовлечённость обучающихся, но и развивают критическое мышление, навыки работы с информацией, а также синхронизируют учебный процесс с запросами рынка труда.

Актуальность темы обусловлена необходимостью:

- гармонизировать текстовый контент с федеральными государственными образовательными стандартами (ФГОС);
- учитывать цифровые привычки современной молодёжи, привыкшей к кратким форматам, визуальному контенту и интерактивным заданиям;

• обеспечить соответствие подготовки специалистов требованиям работодателей, которые всё чаще ищут сотрудников, умеющих быстро анализировать информацию и применять знания на практике.

В осмысление трансформации текстового контента свой вклад внесли Е. П. Никифорова и М. П. Сидорова, исследовавшие феномен *«текстов новой природы»* – мультимодальных, нелинейных, интерактивных структур, которые кардинально меняют способы восприятия и обработки информации. Авторы подчёркивают необходимость сбалансированного сочетания традиционной текстовой культуры и новых форматов, чтобы развивать у студентов не только навыки чтения, но и умения навигации в цифровом информационном пространстве, критического анализа разнородных источников.

Цель исследования – проанализировать роль современных текстовых ресурсов в системе СПО, выявить их потенциал и ограничения, обозначить направления совершенствования с учётом идей Никифоровой и Сидоровой о «текстах новой природы».

Задачи:

• раскрыть многообразие современных текстовых форматов и их дидактические возможности;

• показать, как текстовые ресурсы способствуют формированию компетенций, востребованных в экономике;

• выявить проблемы внедрения и оценить их влияние на качество образования;

• сформулировать перспективные пути развития текстового контента в СПО, опираясь на методики, предложенные исследователями.

Современный образовательный ландшафт СПО характеризуется широким спектром текстовых ресурсов, которые объединяют традиционные и инновационные форматы. К ним относятся:

• **Электронные учебники и онлайн-курсы** (на платформах Moodle, Stepik, Яндекс.Учебник), сочетающие текст, гиперссылки, видео, аудио и тестовые задания. Их ключевое преимущество – возможность оперативного обновления материала.

• **Интерактивные тексты** с заданиями типа Drag&Drop, заполнением пропусков, построением схем. Такие форматы стимулируют активное взаимодействие с материалом.

• **Кейсы и ситуационные задачи**, моделирующие профессиональные сценарии (например, для будущих механиков – устранение неисправности оборудования, для медиков – анализ клинических ситуаций).

• **Мультимедийные тексты**, интегрирующие графику, анимацию, аудио – особенно эффективны для сложных технических тем.

• **Профессиональные документы** (инструкции, ГОСТы, регламенты), которые учат студентов работать с реальной документацией.

• **Краткие форматы** (чек-листы, инфографика), развивающие умение извлекать ключевую информацию.

Как отмечают Никифорова и Сидорова, *«тексты новой природы»* (мультимодальные, нелинейные) требуют от обучающихся новых умений: не просто декодировать текст, но и синтезировать данные из разнородных форматов, критически оценивать источники, ориентироваться в гипертекстовых структурах. Это согласуется с требованиями ФГОС СПО, ориентированными на формирование компетенций, а не только знаний.

Эти ресурсы воплощают принципы электронных образовательных ресурсов (ЭОР), закреплённых в ФЗ «Об образовании в РФ», и строятся как образовательные модульные системы (ОМС) – автономные блоки, решающие конкретные учебные задачи. Их результативность базируется на трёх китах: **мультимедийности, моделировании, интерактивности**.

Современные текстовые ресурсы выступают инструментом реализации компетентностного подхода, заложенного в ФГОС СПО. Они способствуют:

1. **Освоению профессиональных навыков** – работа с инструкциями, стандартами, кейсами формирует практические умения, необходимые на производстве. Например, изучение технических регламентов помогает будущим сварщикам понимать требования к оборудованию.

2. **Развитию цифровой грамотности** – поиск информации в электронных библиотеках, анализ данных в базах, использование онлайн-сервисов готовят студентов к реалиям цифровой экономики (в рамках проекта «Профессионалитет»).

3. **Формированию критического мышления** – анализ противоречивых источников, сравнение данных из разных форматов учит отличать достоверную информацию.

4. **Индивидуализации обучения** – адаптивные системы подбирают тексты с учётом уровня подготовки студента.

5. **Повышению мотивации** – интерактивные и геймифицированные задания (викторины, квесты) делают обучение увлекательным.

Как показывают исследования, методики работы с *«текстами новой природы»* (проектная деятельность, анализ кейсов, создание мультимедийных продуктов) позволяют формировать у студентов:

• навыки гипертекстовой навигации;

• умения верифицировать информацию;

• способность создавать собственные образовательные медиапродукты.

Это напрямую связано с требованиями рынка труда, который ценит не только узкопрофессиональные знания, но и гибкие компетенции (soft

skills): умение работать с информацией, презентовать результаты, адаптироваться к новым форматам.

Несмотря на очевидные преимущества, внедрение инновационных текстовых форматов сопряжено с рядом вызовов:

• **Качество контента.** Многие электронные материалы не соответствуют ФГОС, содержат устаревшие или ошибочные данные. Проблема усугубляется отсутствием единых стандартов разработки ЭОР.

• **Технические ограничения.** Не все образовательные организации обеспечены стабильным интернетом, современным оборудованием, лицензионным ПО.

• **Методическая неподготовленность педагогов.** Преподаватели зачастую не владеют навыками создания интерактивных материалов.

• **Баланс формы и содержания.** Избыточное использование мультимедиа может отвлекать от сути материала.

• **Оценка эффективности.** Отсутствует единая методика измерения, насколько цифровые тексты улучшают результаты обучения.

• **Психологические барьеры.** Часть студентов испытывает тревожность перед цифровыми форматами.

Дальнейшее развитие текстовых ресурсов в СПО требует комплексного подхода, учитывающего нормативные, методические, технические и социально-психологические аспекты.

Заключение

Современные текстовые ресурсы – неотъемлемый элемент модернизации СПО, который позволяет:

• соответствовать требованиям ФГОС и рынка труда;

• развивать востребованные компетенции (критическое мышление, цифровая грамотность, умение работать с информацией);

• индивидуализировать обучение и повышать мотивацию студентов;

• оптимизировать работу преподавателей за счёт автоматизации рутинных процессов.

Однако успех внедрения зависит от:

• качества и актуальности контента;

• технической оснащённости образовательных организаций;

• методической подготовки педагогов;

• продуманной стратегии интеграции цифровых и традиционных форматов;

• постоянного мониторинга результативности.

В перспективе цифровые текстовые ресурсы станут основой *новой модели образования* – гибкой, технологичной, ориентированной на непрерывное саморазвитие. Ключевым вызовом остаётся умение сочетать технологичность

с глубоким пониманием дидактических принципов, чтобы каждый студент, независимо от его стартовых возможностей, смог реализовать свой профессиональный потенциал.

Список литературы

1. Сидорова, М. П. Тексты «новой природы» в образова-тельном пространстве современного колледжа / М. П. Сидорова, Е. П. Никифорова // Мир науки, культуры, образования. – 2023. – № 5(102). – С. 210–212. – DOI 10.24412/1991–5497–2023–5102–210–212. – EDN OQDBEK.

2. Сидорова, М.П. К вопросу о текстах «новой приро-ды» / М. П. Сидорова, Е. П. Никифорова // Мир науки, культуры, образования. – 2023. – № 2(99). – С. 126–128. – DOI 10.24412/1991–5497–2023–299–126–128. – EDN CEUNCY.

3. Сидорова, М. П. Инновационные подходы к исполь-зованию текстов новой природы на русском и родном языках в обучении студентов педагогических колле-джей / М. П. Сидорова, Е. П. Никифорова// Мир науки, культуры, образования. – 2024. – № 6(109). – С. 304–307. – DOI 10.24412/1991–5497–2024–6109–304–307. – EDN IGINJT.

4. Львова С. И. Методика преподавания русского языка. – М.: Юрайт, 2025.

5. Методика преподавания русского языка в средней школе / под ред. Е. А. Быстровой. – М.: Академия, 2023.

6. Розенталь Д. Э. Практическая стилистика русского языка. – М.: Айрис-пресс, 2024.

7. Федеральный государственный образовательный стандарт среднего профессионального образования по специальности 44.02.02 «Преподавание в начальных классах». – М., 2022.

DOI 10.34660/INF.2026.15.42.023

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ДЕСТРУКЦИИ ПЕДАГОГОВ В СИСТЕМЕ УПРАВЛЕНИЯ КАЧЕСТВОМ ОБРАЗОВАНИЯ

Сергиенко Наталья Николаевна
докторант
Карагандинский национальный исследовательский университет имени академика Е. А. Букетова
Мирза Наталья Викторовна
доктор педагогических наук, доцент
Карагандинский национальный исследовательский университет имени академика Е. А. Букетова

Аннотация. *В статье рассматривается проблема профессиональных деструкций педагогов в контексте управления качеством образования. Актуальность исследования обусловлена тем, что профессиональное состояние педагогов является одним из ключевых факторов, определяющих эффективность образовательного процесса и устойчивое развитие образовательных организаций. Целью исследования является анализ сущности и основных проявлений профессиональных деструкций педагогов, а также определение их влияния на качество образовательной деятельности. В работе использованы методы теоретического анализа научной литературы, сравнительно-педагогического анализа и обобщения научных подходов к изучаемой проблеме. Рассмотрены основные виды профессиональных деструкций педагогов, включая профессиональные деформации, профессионально обусловленные акцентуации, выученную беспомощность, профессиональное отчуждение и стагнацию профессионального развития. Установлено, что данные явления оказывают негативное влияние на эффективность педагогической деятельности, инновационную активность педагогов и качество образовательного взаимодействия. В контексте управления качеством образования обоснована необходимость системной профилактики и своевременной диагностики профессиональных деструкций педагогов как важного направления управленческой деятельности образовательных организаций. Сделан вывод о том, что поддержка профессионального благополучия педагогов является значимым условием повышения качества образования и развития образовательных систем.*

Ключевые слова: *профессиональные деструкции педагогов, профессиональные деформации, управление качеством образования, профессиональное развитие педагогов, качество образовательного процесса.*

Abstract. *The article examines the problem of teachers' professional destructions in the context of education quality management. The relevance of the study is determined by the fact that teachers' professional well-being is a key factor influencing the effectiveness of the educational process and the sustainable development of educational organizations. The purpose of the study is to analyze the nature and main manifestations of teachers' professional destructions and to determine their impact on the quality of educational activities. The research is based on theoretical analysis of scientific literature, comparative pedagogical analysis and generalization of scientific approaches to the studied problem. The paper identifies the main types of professional destructions among teachers, including professional deformations, professionally conditioned accentuations, learned helplessness, professional alienation and stagnation of professional development. The study shows that these phenomena negatively affect teachers' professional performance, innovative activity and the quality of pedagogical interaction. From the perspective of education quality management, the necessity of systematic prevention and early diagnosis of teachers' professional destructions is substantiated. The results indicate that supporting teachers' professional well-being is an important condition for improving the quality of education and ensuring the effective functioning of educational systems.*

Keywords: *teachers' professional destructions, professional deformations, education quality management, teacher professional development, quality of education.*

В современных условиях модернизации образовательных систем особое значение приобретает проблема обеспечения и управления качеством образования. Качество образования рассматривается как комплексная характеристика образовательного процесса и его результатов, отражающая степень соответствия образовательных услуг требованиям общества, государства и личности. Важнейшим ресурсом обеспечения качества образования являются педагогические кадры, от профессиональной компетентности, психологической устойчивости и мотивации которых во многом зависит эффективность образовательной деятельности.

В научной литературе подчеркивается, что качество образования напрямую связано с качеством педагогической деятельности и профессиональным благополучием педагогов. Современные концепции управления качеством

образования рассматривают педагогов как ключевой фактор развития образовательной организации и повышения эффективности образовательного процесса [9; 10; 16].

Однако профессиональная деятельность педагога сопровождается высоким уровнем интеллектуальных, эмоциональных и коммуникативных нагрузок. Постоянное взаимодействие с обучающимися, родителями, администрацией и коллегами формирует сложную профессиональную среду, которая может выступать источником профессионального стресса. Длительное воздействие стрессовых факторов может приводить к формированию профессиональных деструкций личности педагога, проявляющихся в снижении профессиональной мотивации, эмоциональном истощении, стагнации профессионального развития и снижении эффективности педагогической деятельности [12; 13].

В этой связи проблема профессиональных деструкций педагогов приобретает не только психологическое, но и управленческое значение. С позиции управления качеством образования диагностика, профилактика и преодоление профессиональных деструкций педагогов являются важным условием поддержания эффективности образовательного процесса и устойчивого развития образовательных организаций.

Цель исследования – проанализировать особенности проявления профессиональных деструкций педагогов и определить их влияние на качество образовательного процесса в контексте системы управления качеством образования.

Профессиональные деструкции педагогов представляют собой негативные качества, развивающиеся в результате осуществления профессиональной деятельности учителя, трансформирующие его личность и приводящие к снижению эффективности труда педагога, к снижению качества образования в целом.

Исследования профессиональной деятельности педагога являются важной областью педагогической науки. Значительный вклад в понимание профессиональной деятельности педагога вносят труды А. К. Марковой [1; 2], Н. В. Кузьминой [3; 4]. Учеными рассмотрены и обоснованы такие аспекты профессиональной деятельности педагога, как профессиональные идентичность, мотивация, компетенции, навыки, самоопределение.

Фундаментальным изучением труда педагога занималась А. К. Маркова. В своей работе автор определяет основные составляющие труда педагога: педагогическая деятельность, педагогическое общение, личность учителя, обученность и воспитанность учащихся. Вышеназванные компоненты труда педагога являются основой профессиональной компетентности.

А. А. Булатбаева, А. М. Болатов в своих исследованиях пришли к выводу, что система профессиональной деятельности педагога представляет собой сложное и взаимосвязанное сетевое образование, которое трансформирует, совершенствует всех участников этого процесса [5].

Обобщенное исследование профессионально обусловленных деструкций педагога отражено в трудах российских ученых (Э. Ф. Зеер, Е. И. Рогов, Э. Э. Сымашок, С. Л. Рябченко, В. А. Самойлова и др.) (табл. 1).

Таблица 1. Характеристика основных видов профессиональных деструкций

№	Вид профессиональных деструкций	Основные характеристики
1	Профессиональные деформации	Качества, приводящие к искажению структуры деятельности или свойств личности.
2	Профессионально обусловленные акцентуации	Акцентирование профессиональной деятельностью определенных аспектов психики личности и при этом не использование других.
3	Выученная беспомощность	Состояние, когда человек развивает ощущение беспомощности и невозможности контролировать ситуацию, даже если у него есть возможность влиять на нее или изменить ее.
4	Профессиональное отчуждение	Состояние потери связи с ценностями и целями своей профессиональной деятельности.
5	Стагнация	Отсутствие или ограниченное совершенствование ключевых компетенций и непрерывного профессионального развития.

Профессиональная деятельность педагога влияет на структуру его личности, трансформируя ее. Такая трансформация может носить как положительный, так и отрицательный характер, способствуя развитию качеств, мешающих эффективному становлению личности как профессионала. Э. Ф. Зеером рассматриваются изменения, происходящие под влиянием профессии, нарушающие целостность личности и адаптивность педагога как профессиональные акцентуации [6]. Е. И. Рогов утверждает, что степень и характер проявления профессиональных акцентуаций педагога зависит от стажа в профессии [7; 8]. Предотвращение и преодоление проявлений профессиональных акцентуаций педагога должно стать ключевой задачей, от решения которой зависит психологический микроклимат педагогического коллектива и психическое здоровье участников образовательного процесса.

Е. И. Рогов использует термин «профессиональные деформации» для описания негативных изменений, которые могут происходить в личности педагога под влиянием его профессиональной деятельности. Он рассматривает такие деформации как результат длительной педагогической деятельности и взаимодействия с различными участниками образовательного процесса.

Профессиональные деформации, в отличие от акцентуаций, оцениваются как негативные изменения или смещения в психологической структуре

и функционировании личности педагога, вызванные его профессиональной деятельностью. Е. И. Рогов указывает на то, что профессиональные деформации могут быть результатом долгосрочного воздействия профессиональной среды, стресса и выражаются в формировании ролевых стереотипов, которые педагог переносит из профессиональной в другие сферы жизнедеятельности [7; 8].

Таким образом, профессиональные деформации личности детерминированы не только процессом труда, но и внутрисубъектными особенностями.

Проанализировав исследования ряда ученых (Э. Ф. Зеер, А. В. Козлова, Е. М. Лысенко, Е. И. Рогов), можно выделить общепедагогические, типологические, специфические и индивидуальные формы проявления деформации личности, вызванные педагогической деятельностью.

Общепедагогические деформации личности являются специфическими для педагогической профессии. Проявления данной формы делают педагогов идентичными, что связано со схожими условиями осуществления профессиональной деятельности.

Типологические деформации личности обусловлены интеграцией личностных и профессионально-педагогических качеств и представлены специфическими проявлениями в рамках профессиональной роли (поведенческими комплексами): коммуникатор, организатор, интеллигент (просветитель) и предметник. В структуре личности со временем могут проявиться признаки каждой роли: педагогу-коммуникатору характерна излишняя общительность, педагог-организатор склонен к подчинению окружающих через активное вмешательство в личную жизнь, педагогу-интеллигенту сложно найти баланс между высоким интеллектуальным уровнем и способностью общаться и преподавать информацию понятным и доступным способом, педагог-предметник стремится перенести «научную» область знаний в повседневную (бытовую), не адекватно оценивая целесообразность данных действий.

Специфические (предметные) деформации педагогов связаны с предметной областью и могут проявляться в искажении или смещении восприятия, понимания и преподавания определенного предмета. Е. И. Рогов считает, что специфика преподаваемого предмета проявляется даже во внешних особенностях педагога [8].

Индивидуальные формы проявления деформации личности, вызванные педагогической деятельностью, зависят от конкретных особенностей педагога, его взаимодействия с профессиональной средой и могут быть выражены в излишней самокритичности, перфекционизме, зависимости от одобрения, избегании риска и инноваций.

С точки зрения современных концепций управления качеством образования особое внимание уделяется человеческому фактору как ключевому ресурсу образовательной организации. Согласно подходам менеджмента качества,

эффективность функционирования любой системы во многом определяется профессиональным потенциалом ее сотрудников и условиями их профессиональной деятельности. В образовательной сфере это означает необходимость создания управленческих механизмов, направленных на поддержку профессионального развития педагогов, профилактику профессионального выгорания и развитие инновационного потенциала педагогического коллектива [10].

Исследователи управления качеством образования подчеркивают, что эффективные образовательные организации реализуют системный подход к управлению педагогическими ресурсами, включая мониторинг профессионального состояния педагогов, развитие их профессиональных компетенций, внедрение инновационных образовательных технологий и формирование благоприятного психологического климата в коллективе [11].

В данном контексте профессиональные деструкции педагогов могут рассматриваться как фактор, снижающий эффективность системы управления качеством образования. Их проявления приводят к снижению качества педагогического взаимодействия, уменьшению инновационной активности педагогов, формированию консервативных профессиональных установок и снижению результативности образовательной деятельности.

Таким образом, проведенный анализ показал, что профессиональные деструкции педагогов представляют собой сложное психолого-педагогическое явление, возникающее под влиянием профессиональной деятельности и условий образовательной среды. Их проявления, включая профессиональные деформации, стагнацию, выученную беспомощность и профессиональное отчуждение, оказывают негативное влияние на эффективность педагогической деятельности и могут рассматриваться как один из факторов снижения качества образования [14; 15].

В контексте современных концепций управления качеством образования особое значение приобретает системная работа по поддержке профессионального благополучия педагогов. Управление качеством образования предполагает внедрение механизмов диагностики профессионального состояния педагогов, развитие их профессиональных компетенций, создание благоприятной образовательной среды и формирование условий для непрерывного профессионального роста.

Следовательно, профилактика и преодоление профессиональных деструкций педагогов должны рассматриваться как важное направление управленческой деятельности образовательных организаций, направленное на повышение эффективности образовательного процесса и устойчивое развитие системы образования в целом.

Список литературы

1. Маркова А. К. Психология профессионализма. – М. – «Знание». – 1996. – 312 с.

2. Day C., Gu Q. Educators' Professional Learning and Well-Being – London: Routledge, 2020.

3. Кузьмина Н. В. Профессионализм деятельности преподавателя и мастера производственного обучения. – М. – «Высшая школа». – 1990. – 190 с.

4. Darling-Hammond L. The Right to Learn and the Advancement of Teaching – Teachers College Press, 2022.

5. Булатбаева А. А., Болатов А. М., Тлеубаев А. Б., Даут Ф. К. Профессиональная успешность и профессиональное становление молодого учителя. // Международный научно-исследовательский журнал. – 2024. – № 1 (139)

6. Зеер Э. Ф., Конюхова Е. Т. Психологические факторы влияния установки педагогов на инновационную деятельность // Образование и наука. – 2010. – № 4 (72). – С. 41–49.

7. Skaalvik E. M., Skaalvik S. Teacher Burnout and Job Satisfaction // Educational Psychology. – 2021.

8. Рогов Е. И. Одиночество как проявление профессиональной деформации педагога// Известия Южного Федерального университета. – Педагогические науки. – 2010. – № 5. – С. 14–18.

9. OECD. Education at a Glance 2023: OECD Indicators – Paris: OECD Publishing, 2023// https://www.oecd.org/en/publications/reimagining-teaching-in-an-accelerating-world_d0edfe8c-en.html

10. Schleicher A. World Class: How to Build a 21st-Century School System – OECD Publishing, 2020.

11. European Commission. Teachers in Europe: Careers, Development and Well-being – 2021// https://doi.org/10.2797/733559

12. Day C., Gu Q. Educators' Professional Learning and Well-Being – London: Routledge, 2020.

13. OECD. Teachers' Well-Being: A Framework for Data Collection and Analysis – Paris: OECD Publishing, 2020// https://doi.org/10.1787/c36fc9d3-en

14. Darling-Hammond L. The Right to Learn and the Advancement of Teaching – Teachers College Press, 2022.

15. TALIS 2018 Results (Volume II): Teachers and School Leaders as Valued Professionals – OECD, обновленные аналитические отчеты 2020–2022 гг.// https://www.oecd.org/en/publications/talis-2018-results-volume-ii_19cf08df-en.html

16. UNESCO. Reimagining Our Futures Together: A New Social Contract for Education – Paris, 2021// https://www.unesco.org/en/articles/reimagining-our-futures-together-new-social-contract-education

DOI 10.34660/INF.2026.15.84.053

METHODOLOGICAL AND PEDAGOGICAL ASPECTS OF PATRIOTIC EDUCATION OF STUDENTS IN UNIVERSITIES

He Xin
Graduate student
Belarusian National Technical University, Belarus

Abstract. *Against the backdrop of globalization and modern social development, patriotic education in universities has become a core part of shaping young people's worldviews and cultivating civic literacy. Higher education institutions are responsible not only for training professional talents but also for building a scientific and systematic education system to strengthen students' national identity, cultural confidence and social responsibility. This paper takes university patriotic education as the research object, defines its core concepts, explains its philosophical, psychological and pedagogical foundations, systematically sorts out theoretical and empirical research methods, compares historical and contemporary education models, and puts forward integrated, practical and personalized implementation approaches. The study shows that patriotic education should be integrated into the whole education process of universities, focusing on value internalization, activity participation and subjective development to improve effectiveness and sustainability. The results can provide theoretical support and practical references for moral education, curriculum design and practical activities in universities.*

Key words: *patriotic education; university students; higher education; methodology; pedagogy.*

With the rapid development of modern society, accelerating globalization and the growing role of higher education in forming young people's worldviews, patriotic education for university students has become an important part of educational work. Higher education institutions are entrusted with the mission of cultivating high-quality professional talents and responsible citizens with a strong sense of social responsibility and national identity. Patriotic education helps to strengthen civic identity, inherit national cultural values and maintain social stability.

In the current information society, young people are facing the impact of diverse values, mass culture and information pressure. Therefore, universities

urgently need to establish a scientific patriotic education system supported by modern methodological and pedagogical approaches. As V. A. Slastenin pointed out, education should unify professional training and civic personality formation.

Purpose of the study: to substantiate the methodological and pedagogical foundations of patriotic education for university students.

Objectives:

1. To analyze the basic concepts of patriotic education in pedagogical science;
2. To reveal the philosophical, psychological and pedagogical foundations of patriotic education;
3. To describe scientific and pedagogical research methods applicable to patriotic education in universities.

Object of research: the process of patriotic education for university students.

Subject of research: methodological and pedagogical aspects of patriotic education in universities.

Research methods: theoretical analysis, comparison, generalization, systematization, pedagogical observation, questionnaire survey, analysis of educational documents.

1.Definition of Core Terms

Patriotism: a stable system of value orientations, emotional attitudes and behavioral tendencies of individuals towards their country, cultural heritage and civic community, including cognitive, axiological and behavioral dimensions.

Patriotic education: a systematic educational process aimed at cultivating civic responsibility, national consciousness and social value orientations, which is an important part of moral and civic education.

Civic consciousness: individuals' awareness of their rights, obligations and social responsibilities, an important indicator for measuring the effectiveness of patriotic education.

National identity: collective self-identification based on common historical memory, cultural traditions and symbols, a core outcome of patriotic education.

Value orientations: a stable belief system that guides individual behavior; patriotic education aims to form values related to responsibility, cultural inheritance and national development.

Social responsibility: individuals' tendency to abide by social norms and serve social development, a practical manifestation of patriotic values.

University educational environment: educational conditions, interpersonal relations, institutional traditions and value atmosphere that affect student development, the main field for implementing patriotic education.

2. Methodological and Theoretical Approaches to University Patriotic Education

2.1 Philosophical Foundations

Patriotic education is rooted in humanism, axiology and the concept of social responsibility. It emphasizes that education is not only knowledge transmission but also value shaping and personality cultivation. Humanistic approach: respecting students' subjective status, forming rational patriotic attitudes based on dignity, freedom and social solidarity. Axiological approach: treating patriotism as a stable value, realized through reflection, dialogue and experience. Social responsibility concept: unifying patriotism with serving society and national interests, forming the moral basis of modern civic patriotism.

2.2 Psychological Foundations

Youth is a period of rapid development of self-awareness, worldviews and value systems, providing favorable conditions for patriotic education. Motivation is crucial to the formation of patriotic attitudes; external influences must match students' internal needs. Collective activities, peer communication and campus life promote social identity and civic consciousness. National and civic identity are formed through the integration of personal experience and historical-cultural narratives; rational thinking helps form an open and balanced patriotic stance.

2.3 Pedagogical Approaches

Four main approaches are applied in modern university patriotic education:

Systematic approach: integrating patriotic education into teaching, extracurricular activities and student self-government to ensure coherence.

Personality-oriented approach: focusing on students' differences and needs, stimulating internal motivation through dialogue, choice and reflection.

Activity-based approach: realizing value experience and behavioral development through volunteer service, project learning and civic practice.

Competence-based approach: combining the cultivation of civic, social and communicative competencies, integrated into educational standards and outcome systems.

2.4 Historical and Contemporary Models

Traditional models emphasize loyalty to the state, respect for symbols and collective values. The Soviet period focused on ideology and collective activities. The post-Soviet era shifted to pluralism, humanization and value orientation. Contemporary models emphasize dialogue, critical thinking and civic participation to adapt to globalization, digitalization and value diversity.

3. Research and Implementation Methods of University Patriotic Education

3.1 Theoretical Research Methods

Literature analysis and synthesis: extracting essential features, structure and conditions of patriotic education. Comparison and generalization: identifying effective models and forming theoretical conclusions. Pedagogical modeling: constructing the structure of patriotic education for empirical research.

3.2 Empirical Research Methods

Pedagogical observation: analyzing student participation and campus educational environment. Questionnaire survey: collecting data on civic consciousness, patriotic attitudes and value orientations. Interviews and discussions: understanding motivations, experiences and value perceptions. Document analysis: evaluating institutional support for curricula, programs and activities.

3.3 Research Organization

The research includes three stages: defining problems and frameworks → selecting methods and tools → collecting, processing and interpreting data. The sample covers undergraduate and graduate students of different majors to ensure representativeness. The research follows ethical principles of voluntariness, informed consent and confidentiality.

3.4 Data Analysis and Interpretation

Evaluation indicators include the level of civic consciousness, stability of value orientations and participation in social activities. Quantitative data are processed by statistical analysis; qualitative data by content analysis. Theoretical assumptions and actual effects are compared to provide improvement suggestions.

Conclusion

Patriotic education in universities is a multi-dimensional process integrating value orientations, civic consciousness, national identity and social responsibility. Patriotism is not ideological declaration, but a comprehensive personality quality formed through value internalization and social practice. Its philosophical foundations are humanism and axiology; psychological mechanisms are motivation, socialization and identity development; pedagogical implementation requires the integration of systematic, personality-oriented, activity-based and competence-based approaches.

The study shows that patriotic education can achieve long-term effects only as an organic part of the overall education system, integrated into curricula, activities, student self-government and social projects. Value internalization must be based on students' active participation, reflection and experience. Civic education and patriotic education should be promoted coordinately to achieve balanced development of legal awareness, civic responsibility and national identity.

This study provides theoretical and methodological support for the formulation of patriotic education programs, curriculum development, activity design and teacher training in universities, and can also serve as a reference for educational policy-making. Future research can further test the effectiveness of specific educational technologies, conduct cross-national comparative studies, and explore the impact of digital environments on civic and national identity.

DOI 10.34660/INF.2026.16.74.153

АКТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ К ПОВЫШЕНИЮ КВАЛИФИКАЦИИ ПЕДАГОГОВ В РАМКАХ ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНОГО ОБРАЗОВАНИЯ: ПОИСКИ НОВАТОРСКИХ ИДЕЙ И РЕШЕНИЙ

Зияева Гульмира Акмаловна
директор Центра реализации программ и проектов
Институт развития образования Республики Татарстан
Исланова Нина Николаевна
кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник
Институт развития образования Республики Татарстан
Шевченко Наталья Анатольевна
научный сотрудник
Институт развития образования Республики Татарстан

Аннотация. *В статье авторы представили опыт реализации в Республике Татарстан программы ДПО педагогов – преподавателей физики, химии, биологии образовательных организаций «ФИЗХИМ прорыв: точка роста в естественно-научном образовании в школе». Отмечается инновационный характер программы, новые подходы к организации и содержанию программ стажировки педагогов. Особое внимание авторы акцентируют на актуальных современных образовательных трендах в области естественнонаучного и инженерно-технического образования школьников.*

Ключевые слова: *естественнонаучное образование, Физхимпрорыв, инновации, прорывные технологии, цифровая образовательная среда, модернизация, «Индустрия 4.0», предпрофильная подготовка, профильное обучение.*

Abstract. *In this article, the authors present the experience of implementing the further professional education (FPE) program for educators – teachers of physics, chemistry, and biology in schools – titled «PHYS-CHEM Breakthrough: A Growth Point in School Science Education,» which was conducted in the Republic of Tatarstan. The article highlights the innovative character of the program, as well as new approaches to the organization and content of teacher internship programs. The authors place particular emphasis on current modern educational trends in the field of science and engineering-technical education for school students.*

Keywords: *science education, Physics-Chemistry Breakthrough, innovations, breakthrough technologies, digital educational environment, modernization, Industry 4.0, pre-professional training, specialized (profile) education.*

Актуальность. Система российского школьного образования находится в настоящий период времени на этапе модернизации и реформирования. Причин данного процесса множество: они носят объективный и субъективный характер. Среди них определяющее значение имеет: вступление России в эпоху 4 Промышленной революции, кардинальное изменение структуры мирового и отечественного рынка труда, связанного с огромной востребованностью специалистов с естественнонаучным и инженерно-технологическим образованием; цифровизация экономики, промышленности, образования и всех инфраструктур жизнедеятельности общества, а также активное внедрение ИИ и роботизированных систем управления.

Несомненно, мы видим, как эпоха «Индустрия 4.0.» создает новую среду – синтезированных технологий физического и цифрового мира, суперкомпьютеров, дронов, виртуальных помощников и различных «умных» датчиков, машин по обмену большими данными, которые сегодня способны решать вопросы без участия человека. [1, 2] Впереди нас ожидает, как считают специалисты, период повсеместного внедрения киберфизических систем, искусственного интеллекта (ИИ), переход от автоматизации к полной автономности и т.д., и т.п. [2, 3, 4] Это зафиксировано в Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» [4], которая является для системы российского образования и науки долгосрочной «Дорожной картой» на период 2035 г.

В связи с данными обстоятельствами наблюдаются процессы, которые постепенно меняют конфигурацию содержания программ школьного образования и программ повышения квалификации педагогов. Так, происходит смещение фокуса на естественнонаучное и технологические профили обучения; трансформацию содержания общеобразовательных программ в пользу прикладного характера школьного образования, активное развитие системы предпрофильной подготовки и профильного обучения, ужесточение требований к системе подготовки выпускников учебных заведений с высоким уровнем компетентности, творческим и нестандартным мышлением, психологически и социально готовых трудиться и жить в условиях социально-экономической неопределенности.

Проект Концепции «Технологическое просвещение (математическое и естественно-научное образование) как способ укрепления технологического суверенитета страны», подготовленной Министерством просвещения РФ, ФГБНУ «Институтом стратегии развития образования» и активно обсуждаемой сегодня в стране, «Комплексный план мероприятий по повышению качества математического и естественно-научного образования на период

до 2030 года» [7] – это долгосрочные стратегические документы, направленные на «повышение качества образования в школах, популяризацию технических профессий и воспитание нового поколения инженеров. [7] Несомненно, стратегические и тактические цели и задачи, которые в нынешней ситуации стоят перед системой российского образования предельно ясны: современный специалист должен быть готов, из-за постоянной смены условий на мировом и отечественном рынке труда, «способным проектировать сложные технологические процессы и осуществлять поддержку их функционирования» [6], непрерывно учиться и постоянно менять горизонтальный или вертикальный профили своей профессиональной деятельности, а также учитывать возрастание запроса общества и промышленности на специалистов с естественнонаучной и инженерно-технологической подготовкой. Одновременно выпускник школы, как минимум, сегодня должен иметь сформированную систему прикладных знаний, умений, навыков, а как максимум, творчески уметь использовать их в различных сферах жизни. Среди наиболее из них востребованных, можно назвать исследовательский, научно-аналитический, опытно-экспериментальный, проектный и аналогичные им компетенции, которые наиболее успешно и эффективно должны развиваться у обучающихся педагогами в школе в рамках изучения предметов естественнонаучного и инженерно-технологического цикла, научно-кружковой, внеучебной, дополнительной образовательной деятельности. Все эти компетенции выходят в той или иной степени на необходимый уровень развития естественнонаучной грамотности, который является неотъемлемым компонентом процесса формирования современного естественно-научного мировоззрения школьников. [7, 8] Однако в настоящий период времени пока не удается реализовать в полной мере в школьном образовании междисциплинарный подход в преподавании предметов естественнонаучного цикла, а также вариативные прикладные модули, поскольку методология и педагогические технологии по обеспечению необходимого уровня формирования естественнонаучной грамотности школьников недостаточно разработаны и внедрены.

Основное содержание статьи. Проблема подготовки педагогов-предметников естественнонаучного цикла в системе дополнительного профессионального образования остается по-прежнему острой. Это связано, как считают специалисты [Тесленко В. И., Смирнова Н. З., Еремина Е. И., Щербакова Т. К., Володина О. В., Тяпкина Н. П., Султаненко Э. Р.] с тем, что в системе школьного образования: а) не создано необходимых педагогических условий для кардинального улучшения ситуации в области естественнонаучной грамотности школьников и внедрения универсальной и общедоступной методологии преподавания предметов естественнонаучного цикла; б) недостаточно активно и эффективно осуществляется популяризация естественных

наук и инженерного образования; в) наличие слабой материально-технической лабораторной базы и дефицит экспериментов в школьной программе; г) наблюдается десинхронизация процесса обучения, не актуальные учебные пособия, а также слабая осведомленность педагогов о достижениях современной науки и техники, возможностях их прикладного применения в рамках учебного процесса и др. Кроме того, исследования показывают, что у учителей-естественников, имеются определенные профессиональные компетентностные дефициты, не позволяющие им результативно формировать естественнонаучное мировоззрение и естественнонаучную грамотность у современных обучающихся, что связанно с обособленностью у них восприятия содержания своего предмета; слабым развитием навыков системного анализа и моделирования; ограниченностью знаний в области метапредметных понятий и терминов, научно-справочного аппарата и др. Отмечается также недоучитывание ими фактора наличия особенностей формирования моделей и стиля мышления, ассоциаций, логики, воображения, представлений у каждого учащегося в рамках изучения различных учебных предметов: физики, химии, географии, биологии и др. Достигнуть максимального эффекта в процессе формирования естественнонаучного мышления можно за счет обеспечения принципов универсальности (междисциплинарности); синхронизации предметных знаний; прикладной направленности (в рамках контекстного обучения); общих представлений об общенаучных (теоретических) методах познания и др. Несомненно, современный выпускник школы должен воспринимать объем полученных знаний в рамках изучения естественных наук как единый (сквозной) инструмент для изучения природы, уметь применять их в нестандартных ситуациях. Вследствие этого у учителей появляется необходимость при изучении предметов давать дополнительные знания для того, чтобы у обучающегося, сформировалось целостное, комплексное представление о понимании сущности и содержания, например, экологических проблем, биофизических и/или биохимических процессов и других междисциплинарных областей знаний, изучаемых также в рамках профильного обучения в школе. Таким образом, каждый педагог-естественник в школе последовательно развивает метапредметные, универсальные знания, навыки, умения и способности к метаанализу, проводит метапредметные уроки с решением метапредметных проблемных ситуаций и заданий, реализуют межпредметные проекты.

Однако, как показывает практика, этого не всегда достаточно для получения нужного результата: интерес к изучению предметов естественнонаучного цикла среди российских школьников, остается по-прежнему на низком уровне. Ряд принятых нормативно-правовых и распорядительных актов и документов, направленных на активизацию и популяризацию предметов естественнонаучного и инженерно-технологического (технического) профиля среди школьной

и студенческой молодежи: проект Концепции «Технологическое просвещение (математическое и естественнонаучное образование) как способ укрепления технологического суверенитета стран» (2024 г.), Комплексный план мероприятий по повышению качества математического и естественно-научного образования до 2030 года (Распоряжение от 19 ноября 2024 года № 3333-р), а также внесенные изменения в ФГОС 3 поколения (2023), ряд приказов министерства просвещения РФ, регламентирующих порядок и требования к организации олимпиадного движения, сдачи ГИА и других, положительно повлияли на уровень естественнонаучного и инженерно-технологического просвещения, в целом содействовали созданию условий для базового и углублённого уровня изучения физики, химии, биологии, в рамках предпрофильной подготовки и профильного обучения, больше внимания сосредоточить на развитии практических навыков детей. По заявлению министра просвещения РФ Сергей Кравцова в 2026 году наблюдается положительная динамика в желании выпускников школ углубленно изучать естественные дисциплины (данные регистрации ЕГЭ): более 371 тыс. выбрали профильную математику, 161 830 – информатику, биологию – 152 008 чел., химию – 114 623 чел. Все вышеперечисленное свидетельствует, что данное направление требует новых подходов и решений, в том числе и в системе ДПО педагогов естественнонаучного цикла: оно должно стать высоко эффективным и востребованным, наукоемким, междисциплинарным.

Конечно, введение междисциплинарного подхода в школьном образовании – это данность, необходимость реализации которой связана с новыми социальными и промышленно-технологическими вызовами XXI века и необходимостью решения глобальных междисциплинарных проблем. Решением наиболее актуальных подходов к повышению квалификации школьных педагогов в рамках естественнонаучного образования целенаправленно и системно занимаются специалисты Института развития образования Республики Татарстан в рамках реализации в 2026 году программы ДПО для преподавателей физики, химии, биологии «ФИЗХИМ прорыв: точка роста в естественно-научном образовании в школе» с охватом 250 слушателей из 45 муниципальных районов РТ.

Программа ДПО была рассчитана на 144 ак. часа, состояла из 7 модулей. Перед авторами стояла задача разработать не просто Программу, а создать актуальный образовательный продукт, основными принципами формирования которого являются: инновационность, наукоемкость, междисциплинарность, компетентностный подход, комплексность и др. Содержание каждого модуля между собой было взаимосвязано, интегрировано, актуализировано современными тенденциями изучения естественных наук в системе школьного образования: инновационные образовательные технологии, предпрофильная подготовка и профильное обучение, система профориентации, комплексная

подготовка к ГИА и участию в олимпиадном движении; организация кружков естественнонаучного и инжене др. рно-технического направления; проектная и исследовательская деятельность и др.

Важно было, чтобы теоретические и прикладные аспекты обучения не резонировали друг с другом в модулях Программы, подкреплялись реальным опытом в рамках стажировочных площадок. Также разработчики Программы исходили из того, что образовательные тренды развития естественнонаучного образования в Республике Татарстан, представленные в рамках реализации программ ДПО педагогов естественнонаучного цикла «Физматпрорыв» (2025) и «Физхимпрорыв» (2026 г.),– это точки роста естественнонаучной компетенции педагогов, профессиональной готовности к опережающему обучению и к вызовам технологического будущего.

В рамках обучения было проведено 18 стажировок. В качестве стажировочных площадок были представлены ведущие вузы и учреждения системы СПО, общего образования Республики Татарстан (ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет», АНО ВО «Университет Иннополис», ФГБОУ ВО «Казанский национальный исследовательский технологический университет», ГАПОУ «Казанский радиомеханический колледж», СОШИ «Лицей имени Н. И. Лобачевского» КФУ, МАОУ «Лицей № 131» (физико-математический профиль), МАОУ «Лицей – инженерный центр», АНО «Казанский открытый университет талантов 2.0» и др. Стажировки проводились на базе учреждений инженерно-технологического, политехнического, химического профилей обучения. Выбор лекторов и стажировочных площадок в рамках реализации программы ДПО осуществлялся исходя из запросов заказчика – министерства образования и науки РТ и педагогов – слушателей курсов, имеющих профессиональные дефициты (выявленные ранее в рамках анкетных опросов) в области преподавания естественных наук в школе.

Была определена основная цель реализации программы: совершенствование профессиональных компетенций педагогов в области преподавания естественнонаучных дисциплин (физика, химия, биология) посредством освоения современных образовательных технологий, цифровых инструментов и исследовательских методик. Среди задач важно отметить следующие: повышение уровня межпредметной компетенции; освоение прикладных навыков интерпретации понятий, законов, теорий, общих для цикла естественнонаучных дисциплин; обмен опытом успешного применения инновационных образовательных технологий (прорывных) в преподавании естественных наук на базе стажировочных площадок; освоение эффективных моделей и инструментов обучения предметов естественнонаучного цикла в системе: «школа – СПО – Вуз» в рамках реализации предпрофильного и профильного образования; решение заданий из Открытого банка заданий ЕГЭ, олимпиадное движение и др.

Критерием отбора стажировочных площадок и лекторов для участия в программе ДПО было наличие реальных достижений педагогических коллективов ведущих образовательных организаций РТ в области естественнонаучного и инженерно-технологического образования, работающих в парадигме опережающего обучения, активно внедряющих межпредметные вариативные модули, профильное образование, современные цифровые технологии и инструменты, позволяющие усилить специфику междисциплинарной интеграции и сформировать целостное естественнонаучное мировоззрение. Обсуждались в рамках реализации программы, также и такие: формирование понимания «прорывных зон развития и способов конфигурации со смежными типами знаний», полипредметное прикладное мышление и взаимодействие, переформатирование мышления педагога-предметника на учителя-метапредметника; обмен опытом в области применения междисциплинарного подхода в профильных классах, развитие базовых компетентностей, необходимых для обучения школьников в новых образовательных условиях. Ключевой «прорывной» идеей Программы было подготовка педагогов метапредметного профиля с набором современных профессиональных компетенций, работающих в зоне единого полипрофессионального взаимодействия.

На стажировках в режиме круглого стола и деловых игр обсуждались вопросы, связанные с тенденциями развития естественнонаучного, математического и инженерно-технологического образования, в т.ч. модернизации учебных программ и образовательных стандартов, потребность в разработке новых учебников, усиление профориентации и повышение качества подготовки учителей, естественнонаучное просвещение и обеспечение условий для переориентирования обучающихся на инженерные, технологические и естественнонаучные специальности, активное взаимодействие школ, колледжей, вузов и профильных предприятий. Работа с данном направлении в республике продолжается, итоги мониторятся.

Выводы: Таким образом, модернизация преподавания предметов естественнонаучного цикла в системе дополнительного профессионального образования педагогов – это системное преобразование, основанное на решении комплекса актуальных проблем: законодательное и нормативно-правовое и ресурсное обеспечение; совершенствование междисциплинарной, методической и инновационной (в т.ч. цифровой) компетентности; научно-интеллектуальное и научно-прикладное, технологически-инструментальное насыщение содержания Программы и др.

Новые подходы, идеи, приемы и методы обучения, которые целенаправленно применяются в системе повышения квалификации педагогов предметов естественнонаучного цикла в Республике Татарстан, реализованные в программе «Физхимпрорыв.2026», направлены на решение системообразующих

целей и задач: развитие междисциплинарного мышления, механизмов формирования естественнонаучного мировоззрения и грамотности; повышение общего научно-теоретического и научно-прикладного уровня знаний, освоения инновационных технологий и инструментов обучения,

Несомненно, в соответствии с требованиями и вызовами времени, в системе подготовки педагогических кадров по предметам естественнонаучного цикла, необходимо соблюдать паритет подходов: базовый, основанный на традиционной подаче знаний в области естественных наук, позволяющий сохранить принцип целостности, непрерывности и преемственности образовательного процесса, а с другой обновленный– применение в цифровой образовательной среде результативных научно-обоснованных методик и образовательных технологий. Дальнейшие перспективы реализации содержания программы связаны с раскрытием общности фундаментальных естественнонаучных наук, подходов к их пониманию, формированием междисциплинарной конструкции преподавания предметов естественнонаучного цикла, повышением уровня социальной значимости и просвещения естественнонаучного и инженерно-технологического образования среди учащейся молодежи.

Литература.

1. Индустрия 4.0: Что это такое и как она меняет производство? Электронный ресурс: Режим открытого доступа: https://rosstip.ru/news/5327-industriya-4–0-chto-eto-takoe-i-kak-ona-menyaet-proizvodstvo

2. Искусственный интеллект в решении актуальных социальных и экономических проблем XXI века: сборник статей по материалам Девятой всероссийской научно-практической конференции с международным участием (г. Пермь, ПГНИУ, 17–18 октября 2024 г.) / под редакцией Л. Н. Ясницкого, Т. В. Миролюбовой, М. В. Родионовой, Е. Г. Плотниковой; Пермский государственный национальный исследовательский университет.– Пермь, 2024.– Ч. 1.– 333 с. Электронный режим. Режим открытого доступа: https://perm.hse.ru/mirror/pubs/share/1019818048.pdf

3. Исследование проблем и тенденций развития высшего образования в современной России: сборник научных трудов.– Вып. 5 / авт.-сост. Г. А. Бордовский, Н. Д. Подуфалов, А. Д. Шматко.– СПб.: Изд-во БГТУ «ВОЕНМЕХ» им. Д. Ф. Устинова, 2025.– 271с. Режим открытого доступа: https://rusacademedu.ru/wp-content/uploads/2025/12/4258456.191684459140174013.1.2.pdf

4. Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации» / Указ Президента Российской Федерации от 28.02.2024 г. № 145. Режим открытого доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_470973/

5. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 20 мая 2023 г. № 1315-р (ред. от 21.10.2024 г.) «Об утверждении Концепции технологического развития на период до 2030 г.». Режим открытого доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_447895/

6. Концепция «Технологическое просвещение (математическое и естественно-научное образование) как способ укрепления технологического суверенитета страны». Проект. Электронный ресурс: https://edsoo.ru/wp-content/uploads/2025/01/konczepcziya_tehnologicheskoe-prosveshhenie.pdf

7. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 19.11.2024 № 3333-р «Комплексный план мероприятий по повышению качества математического и естественно-научного образования на период до 2030 года» [Электронный ресурс].– URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202411230014 (дата обращения: 23.01.2026). Электронный ресурс: http://government.ru/docs/all/156334/

8.Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» [Электронный ресурс].– URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174

9. Тесленко В. И., Смирнова Н. З. Проблемы подготовки педагогических кадров по естественнонаучным дисциплинам: концептуальное осмысление. Электронный режим: https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-podgotovki-pedagogicheskih-kadrov-po-estestvennonauchnym-distsiplinam-kontseptualnoe-osmyslenie

10. Еремина Е. И., Щербакова Т. К. Подготовка учителей естественнонаучного цикла в системе повышения квалификации к реализации метапредметного подхода в образовании. Электронный ресурс: https://cyberleninka.ru/article/n/podgotovka-uchiteley-estestvennonauchnogo-tsikla-v-sisteme-povysheniya-kvalifikatsii-k-realizatsii-metapredmetnogo-podhoda-v

11. Коурова С. И. Естественно-научная подготовка будущих учителей с помощью педагогических программных средств: На примере курса «Концепции современного естествознания». Автореферат диссертации кандидат педагогических наук. Электронный ресурс: https://www.dissercat.com/content/estestvenno-nauchnaya-podgotovka-budushchikh-uchitelei-s-pomoshchyu-pedagogicheskikh-program

12. Володина О. В., Тяпкина Н. П., Султаненко Э. Р. Математика для физики, физика для математики // Вестник научных конференций. 2023. № 7–2 (95). С. 16–18. Электронный ресурс: https://ukonf.com/doc/cn.2025.06.02.pdf

13. Денисова А. А., Внеурочная деятельность как компонент образовательного процесса, обеспечивающий формирование функциональной грамотности учащихся / А. А. Денисова – Текст: непосредственный // Региональное образование: современные тенденции (РОСТ).– 2020.– № 1 (40).– С. 123–126. Электронный ресурс: https://soiro64.ru/wp-content/uploads/2022/11/kgo_funkcionalnaja-gramotnost_maket.pdf

DOI 10.34660/INF.2026.16.82.161

ЯЗЫК МУЗЫКИ КАК ЦИВИЛИЗАЦИОННАЯ ЦЕННОСТЬ

Самраилова Екатерина Константиновна
доктор политических наук, профессор
Институт современного искусства, г. Москва, Россия

Аннотация. *Непересекающиеся пространства многоязычия и духовной составляющей цивилизационного достижения – языка музыки. Что влияет на восприятие языка музыки? Символы, образы, смыслы, закрепляющиеся в мироощущении человека, привносит каждая историческая эпоха, корректируя и музыкальное пространство. Не высокий уровень духовности или отсутствие духовных знаний, не дает возможность, как правило, принятия культурных и социальных течений, художественных и музыкальных движений нашего времени. Процесс интеграции транслирует цивилизационной ценности языка музыки с ее национальными и региональными особенностями.*

Ключевые слова: *язык музыки, многоязычие, мультикультуралтзм, музыкальное наследие, национальная идентичность, ассоциативный ряд исторической памяти, языковая мозаика и музыкальное наследие, исполнительские и композиторские школы – связь времен и имен.*

Название статьи содержит смысловой вектор того, что пространство языка музыки не пересекается с пространством многоязычия и является ценностным ядром мультикультурализма, достижением мировой цивилизации, его духовной составляющей. Классическое определение языка музыки подчеркивает приоритет выразительных средств – мелодию, ритм, гармонию, тембр, т.е. все то, что позволяет передавать эмоции, мысли и образы без слов. Сформулируем вопрос: «Общекультурное музыкальное пространство или наследие – это чье достояние? Изоляционизм и враждебность, обусловленные политико-экономическими мотивами, насколько влияют на восприятие языка музыки?».

Авторское понимание цивилизационного подхода заключается в исследовании, как закономерной смены исторических форм государств, так и с точки зрения качественных изменений в социокультурной среде. В основе цивилизационного подхода лежит системное восприятие многообразия социального, экономического, политического и, конечно, культурного пространства.

Символическое пространство музыкальной культуры формируется на протяжении всей истории существования того или иного этноса, народа, государства. Каждая новая историческая эпоха привносила в музыкальное пространство новые символы, образы, смыслы, закрепляющиеся в мироощущении каждого человека. Музыкальные конструкции или образы из поколения в поколение играют значительную роль в формировании национальной идентичности человека, в осознании собственной принадлежности и сопричастности к культуре своего народа [1. С 7–13]. Возьму смелость утверждать, что музыкальное исполнительское искусство наделяет человека особыми ассоциациями, смыслами, эмоциями, для каждого, разумеется своими, но неизменно значимыми. Предположим, как для старших поколений выстраивается понятный ассоциативный ряд и соответствующие эмоции из исторической памяти при звуках «Марсельезы» Клода Жозефа Роже де Лиля (1875 г.) или «Интернационал» Пьера Дёгейтера и Эжена Потье (1871 г.).

Не секрет, что ведутся дебаты о расстановке политических, экономических и культурных границ. Недостаточность духовности в современном материальном мире или отсутствие духовных знаний не дают возможность принять неразрывные исторические, культурные и социальные течения, литературные, художественные и музыкальные движения нашего времени. Можно предположить, что те, кто является приверженцем германских и романских языков и свойственным им культуре, искусству, музыке не восприимчив к искусству, культуре, музыкальному колориту славянского мира или мира мозаичной музыкальной культуры народов кавказского региона. Новому политическому устройству с вектором движения в сторону интеграции следует обратить внимание на культурные проблемы и трансляцию цивилизационной ценности языка музыки с ее национальными и региональными особенностями.

Безусловно, музыка – это уникальное явление мирового цивилизационного наследия, а язык музыки отражает удивительное разнообразие, отражающее культуру, историю и национальный характер. В подтверждение этому попробуем выстроить ассоциативный музыкальный ряд: тарантелла, неаполитанские песни, оперный жанр, бельканто – язык итальянской музыкальной культуры; фламенко, с его взрывной энергией и мелодичностью, пасодобль, фламенкофьюжн – это страсть и традиции Испании; Бах, Бетховен, Вагнер – язык «немецкой» музыки; Рахманинов, Чайковский, Шостакович, Прокофьев – колорит, душевность музыкального языка русской (мировой) культуры; танго, замба, милонга – символы Аргентины; хоровое грузинское многоголосие, лезгинка, Махмуд Эсамбаев, Муслим Магомаев – легенда, как голос и танец –связующие нити между Востоком и Западом – это весь Кавказ в его самобытности, противоречиях и многообразии; музыкальный воздух мира – Элвис, Синатра, Битлз…Предложенный ассоциативный ряд может быть продолжен в рамках

рассуждений о мировой музыкальной культуре, языке музыки, который понятен и доступен для каждого заинтересованного слушателя.

Сегодняшний дискурс, касающийся языковой мозаики в рамках стран Европейского союза, отнесение языков к «европейским», определение роли и значения восточнославянских языков, языков народов Кавказа и Закавказья, Каспийского региона и т.д., подвержен политическим настроениям. Подходы к решению таких проблем многовариантны, поскольку принимать во внимание необходимо и европейскую культуру, самосознание, духовную картину мира, исторический опыт, политические события, в том числе и факты неплодотворной самоизоляции и т.д. Такой дискурс подчеркивает некое противоречие между поиском единства в духовной, культурной и литературной сфере и тенденциями в языковой сфере, т.е. общего знаменателя в объединяющем культурном пространстве и трудностями при выборе языков «культуры». Таким «знаменателем» может служить язык музыки [2. С. 4–7].

Тема языка музыки – это многогранник с бесконечным числом сторон, так, как пример, литературные мировые шедевры переведены на язык музыки.

Бесконечная тема Дон Кихота (1605 г., Мигель де Сервантес Сааведра) – тема столкновения мечты и реальности, конфликта безумия и здравого смысла, любви и верности, дружбы и преданности имеет множество интерпретаций через язык музыки известных и не очень известных композиторов: Антуан Венюа (музыка к балету, 1808 г.), Цинк Бурновиль (музыка к балету, 1837 г.), Герхард Нинет де Валуа (музыка к балету, 1950 г.), Жак Ибер (музыка к балету, 1950 г.) Людвиг Минкус (музыка к балету, 1869 г.), Рихард Штраус (симфоническая поэма «Дон Кихот», 1897 г.), (Морис Равель (Песни о Дон Кихоте, 1933 г.), Жак Ибер (песни к к/ф «Дон Кихот», 1933 г.), Людовик Шписа (музыка к балету, 1949 г.).

Произведения Уильяма Шекспира являются источником вдохновения композиторов разных стран и эпох, а интерпретационный богатейший своей палитрой язык музыки доносит до каждого слушателя смысловую канву литературного произведения – это порядка 300-х сотен опер, балетов, симфонических, камерных произведений. Можно с уверенностью сказать, что Шекспир живет в музыке, язык которой доступен каждому желающему.

Богатство музыкального наследия позволяет выбрать конкретную личность или его произведения, которые откроют особое место в ярком многообразии мировых цивилизаций. Музыкальное многообразие является одним из важных черт цивилизационного многообразия [3.С. 1–3]. И здесь ярчайшим примером является жизнь и творческая судьба гениального композитора Георгия (Гия) Александровича Канчели (1935–2019 гг.), грузина по рождению и человека мира по языку музыки. Композитор с 1991 года жил в Берлине, с 1995 года – в Антверпене (Бельгия), отрицательно относился к российской политике, негативно оценивал войну в Грузии 2008 года, не посещал Россию в связи

с событиями в Украине 2014 года. Политические убеждения ни в какой мере не отражаются на восприятие музыкального наследия великого нашего современника. Погружение в чарующие звуки симфонической и камерной музыки, эмоциональное включение в мир звуков не требует знания грузинского, русского, немецкого и любых других языков. А комедия-водевиль «Ханума», в основе которой лежит одноименная пьеса Авксентия Цагарели (1882 г.) не сходит с театральных афиш. Музыкальный язык Г. Канчели является украшением спектаклей, фильмов, несет ощущение любви и печали, надежд и ностальгии, многих смыслов бытия и библейских, т. е. вечных цивилизационных истин.

Богатство музыкального мира нашей общей планеты направляет внимание к творческому наследию человека, личности – композитора, классика музыки советского периода, выдающегося азербайджанского композитора, соединившего в своем творчестве музыку Запада и Востока, музыкальную традицию европейскую, русскую и азербайджанскую. Это музыкант и композитор – Кара Абульфаз оглы Караев, сделавший для музыкального искусства так много, что этого хватило бы на несколько десятков судеб [4].

Принципиальным является «генетическая связь» или, иначе, историческая линия – Московская консерватория и класс Дмитрия Шостаковича, ученика Максимилиана Штейнберга, который прошел класс Александра Глазунова. Глазунов считался, в свою очередь, любимым учеником Николая Андреевича Римского- Корсакова. Фактически несколько «рукопожатий» – и вот караевская композиторская школа. Эта школа, в свою очередь, представлена Фараджем Караевым, Рауфом Гаджиевым, Арифом Меликовым, Владимиром Шаинским, Поладом Бюльбюль-оглы… Здесь сама напрашивается аксиома – язык музыки развивается, обогащается, дополняется всеми красками вселенной – это язык Бога на Земле, понятный и доступный каждому заинтересованному, духовно обогащенному слушателю.

Удивительна творческая летопись композитора – это познание и принятие вековых путей музыкальной западной культуры, соединенные с даром импровизации национального восточного языка музыки, это дар познания приемов сочетания несочетаемого. Так, например, волшебная композиция «Царскосельская статуя» с ярчайшими красками импрессионизма и национального азербайджанского колорита, или, например, симфоническая поэма «Лейли и Меджнун», балеты «Семь красавиц» и «Тропою грома», или симфонии, в которых присутствуют сложные гармонические сочетания европейского симфонизма и ладовость азербайджанской народной мелодики, фортепианные концерты и т. д. Подчеркнем, что Кара Караев – это самостоятельно развивающийся композитор огромного формата, поднявший на мировой уровень музыкальное искусство, наполненное национальным восточным, азербайджанским звуковым богатством.

Уже в немолодом возрасте композитор обратился к мировой литературной классике – по «Сирано де Бержераку» Э. Ростана был написан мюзикл «Неистовый гасконец», где использованы элементы рок-музыки. И произошла метаморфоза, когда по высказыванию композитора,– «в истории музыкальной культуры хотел остаться никак «не мюзиклом», а именно сейчас мы являемся очевидцами, как культура мюзиклов прочно закрепляется в музыкальных предпочтениях новых поколений. Культура мюзикла – это еще одна грань языка музыки, привлекательная для миллионов поклонников.

Связь имен и времен – это линия Шостакович – Кара Караев – Фарадж Караев. Фарадж Кара оглы Караев, сын, российско- азербайджанский композитор, Народный артист Азербайджана, педагог, профессор Московской консерватории им. П. И. Чайковского. Можно сказать, что Ф. Караев – один из значимых композиторов постсоветского пространства, сохранивший внутреннюю творческую свободу с матрицей неоднозначности, параллелей, смыслов, контекстов, т. е. ценностное право художественного выбора. Такое право выбора дает нам возможность услышать музыкальные пересечения академической и этнической музыки («Вавилонская башня», 2002 г.), познакомиться со звуками народных инструментов – азербайджанский тар и кяманча, дудук. Исполнители – «Атлас-ансамбль», в составе которого академические музыканты и этнические исполнители разных стран, объединенные языком музыки. Концертино для джазового ансамбля, «Проповедь и молитва» для инструментального ансамбля, Концерт для оркестра и скрипки и т. д., этот ряд можно и дальше продолжить.

Конечно, талант исходит от Бога, но фундаментальное музыкальное образование или, иначе, фортепианная и композиторская русско-российская школа, уникальные методики – это наши ценности и богатство творческих наследий. Получив основы, хороший фундамент очень важно каждому творчески одаренному человеку сформировать свой язык, свой стиль в разных направлениях. Современный представитель музыкального композиторского и исполнительского искусства является «зеркалом» сегодняшнего дня. Музыкальная многонациональная мозаика – это, своего рода, культурный код России, а язык музыки – это мировое цивилизационное достижение и достояние.

Список литературы

1. Букина, Т. В. Идея музыкальной культуры и способы ее концептуализации в отечественной научной традиции советской и постсоветской эпох: автореф. дис. ... канд. искусствовед.: 17.00.02 / Букина Татьяна Вадимовна.– СПб., 2012.

2. Нехаева И. Н. «Музыкальный язык» как не-знаковая форма мышления, или несколько замечаний по поводу «Застоявшейся традиции» // Научные ведомости. Серия Философия. Социология. Право. 2010. № 20(91). Выпуск 14. С. 62–69.

3. Заборов М. Язык музыки //Семь искусств. № 10. 2018. [Электронный ресурс]. Режим доступа: [7i.7iskusstv.com/2018-nomer10-zaborov/] (Дата обращения: 20.03.2026 г.)

4. Биография и творчество композитора [Электронный ресурс]. Режим доступа: [ru.ruwiki.ru/wiki/ Караев, Кара Абульфаз оглы?ysclid=mo1d9n85 rz380475734]. (Дата обращения:22.03.2026 г.)

DOI 10.34660/INF.2026.17.40.100

К ВОПРОСУ О РУССКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ СТИХОТВОРНОЙ ДРАМАТУРГИИ АЛЬФРЕДА ТЕННИСОНА ПОЭТОМ И ПЕРЕВОДЧИКОМ В. П. БУРЕНИНЫМ

Чернин Владимир Константинович
доктор филологических наук, профессор
Ульяновский государственный педагогический университет имени И. Н. Ульянова,
г. Ульяновск, Россия

Аннотация. *В статье рассматриваются первые попытки интерпретации стихотворной драматургии Теннисона русским переводчиком В. П. Бурениным. Ему принадлежит пространная переделка одной из поэм цикла «Королевских идиллий» «Lancelot and Elaine» («Ланселот и Элейна») в «сказку-драму в четырех действиях» «Песнь любви и смерти» с характерным подзаголовком, указывавшим на теннисоновский первоисточник.*

Ключевые слова: *интерпретация, теннисоновская идиллия, сюжетная канва, народнический подтекст, английский оригинал, русский интерпретатор.*

Annotation. *The article examines the first attempts of interpretation of Tennyson's poetic drama by the Russian translator V. P. Burenin. He owns a lengthy adaptation of one of the poems of the cycle of «Royal Idylls» «Lancelot and Elaine» («Lancelot and Elaine») in the «fairy tale drama in four acts» «A Song of Love and Death» with a characteristic subtitle that pointed to Tenisson's original source.*

Keywords: *interpretation, Tenisson's idyll, plot outline, narodnik subtext, English original, Russian interpreter.*

О возросшем интересе русской общественности к европейской литературе в конце XIX – начале XX в. говорят первые попытки интерпретации стихотворной драматургии великого английского поэта Альфреда Теннисона.

В 1895 г. к творчеству Теннисона обратился Виктор Петрович Буренин (1841–1926) – русский театральный и литературный критик, публицист, поэт-сатирик, драматург, переводчик, художник. Ему принадлежит пространная переделка одной из поэм цикла «Королевских идиллий» «LancelotandElaine»

(«Ланселот и Элейна») в «сказку-драму в четырех действиях» «Песнь любви и смерти», впервые опубликованную в 1909 г. с характерным подзаголовком, указывавшим на теннисоновский первоисточник («сюжет взят из поэмы А.Теннисона «Elaine»). Произведение Буренина открывается эпизодами охоты короля Артура и встречи королевы Джиневры (Дженевры) со своим любовником, рыцарем Ланселотом (Ланчелотом), тогда как в оригинальном произведении дальнейшим событиям предшествует описание влюбленной в рыцаря Элейны (Элены), бережно хранящей щит Ланселота, оставленный ей самим рыцарем, отправившимся на «алмазный турнир».

Теннисоновская трактовка учреждения Артуром «алмазных турниров», опирающаяся на легенду о том, как будущий король нашел в Лионессе корону с девятью алмазами («Forheretwobrothers, oneaking, hadmet / Andfoughttogether; buttheirnameswerelost. / Andeachhadslainhisbrotheratablow, / Anddowntheyfellan dmadetheglenabhorr'd; / Andtheretheylaytillalltheirboneswerebleach'd, / Andliche n'dintocolourwiththecrags; / Andoneofthese, theking, hadonacrown / Ofdiamonds, oneinthefront, andfouraside» [1, v. II, p. 110] [Ибо здесь два брата, один – король, встретились / И бились; но их имена были забыты. / И каждый сразил своего брата ударом, / И они пали, и узкая горная долина стала ненавистной; / И там они лежали, пока все их кости не побелели / И не покрылись лишайником цвета скал; / И у одного из них, короля, была корона / С алмазами, один – впереди и по четыре – сбоку]) и, надев ее, услышал шепот, предвосхищавший королевскую власть («…«lo, thoulikewiseshaltbeking» [1, v. II, p. 111] […«слушай, ты также будешь королем»], после чего повелел проводить турниры в течение девяти лет, дабы выявить сильнейшего рыцаря, наградой которому будут служить алмазы, не сохранена в русской интерпретации Буренина, в которой алмазную диадему уснувшему после утомительной охоты королю Артуру преподнесла Дева Озера: «Вдруг в отдаленьи песня / Чудесная послышалась, как будто / Из волн уснувших озера она / Звучала сладко… Хоровод волшебниц / Прекрасных, с синими глазами, пел / Ту сладостную песню… Тихо, тихо / Они приблизились ко мне в венках / Из лилий водяных… Одна казалась / Прекрасней и светлее всех… Склонясь / Передо мной, в алмазах диадему / Она мне подала…» [2, с. 12].

На диадеме, помимо изображения двух лилий, склонивших друг к другу головки, была надпись «Прекраснейшей», ставшая загадкой для королевы Джиневры, которая, считая себя той самой «прекраснейшей», убеждала Ланселота поехать на турнир, от участия в котором тот ранее отказался, желая провести время с возлюбленной. В теннисоновском оригинале Ланселот вынужден отказаться от собственного желания остаться с королевой и поехать на турнир, чтобы исполнить волю Джиневры, захотевшей получить алмаз волшебной короны в дополнение к тем алмазам, что уже были прежде

принесены Ланселотом в дар любимой женщине. Во время турнира, слушая повеление короля («Волшебница дала мне этот дар / Затем, чтоб блеском чудной диадемы / Украсился турнир, что в Камелоте / Назначен мной. Подарок феи будет / Наградой рыцарю тому, который / Всех победит, а ту, кого сочтет / Прекраснейшей счастливый победитель, / Пусть сам он увенчает диадемой» [2, с. 13–14]), Ланселот размышлял о том, что неизбежно должен скрывать свое имя, дабы избежать слухов о связи с Джиневрой.

Если Теннисон связал смерть Элейны с историей нахождения алмазов тем обстоятельством, что девушку похоронили в долине, где были найдены таинственные сокровища («…theknightshadlaidhercomelyhead / Lowinthedustofhalf-forgottenkings» [1, v. II, p. 159] […рыцари положили ее миловидную голову / Во прах полузабытых королей]), то Буренин, стремясь обозначить смысл дара феи, вписал во вторую сцену первого действия эпизод о детстве Ланселота, воспитанного Девой Озера: «…Сюда (в Пещеру Девы Озера) – / Преданье говорит – был унесен я / От матери волшебницею-феей, / Прекрасной королевой этих вод. / Там мне она таинственные песни / Под ропот струй серебренных певала, / По озеру носила на руках, / Лаская, говорила: «ты прекрасен, / Как царский сын»…» [2, с. 7].

В заключительной сцене первого действия буренинской сказки в качестве одной из сторон досуга короля и рыцарей представлено увлечение песней. Однако если песня рыцарей о посвящении Артура в короли вполне соответствует жанру теннисоновской поэмы, то песнь шута имеет далекий от английского оригинала народнический подтекст, что невольно подтверждается таким оригинальным диалогом с участием шута, Артура и Ланселота:

«Шут. В народе перенял <песню>.

Артур. Не правда ль, рыцарь Ланчелот, всегда / Прекрасны, веселы народа песни?

Ланселот. Да, государь. В веселье и в труде / Народа песнь – невольный голос сердца, / А что от сердца, то всегда прекрасно» [2, с. 20].

Следует отметить, что Буренин включил в канву своей сказки-драмы множество песен: помимо упомянутых нами песни фей, приносящих диадему в дар королю, песни шута и песни рыцарей, в буренинском произведении также обретают особый смысл мелодичная песня Элейны о Ланселоте и Джиневре, песня рыбака, трогательная песня Элейны, ухаживающей за Ланселотом, песня невидимых фей. Песня рыбака, вошедшая в третью сцену второй картины второго действия сказки-драмы, повторяется Элейной «в мистическом экстазе» при обращении к брату Лавейну с просьбой отвезти ее к раненому Ланселоту: «Плыви, моя ладья, плыви / К далеким берегам. / Иль смерть, иль счастие любви / Я смело встречу там!» [2, с. 43]. Данный эпизод, не соотносимый с текстом теннисоновской идиллии,

созвучен поэме Теннисона «TheLadyofShalott» («Леди из Шалотта», 1832, опубл. в 1833 г., переработано в 1842 г.), где героиня также плывет навстречу своей судьбе: «Anddowntheriver'sdimexpanse / Likesomeboldseerinatrance, / Seeingallhisownmischance – / Withaglassycountenance / DidshelooktoCamelot» [1, v. III, p. 86] [И вниз по речному мрачному пространству, / Подобно смелому пророку в трансе, / Видящему все свое несчастье, / Со стеклянным выражением лица / Смотрела она на Камелот].

«Песня любви и смерти» («TheSongofLoveandDeath»), сочиненная Элейной в тоске по Ланселоту, значима для теннисоновского оригинала как образец философской медитации человека, в сознании которого слились воедино любовь и смерть, сладость и горечь, жажда жить и желание умереть: «Sweetistruelovetho' giveninvain, invain; / Andsweetisdeathwh oputsanendtopain; / Iknownotwhichissweeter, no, notI. / Love, artthousweet? thenbitterdeathmustbe; / Love, thouartbitter; sweetisdeathtome. / OLove, ifdeathbesweeter, letmedie. / Sweetlove, thatseemsnotmadetofadeaway, / Sweetdeath, thatseemstomakeuslovelessclay, / Iknownotwhichissweeter, no, notI. / Ifainwouldfollowlove, ifthatcouldbe; / Ineedsmustfollowdeath, whocallsforme; / CallandIfollow, Ifollow! letmedie» [1, v. II, p. 146–147] [Сладка настоящая любовь, хотя дана напрасно, напрасно; / И сладка смерть, которая прекращает боль; / Я не знаю, которая слаще, нет, не я. / Любовь, ты сладкая? тогда горче смерть должна быть; / Любовь, ты горькая; сладка смерть для меня. / О Любовь, если смерть слаще, позволь мне умереть. / Сладкая любовь, которая, кажется, не создана, чтобы исчезнуть, / Сладкая смерть, которая, кажется, делает нас нелюбящей глиной, / Я не знаю, которая слаще, нет, не я. / Я с радостью последовала бы любви, если бы она была; / Я непременно должна последовать смерти, которая зовет меня; / Зови, и я последую, я последую! позволь мне умереть]. Для произведения Буренина эмоциональный монолог Элейны имеет кульминационный смысл, что дает русскому автору основание назвать всю сказку-драму «Песнью любви и смерти». Вместе с тем русский интерпретатор трансформировал монолог во второй картине третьего действия в своеобразный песенный диалог героини с феями, лишь отдаленно напоминающий английский первоисточник: «Как боролся с смертью милый, / Он с улыбкою унылой / Тихо мне промолвил раз: / «Нас любовь красою манит, / Не любовь, а смерть зови: / От любви душа устанет, / Смерть приветнее любви»… / <…> / Счастья горькую потерю / Я оплакала с тоской, / Но теперь я верю, верю – / Смерть мне сладкий даст покой» [2, с. 55–56]. Последние тринадцать стихов данного смыслового фрагмента дословно повторяются Бурениным в песне невидимых фей, где вновь возникают образы смертного ложа «средь душистых белых роз», ощущения ухода от тревожного счастья, успокоения от страданий, мысль о том, что смерть предпочтительнее любви («Без страданий и без слез,

/ Сердце счастьем не тревожа, / Я усну на смертном ложе / Средь душистых белых роз…/ И к груди моей остылой / С тихим плачем припадет / Он, мой рыцарь, сердцу милый, / Мой любимый Ланчелот. / Он промолвит, как бывало: / «Не любовь, а смерть зови», / И отвечу я устало: / «Милый, я теперь узнала – / Смерть отраднее любви»…» [2, с. 55–56]); символично, что два последних стиха снова звучат из уст Элейны, когда ее ладья в шестой сцене четвертого действия причаливает к берегу [2, с. 66].

Бурениным максимально полно передан сюжет теннисоновской идиллии, где Ланселот, заблудившись, попадает в замок Астолата, в котором встречает полюбившую его Элейну, а затем, не раскрывая своего имени, заменив свой щит щитом старшего брата Тор отправляется на турнир, где одерживает победу, но, при этом будучи тяжело раненным, обрекает себя на необходимость скрываться в пещере отшельника, не взяв заветного алмаза. Буренин опустил подробное описание турнира, заменил алмаз диадемой, назвал Гевейна (Gawain), отправленного по приказу короля на розыск победителя, Тристаном. И в английской идиллии, и в русской сказке-драме Гевейн (Тристан) попадает в замок Астолата и, поняв по щиту, что победитель – Ланселот, отдает награду Элейне, которая спешит к возлюбленному и спасает его своей заботой. В русском произведении существенно подробнее, нежели у Теннисона, говорится о ревности Джиневры, которая, во многом вопреки замыслу английского оригинала, оказывается способной явиться в пещеру с упреками Ланселота в неверности. Если у Теннисона выздоровевший Ланселот сам отвергает любовь Элейны и решает вернуться к королеве, то у Буренина Элейна слышит монолог Джиневры и сама просит Ланселота возвратиться к любимой им женщине. Ланселот спешит к Джиневре, которая выкидывает алмазы в тот самый момент, когда у стен Камелота появляется ладья с бездыханным телом Элейны.

При соблюдении общей сюжетной канвы в произведении Буренина много отступлений от теннисоновского оригинала. Например, сондевушки, послужившийпричинойотправленияЛавейнанатурнир («…the maiden dreamt / That some one put this diamond in her hand, / And that it was too slippery to be held, / And slipt and fell into some pool or stream, / The castle-well, belike…» [1, v. II, p. 117] […деве приснилось, / Что кто-то положил этот алмаз в ее руку, / И он был слишком скользким, чтобы удержать, / И выскользнул и упал в какое-то озеро или реку, / В колодец замка, наверно…]) интерпретирован Бурениным в первой картине второго действия как простое обещание брата сестре: «…Завтра еду / Я на турнир, возьму чудесный приз / Арутра короля и диадемой / Тебя я увенчаю, как царицу» [2, с. 23]. Характерная бледность влюбленной Элейны («…«Lilymaid, / Forfearourpeoplecallyoulilymaid / Inearnest, letmebringyourcolourback; / Once, twice, andthrice: nowgetyouhencetobed» [1, v. II, p. 123] […«Лилия-дева, / Из опасения, что наш народ будет звать тебя

лилией-девой / Всерьез, позволь мне вернуть твой румянец; / Раз, два и три: теперь иди отсюда спать]) заменена русским интерпретатором на краску смущения, возникающего у героини от осознания своих чувств к Ланселоту («Ну, ну, сестра, / Смотри, ты из Лилеи Астолата, / Пожалуй в розу обратишься, если / Краснеть так будешь…») [2, с. 35].

Если в английском оригинале Элейна узнает имя своего возлюбленного только после приезда Гевейна в поисках рыцаря, выигравшего турнир («RightwastheKing! ourLancelot! thattrueman!» / «AndrightwasI», sheanswer'dmerrily, «I, / Whodream'dmyknightthegreatestknightofall» [1, v. II, p. 134] [«Прав был Король! наш Ланселот! тот верный муж!» / «И права была я», она ответила весело, «Я, / Которая видела во сне, что мой рыцарь – величайший рыцарь из всех»]), то в русской сказке-драме Элейна ощущает это сердцем задолго до появления Тристана, буквально сразу после отъезда Ланселота на турнир («Так вот кто он!.. Прекрасный Ланчелот, / Напрасно скрыть желал ты имя: сердцем / Тебя я отгадала. Предо мною / В мечтах сиял твой образ с детских лет / И душу мне ласкал, как солнца свет / Цветок ласкает утренней порою… / Таинственно-далекий призрак сна, / Мелькавший из волшебного тумана, / Я наяву увидела нежданно, / Восторгом счастья нового полна» [2, с. 35]). Наконец, Буренин трансформирует концовку теннисоновского произведения, показывая Элейну прибывающей в Камелот не мертвой с письмом в руке, а живой, держащей в руках две лилии, те самые, изображение которых на диадеме сопровождалось надписью «Прекраснейшей»: «– Как бледна! – Цветы / В руке у ней: две лилии.– А руки / сложила точно для молитвы» (действие четвертое, сцена шестая) [2, с. 64]. Тем самым в буренинском произведении был найден ответ на загадку диадемы и появилась возможность вложить печальную историю любви в уста героини.

Следует признать, что отступления, допущенные Буреиным при создании сказки-драмы «Песнь любви и смерти», были в большинстве своем обоснованными. Русский писатель предпринял удачную попытку создания собственного оригинального драматического произведения с опорой на яркий, запоминающийся сюжет теннисоновской идиллии.

Список литературы

1. The Poetical Works of Alfred Tennyson.– Leipzig, 1860–1880.– Vol.I–VIII.

2. Буренин В. П. Песнь любви и смерти: Сказка-драма в 4-х действиях. Сюжет взят из поэмы Альфреда Теннисона «Elaine».– СПб.: тип. А. С. Суворина, 1909.

ЗАМЕТКИ

ЗАМЕТКИ

Научное издание

Высшая школа: научные исследования

Материалы Межвузовского международного конгресса
(г. Москва, 30 апреля 2026 г.)

Научный редактор Д.Р. Хисматуллин
Корректор А.И. Николаева

Подписано в печать 30.04.2026 г. Формат 60x84/16.
Усл. печ.л. 10,75. Тираж 500 экз.

Отпечатано в редакционно-издательском центре
издательства Инфинити

